

Том 6, № 2, 2022

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

**Право и политическая наука:
методы, проблемное поле и области
пересечения в изучении политических
режимов**

**Роль Конституционного Суда в условиях
российских реалий**

**Политология права как межпредметная
область**

**Современные проблемы электоральных
исследований**

Право и власть в современном государстве

Public Policy

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Том 6, № 2, 2022

ISSN 2541-8351

Право и политическая наука: методы, проблемное поле и области пересечения в изучении политических режимов

Учредитель: Межрегиональная общественная организация
«Гуманитарно-политологический центр "Стратегия"»

Главный редактор: Сунгуров А.Ю.
Редакция: Акопов С.В., Балаян А.А.
(ответственный секретарь),
Тульчинский Г.Л., Щербак А.Н.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25/14, оф. 409
Телефон/факс: (812) 712-66-12,
e-mail: publicpolicyeditor@gmail.com
Электронная версия: <http://center-strategy.com>
ISSN 2541-8351

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65767 от 27 мая 2016 г.
Подписано в печать 3.03.2023 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 9,75.
Тираж 500 экз. Заказ 97654.
ООО «Типография АРСИ».
192236, Санкт-Петербург, ул. Б. Куна, д. 32.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- Акопов С.В.** Доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ
- Балаян А.А.** Кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ (ответственный секретарь)
- Малинова О.Ю.** Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН
- Морозова Е.В.** Доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар
- Никовская Л.И.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва
- Попова О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ
- Сморгунов Л.В.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ
- Сунгуров А.Ю.** Доктор политических наук, президент Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия», профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ, главный редактор
- Тимофеева Л.Н.** Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН
- Тульчинский Г.Л.** Доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента государственного администрирования СПб филиала НИУ ВШЭ
- Щербак А.Н.** Кандидат политических наук, доцент, руководитель департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ

EDITORIAL BOARD

- Akopov S.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Balayan A.A.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg (executive secretary)
- Malinova O.Y.** Doctor of Philosophy, Professor of Higher School of Economics National Research University, Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences INION RAN
- Morozova E.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar
- Nikovskaya L.I.** Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
- Popova O.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Political Institutions and Applied Political Science Department, St. Petersburg State University
- Smorgunov L.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of Political Governance Department, St. Petersburg State University
- Sungurov A.Y.** Doctor of Political Sciences, President of the St. Petersburg Humanitarian and Political Center "Strategy", Professor, Department of Political Science and International Affairs, Chief Editor
- Timofeeva L.N.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chair of the Board of the RAPN
- Tulchinskii G.L.** Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Worker of Science of Russian Federation, Professor, Department of Public Administration, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Shcherbak A.N.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Political Science and International Affairs Department, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

- Бальцер Х.** Почетный профессор, Джорджтаунский университет, США
- Ильин М.В.** Доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО(У), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, Москва
- Гаман-Голутвина О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент РАПН
- Колебач Х.** Школа социальных наук и международных исследований, Университет Нового Южного Уэльса, экс-председатель Исследовательского комитета по публичной политике и администрации Международной ассоциации политической науки, Австралия
- Крастев И.** Директор софийского Центра либеральных стратегий, София, Болгария
- Кук Л.** Профессор Brown University, USA
- Макарычев А.С.** Доктор исторических наук, профессор Института правительства и политики Университета г. Тарту, Эстония
- Петерссон Б.** Профессор Университета Мальме, Швеция
- Рубл Б.** Почетный научный сотрудник (distinguished fellow) Центра международных исследований им. Вудро Вильсона, Вашингтон, США
- Серме Л.** Профессор Института политических исследований в Экс-Провансе (SciencesPoAix), Франция
- Соловьев А.И.** Доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционно-издательского совета РАПН
- Стародубцев А.В.** Кандидат политических наук, доцент, и. о. заместителя директора СПб филиала НИУ ВШЭ
- Чернышов Ю.Г.** Доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета, директор Алтайской школы политических исследований, Барнаул
- Якимец В.Н.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор РАНХиГС, Москва

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Baltzer H.** Doctor of Political Sciences, Professor Emeritus, Georgetown University
- Ilyin M.V.** Doctor of Political Sciences, Tenured Professor, Higher School of Economics National Research University, Professor at MGIMO, Head of the Centre for Advanced Methodologies in Social Sciences and Humanities, INION RAN
- Goman-Goluvina O.V.** Doctor of Political Sciences, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations. President of the RAPN
- Kolebach H.** Doctor of Political Sciences, Honorary Professor, School of social sciences and international research UNSV, Sydney, Ex-Chair, Research Committee on Public Policy and Administration, International Political Science Association Australia
- Krastev I.** Chair of the Center for liberal Strategies in Sofia, Sofia, Bulgaria
- Cook L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Brown University, USA
- Makarychev A.S.** Doctor of Historical Sciences, Professor of Institute of Government and policy of the University of Tartu, Estonia
- Peterson B.** Doctor of Political Sciences, professor of the university of Malmö, Sweden
- Rubl B.** Distinguished fellow of Center of the Woodrow Wilson International Center, Washington, USA
- Serma L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Institute of Political Researches in Ex-Provence, France
- Solovyov A.I.** Doctor of Political Sciences, Head of Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University, Chair of the Editorial and Publishing Council of the RAPN
- Starodubtsev A.V.** Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Acting Deputy Director, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Chernyshov E.G.** Doctor of Historical Sciences, Head of General History and international relations Department, Altai state university
- Yakimets N.Y.** Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of Institute of Problems of Information transfer, Russian Academy of Sciences, Moscow

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора.....	8

СТАТЬИ

<i>Медушевский А.Н.</i>	Конституционный Суд как правовой и политический институт в российской системе власти: итоги и перспективы развития 10
<i>Денисов С.А.</i>	Конституционная политология как наука о конституционализации политической системы..... 43
<i>Мизулин М.Ю.</i>	Политология права: контур предметности 59
<i>Захарова А.Е.</i>	Юридическая политологии / политология права: анализ текущего опыта и перспективы дальнейшего пути..... 71
<i>Любарев А.Е.</i>	Выборы как объект междисциплинарных исследований 88
<i>Зиновьев А.О.</i>	Право между «идеологической властью» и «политической властью» в структуре государства 99

РАСШИРЕННЫЕ ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

<i>Глушкова С.И.</i>	Влияние образовательного потенциала правозащитных медиаресурсов на развитие динамичного диалога общества и власти 108
<i>Захарова А.Е.</i>	Институт конституционных и уставных судов в субъектах РФ 112
<i>Игнатьева О.А.</i>	Права человека, демократия и конституционализм: взгляд западных ученых 118

РЕЦЕНЗИИ

<i>Томин Л.В.</i>	Коллективное мышление Воображаемой партии. Рецензия на книгу «Тиккун» «Кибернетическая гипотеза» (М.: Гилея, 2022).....	123

БЕСЕДЫ С КОЛЛЕГАМИ

Михаил Юрьевич Мизулин: «Мы не имеем права на поверхностные суждения. У нас нет времени для этого»	135

КОНФЕРЕНЦИИ И СИМПОЗИУМЫ

Право и политическая наука: октябрьские дискуссии	144

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляемый читателям номер в основном посвящен проблемам, которые обсуждались на прошедшей 20–22 октября 2022 г. Одиннадцатой международной научной конференции цикла «Октябрьские чтения – 2022», которая на этот раз была посвящена новому междисциплинарному направлению на стыке политической науки и права: «Право и политическая наука: методы, проблемное поле и области пересечения в изучении политических режимов».

Необходимость развития этого междисциплинарного направления, которое может быть названо политологией права (либо юридической политологией), обосновывалась еще шесть лет назад в нашей с Анной Захаровой (тогда Семиковой) статье «Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля» в журнале «Общественные науки и современность» (2017. № 5. С. 83–94).

Открывает этот номер «Публичной политики» доработанный текст выступления председателя программного комитета конференции, ординарного профессора НИУ ВШЭ – Москва А.Н. Медушевского, посвященный некоторым итогам изучения Конституционного Суда РФ и возможным направлениям дальнейших исследований. Конституционное правосудие, которое является ярким примером сочетания правовых и политологических подходов, бесспорно может считаться одним из важных предметов изучения политологии права. Тема конституционного правосудия получила также свое развитие и в статье доцента Гуманитарного университета в Екатеринбурге С.А. Денисова, который обосновывает свое понимание этой темы как науки о конституционализации политической системы.

Далее в статьях доцента РАНХиГС М.Ю. Мизулина и выпускницы аспирантуры НИУ ВШЭ – Москва А.Е. Захаровой с различных точек зрения рассматриваются перспективы развития политологии права. М.Ю. Мизулин, который первым предложил так называть обсуждаемое междисциплинарное направление, очертил в своей статье возможные его контуры предметности. А.Е. Захарова, которая продолжает сравнивать оба обсуждаемых варианта его названия, рассматривает перспективы дальнейшего пути развития этого направления.

А.Е. Любарев, известный российский специалист по избирательному праву, в своей статье рассматривает выборы как объект междисциплинарных исследований, что вполне оправдано, так как весь институт избирательной системы, включающий как электоральное право, так и систему избирательных комиссий, может быть одним из важных объектов исследования политологии права.

В статье А.О. Зиновьева, доцента ПГУПС, предлагается понимание права в структуре государства на основе подходов Ю. Хабермаса и М. Манна. В частности, им показана важность «прав человека» как элемента «идеологической власти» в структуре «конституционного государства». Этот тезис представляется особенно важным, так как сама концепция прав человека также является, на наш взгляд, существенной частью зарождающейся политологии права.

В этом выпуске представлены также расширенные тезисы выступления С.И. Глушковой, А.Е. Захаровой и О.А. Игнатъевой и отчет об Октябрьских чтениях – 2022, подготовленный ведущими основных панелей.

Помимо этого, в работе представлена подробная рецензия Л.В. Томина на недавно вышедшую книгу коллектива авторов «Тиккун» «Кибернетическая гипотеза», перевод которой вышел в издательстве «Гилея».

Отдельно остановимся на нововведении «Публичной политики» – интервью с одним из авторов нашего журнала, М.Ю. Мизулиным, которое взяла у него студентка ОП «Журналистика» НИУ ВШЭ Дарья Калапышина в рамках студенческого проекта «Развитие журнала “Публичная политика”». Мы планируем, что подобные интервью и беседы с ведущими учеными в области публичной политики появятся и в следующих выпусках журнала.

А.Ю. Сунгуров, главный редактор

Медушевский Андрей

Конституционный Суд как правовой и политический институт в российской системе власти: итоги и перспективы развития

Медушевский

Андрей Николаевич –

*доктор философских наук,
ординарный профессор
Национального
исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»
(факультет социальных наук)*

*Для связи с автором:
amedushevsky@mail.ru*

Для цитирования:

*Медушевский А.Н.
Конституционный Суд как
правовой и политический
институт в российской системе
власти: итоги и перспективы
развития //*
*Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_10*

Аннотация

Предмет данной статьи – переосмысление места и роли российского Конституционного Суда в российской правовой и политической системе в сравнительной, структурной и долговременной исторической перспективе – от его основания в 1991 г. до 30-летнего юбилея в 2021 г. В работе суммируются обширный эмпирический материал и выводы представительного коллективного труда «Конституционный Суд России: осмысление опыта», опубликованного под общей редакцией автора Центром конституционных исследований в 2022 г.

Ключевые слова: контроль конституционности как интернациональный феномен, Конституционный Суд РФ, сравнительное конституционное правосудие, правовое толкование, политическая юриспруденция, правовые позиции и ключевые решения Суда в трансформации политической системы, влияние конституционных поправок 2020 г. на конституционную юриспруденцию.

Medushevskiy Andrey

Constitutional Court as Legal and Political Institute in the Russian System of Power: Results and Prospects of Studies

Medushevskiy Andrey N. –
*doctor of sciences (Philosophy),
tenured professor at the National
Research University Higher School
of Economics.*

*To contact the author:
amedushevsky@mail.ru*

Abstract

The subject of this article consists in rethinking of the place and role of the Russian Constitutional Court in the Russian legal and political system in comparative, structural, and long-term history perspective – from its foundation in 1991 to its 30 years anniversary in 2021. It summarizes abundant empirical material and conclusions of the prominent collective work – “Russia’s Constitutional Court: Rethinking its Experience” published under author’s general editorship by the Center of Constitutional Studies in 2022.

Keywords: Control of constitutionality as international phenomenon, Russia’s Constitutional Court, comparative constitutional justice, legal interpretation, political jurisprudence, Court’s legal positions and key decisions in transformation of political system, the impact of 2020 constitutional amendments upon constitutional jurisprudence.

Темой актуальных дебатов стало взаимоотношение права и политики, методы их изучения и поиск точек сближения в современном гуманитарном познании¹. Традиционно право и политика как две сферы социального регулирования разделяются и противопоставляются друг другу, порождая различие подходов и даже взаимное отчуждение юристов и политологов. Если юриспруденция апеллирует к правовой норме, то политическая наука – к эффективности принимаемых решений. В современном демократическом обществе, однако, эти междисциплинарные границы меняются: политика как сфера борьбы за власть должна быть ограничена определенными правовыми рамками, процедурами и инструментами осуществления, не выходящими за эти рамки, представляя собой в известной мере политику права. Конституция, в свою очередь, получает социологическую трактовку – она может быть интерпретирована как реальная, номинальная или мнимая с точки зрения осуществимости норм, но в любом случае остается фундаментом легитимации политических решений в перспективе их соответствия стандартам правового государства.

Согласование этих противоречивых трендов с позиций контроля их соответствия целям правового государства возложено на институты конституционного правосудия. С этим связано их распространение в XX веке, расширение их компетенции, а также принципиальной роли в политической системе государства. Это делает их идеальным объектом с точки зрения выяснения соотношения права и политики в логике социального конструирования и управления. Тридцатилетний юбилей Конституционного Суда России, созданного в 1991 г. и воссозданного после кризиса и принятия Конституции 1993 г. в 1994 г., позволяет обобщить дискуссии о соотношении правовых и политических изменений всего постсоветского периода в истории российской государственности. В основу данной статьи положены эмпирические наблюдения и выводы новейшего коллективного труда – «Конституционный Суд России: осмысление опыта», – опубликованного под общей редакцией автора Центром конституционных исследований в 2022 г.²

На основе данного труда целесообразно переосмысление трех взаимосвязанных групп вопросов конституционной юриспруденции в контексте трансформации российской политической системы. *Первая группа вопросов* – теория конституционного правосудия с позиций политической науки

¹ Данная статья основана на пленарном докладе автора на Одиннадцатой ежегодной международной научной конференции департамента политологии и международных отношений «Октябрьские чтения – 2022: Право и политическая наука: методы, проблемное поле и области пересечения в изучении политических режимов» 20–22 октября в Санкт-Петербурге.

² Конституционный суд России: осмысление опыта / под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022. 645 с.

и российский опыт ее применения в сравнительной перспективе. *Вторая группа* – российская система конституционного правосудия в политическом процессе: периодизация истории российского Конституционного Суда как правового и политического института; транснациональные вызовы легитимности конституционного правосудия: отношения Конституционного Суда России с юрисдикцией ЕСПЧ; политически значимые решения КС во внутренней политике; власть и оппозиция – решения КС с наиболее выраженной политизацией; отказные решения как канал проведения политических установок. *Третья группа* – изменение роли Конституционного Суда в результате конституционной реформы 2020 г.: право и политика в аргументации КС по вопросу конституционных преобразований 2020 г.; Конституционный Суд после реформы 2020 г.: остается ли российское конституционное правосудие независимым? В этом проблемном контексте возможно определение перспектив российского конституционного правосудия и направлений его исследования в политической науке.

1. Вопросы теории конституционного правосудия с позиций политической науки

Идеальный образ Конституционного Суда как платоновского законодателя позволяет сравнивать его с философом на троне и создает представление о чисто рациональном принятии решений. Размышления Суда сходны с философской аргументацией, поскольку, как предполагается, судьи, в отличие от членов законодательной ассамблеи, не имеют прямой материальной заинтересованности в вынесенном решении. Они обсуждают вопрос до тех пор, пока не выносят вердикт, который воспринимается государственной системой как истина, подлежащая не обсуждению, а только исполнению. Однако не истинность судебного вердикта придает ему власть, а, напротив, сама система наделяет его этой властью. Поэтому принятие судебных решений имеет свои ограничения. Для понимания механизма принятия Судом решения следует учитывать ряд факторов: конституционная модель правосудия; законодательные полномочия Суда; его формирование в системе разделения властей; тенденции к эволюции, допустимые варианты деятельности, роль в политическом процессе.

Во-первых, институты конституционного правосудия имеют гибридную (политико-правовую) природу: в качестве юридического органа они должны представлять на высшем уровне «уста закона» (Конституции), что вполне соответствует традиционным представлениям о роли судьи; в качестве политического института они представляют элемент системы разделения властей, осуществляя контроль за другими органами власти с тем, чтобы помешать им выйти за пределы своей компетенции и заставить уважать ценности,

закрепленные в Конституции. Конституционный Суд может противостоять парламенту, оспаривая конституционность принятого закона, но парламент, в свою очередь, способен изменить закон о Конституционном Суде, скорректировав его полномочия.

Во-вторых, выясняется значение правовой и политической культуры. Сравнительный подход к изучению конституционного правосудия показывает сосуществование двух основных моделей – англосаксонской и континентальной. Они возникли в разное время и различаются существенными признаками – соотношением конкретного и абстрактного, предварительного и последующего, децентрализованного и централизованного контроля. Первая – американская – модель определяется как децентрализованная (поскольку контроль осуществляется всеми судами страны); конкретная (поскольку вердикты суда основываются на применении закона в частных случаях) и носящая последующий характер – действующая *a posteriori* (поскольку контроль осуществляется применительно к уже утвержденным законам). Вторая – европейская модель – является централизованной (поскольку контроль осуществляется специальным и единственным судом); абстрактной (поскольку суд выносит постановление по поводу закона независимо от всех прочих судебных разбирательств); носящей предварительный характер – действующей *a priori* (поскольку контроль осуществляется над еще не утвержденными законами). В действительности, имеет место гибридизация этих параметров, позволяющая говорить о конвергенции двух идеальных типов с принятием определенной политики права.

В-третьих, соотношение абстрактного и конкретного контроля уже представляет собой некоторую модель отношения к политике. Правовая определенность может быть выше в системах абстрактного контроля по сравнению с системами конкретного, но при этом более политизированной (как демонстрируют, например, страны Восточной Европы). Однако система, которая опирается только на конкретный контроль (США, Канада, Австралия), также имеет свою политическую ориентацию и не сводится исключительно к защите индивидуальных прав. Наиболее распространенный довод в пользу конкретного контроля по сравнению с абстрактным – тот, что факты конкретного дела и практика применения норм очерчивают круг вопросов, подлежащих рассмотрению, и, соответственно, решения о конституционности норм представляются более обоснованными. Предполагается, что это уменьшает риск политизированных решений, но на практике не исключает их, если в Суде доминируют представители одной политической группы. Современная тенденция к сочетанию элементов абстрактной и конкретной моделей контроля также может дать диаметрально противоположный эффект, делая Суд более или менее политизированным в принятии решений.

В-четвертых, компетенция институтов конституционного контроля может быть различной и меняться с течением времени. Так, объект контроля может быть ограничен или расширен (введением понятия «блока конституционности»); включать оценку конституционности поправок к Конституции или нет; охватывать только законодательство или также право индивидуальной жалобы, ограничиваться вопросами права или включать рассмотрение фактических обстоятельств дела, а значение решений Суда зависит от его статуса в системе разделения властей – является он гарантом Конституции или эту функцию выполняет другой институт (например, парламент или президент). Совокупность этих параметров может давать разный эффект при рассмотрении вопросов конституционности, связанных с различными типами дискриминации – социальной, религиозной, расовой, этнической, гендерной, языковой и проч.), решений, принимаемых на разных стадиях конфликта, в разных политических обстоятельствах.

В-пятых, констатируются противоположные траектории развития конституционного правосудия. В одной группе стран Суды задумывались авторами Конституции как институты с акцентом на судебные функции и формально казались на начальном этапе сугубо юридическими институтами, но быстро приобрели в высшей степени политические функции, став «творцами национальной политики» государства (Верховный Суд США). В другой группе стран Суды рассматривались изначально как политизированные институты (например, в итальянской и французской Конституциях), но затем последовательно эволюционировали в направлении стандартов конституционного правосудия (классический пример – Конституционный Совет Франции, задумывавшийся как орган с ограниченными судебными полномочиями, но обретший их позднее в результате конституционных поправок и трансформации политической системы Пятой республики). Сами эти институты (как Верховный Суд США, Верховный Суд Соединенного Королевства, Конституционный Совет Франции, Конституционный Суд Германии и др.) проделали сложную эволюцию и не всегда имели одинаковую компетенцию и функции, что делает задачу интерпретации и адаптации их решений непростым делом, показывая ограничения механического применения метода аналогии. Модель российского конституционного правосудия органически связана с континентальной традицией (прежде всего германской и французской), но не может игнорировать позиции международных судов, доктрин, постановки вопросов и решений институтов контроля конституционности в странах прецедентного права.

В-шестых, актуальная проблема – степень независимости институтов конституционного правосудия от других ветвей власти или правящих элит – независимости юридической, политической и фактической. Она определяется

совокупностью факторов, выявленных в специальной литературе: состояние корпуса права, применяемого к данному делу; внешнее окружение Суда, включая другие центры выработки политики; группы интересов и общественное мнение; личные ценностные ориентации судей относительно альтернативных решений; взаимодействие между членами Суда. Для установления степени независимости Суда особое значение имеют следующие факторы: порядок назначения его членов; срок его полномочий; наличие гарантий против давления извне; внешние атрибуты независимости. Порядок формирования Судов находится на пересечении политического и юридического направлений: в зависимости от того, какие высшие институты власти (законодательной, исполнительной и судебной) участвуют в этом, происходит рекрутирование корпуса судей, однако профессиональные требования к ним делают необходимым учет юридической специфики их деятельности.

В-седьмых, роль институтов конституционного правосудия в политическом процессе. В силу различия своих компетенций Суды могут выступать исключительно в роли негативного законодателя (например, ВС США периода нейтрализма); занимать более активную позицию, связанную со стремлением к изменению Конституции путем ее судебного толкования (США периода Нового курса, ФРГ эпохи денацификации, страны Южной Европы и Восточной Европы в переходный период от диктатуры к демократии); выступать в роли гаранта условий переходного процесса и даже элемента конституирующей власти (ЮАР периода выхода из апартеида); становится прямым участником политического процесса (например, Верховный Суд Индии в период чрезвычайного положения, суды Латинской Америки и арабских стран в периоды острых политических кризисов и переворотов, Конституционный Суд РФ 1991–1993 гг.); наконец, демонстрировать свою роль в виде «активизма наоборот» – сознательного самоустранения от решения острых вопросов, принятием доктрины «политических вопросов», делегируемых законодателю (Суды Японии, Израиля, Чили в разные периоды деятельности). Констатируется усиление политической роли судов (по отношению к их юридической роли) по мере роста нестабильности демократии, когда возникает отчетливое противоречие между юридизацией и политизацией принятия решений. Особенно четко самостоятельная политическая роль судов проявляется в решениях по так называемым «трудным вопросам» – ситуации, когда судьи вынуждены выбирать между двумя альтернативными решениями, каждое из которых формально соответствует Конституции. Политическая воля здесь способна возобладать над юридической аргументацией.

В концентрированной форме политическая роль Судов определяется принятыми стандартами толкования права. Воплощая функцию негативного законодателя, Суды могут выполнять ее с большей или меньшей

последовательностью и интенсивностью, балансируя между сдержанностью (в тенденции, ведущей к стагнации) и активизмом (в тенденции, превращающей Суды в конкурента законодателя), причем на практике провести границу между ними достаточно трудно. Конфликт ценностей, принципов и норм, существующий в любой правовой системе, решается по линии установления их иерархии, балансирования и толкования. Они, в свою очередь, зависят от состояния корпуса права, доктрины и способов аргументации. К числу таких доктрин, определяющих вынесение судебного вердикта, относятся сегодня: конституционная идентичность, многоуровневый конституционализм, взвешивание (балансирование), пропорциональность, субсидиарность, почтительность, согласованное толкование, презумпция добросовестного законодателя, уважение к суду, разумная сдержанность и активизм, судебская этика, должное исполнение судебных решений и ряд других, которые приобретают разный смысл в научных трудах, не говоря об их практическом применении в практике российского конституционного правосудия. Способы аргументации решений также очень разнообразны. Используя эти инструменты, Конституционный Суд способен активно воздействовать на изменение правовой ситуации в обществе. Чрезмерный активизм может превратить Суд в политический институт, противостоящий другим ветвям власти, и даже неправомерно выйти за рамки своей компетенции, подменяя тем самым другие конституционные органы. Подобный феномен, определяемый как «правление судей», позволяет им активно участвовать в политическом процессе (особенно в условиях конституционных кризисов), причем с противоположным эффектом – тормозить реформы или, напротив, ускорять темпы модернизации. Таким образом, политические факторы конституционного правосудия во многом определяют его вклад в развитие конституционализма, который может оставаться как позитивным, так и негативным.

Ключевая политическая проблема – определения легитимности институтов конституционного правосудия в современной демократии. В самом общем виде конституционная юстиция означает способность Конституционного Суда сказать «нет» законодательной власти, выступая в роли полноценного «негативного законодателя». Однако эта роль институтов контроля конституционности появилась сравнительно недавно. Ранее Суды признавались «наименее опасной властью» в системе разделения властей, а их функции ограничивались определением «уста закона». В этом смысле роль судебной власти в создании современного конституционализма очень велика, но получает принципиально различные оценки: если одни приветствуют ее и считают вполне логичной, то другие говорят об опасности развития данного тренда. Они указывают на то, что эта роль Суда – противоречит демократии (неизбираемые суды становятся на деле конкурентом избираемых парламентов),

он способен с позиций юридического формализма блокировать проведение необходимых экономических реформ либо подорвать коллективное выражение народного волеизъявления, объявляя его несовместимым с либеральными конституционными принципами. Именно к этому сводятся аргументы современных популистских противников конституционного правосудия, взывающих к некоему «народному конституционализму» и требующих «забрать Конституцию из судов».

Но при всех спорах о значении конституционного правосудия, оптимальном конструировании его институтов и их полномочий никто не отрицает важности независимой профессиональной (судебной) экспертизы конституционности принимаемых законов как значимой гарантии против монополизации власти, ее узурпации и нарушения прав человека. В России этот круг проблем пришлось решать достаточно поздно – лишь в конце XX в., причем в ситуации масштабного кризиса государства, выход из которого был связан с принятием Конституции 1993 г. и созданием современной модели конституционного правосудия.

2. Российский опыт конституционного правосудия – общее и особенное в сравнительной перспективе

Развитие конституционного правосудия в Европе связано с распространением кельзеновской модели и включает три основных этапа: первый приходится на время после Первой мировой войны, когда создаются первые конституционные суды (Австрия, Чехословакия, Испания, Ирландия); второй связан с окончанием Второй мировой войны, когда судебный контроль конституционности законов стал рассматриваться как единственный инструмент обеспечения прав меньшинств от посягательств большинства и выражающей его волю законодательной власти; третий приходится на 1970-е гг. и связан с падением диктаторских режимов в Южной Европе. В странах Центральной и Восточной Европы процесс развития конституционного контроля был невозможен до конца 1980-х гг. и стал реальностью лишь с ликвидацией однопартийных режимов после 1990 г. Особенность рецепции кельзеновской модели в Восточной Европе и России состоит в том, что она, во-первых, происходит с большим опозданием, во-вторых, не опирается на развитую систему правового государства и, в-третьих, с начала своего существования вступает в острый конфликт с другими ветвями власти, не утратившими надежды в условиях переходного периода достичь преобладания неправовым путем. Для оценки опыта российского конституционного правосудия имеют значение следующие вопросы: концепция Конституционного Суда; формирование его модели; место в системе разделения властей; место в системе самой судебной власти; объем полномочий; значение его позиций, перспективы сравнений.

Концепция Конституционного Суда РФ в его современном виде стала результатом конституционной революции 1993 г., ознаменовав решительный отказ российского общества от советской однопартийной диктатуры в пользу принятия международных (европейских) принципов правового государства, разделения властей и независимого конституционного правосудия. Прерогативы Суда были определены Конституцией и Федеральным конституционным законом 1994 г., превратившим его из преимущественно института конституционного надзора (каким он был ранее) в институт конституционного контроля, призванный рассматривать исключительно вопросы права, прямо не вмешиваясь в компетенцию политических властей (что характеризовало его роль в предшествующий период). Это решение обусловило место КС в российской правовой и политической системе, роль в трансформации российского конституционализма. В качестве негативного законодателя Суд своими решениями по вопросам конституционности принятого законодательства сыграл важную роль в становлении правовых институтов и развитии основных конституционных принципов – демократии, федерализма, местного самоуправления, рыночной экономики, гарантий прав и свобод личности, став институтом, активно транслировавшим через свои решения идеологию правового государства и вместе с тем осуществлявшим пересмотр отживших норм советского отраслевого права – гражданского, уголовного, административного, процессуального и др.

Формирование модели Конституционного Суда РФ шло с учетом трех факторов: международного (иностранцы образцы), исторического (советская модель и конституционный кризис 1993 г.) и функционального (вертикальное и горизонтальное разделение властей). *Обращение к иностранному опыту* на стадии формирования модели включало внимание к известным моделям США, Франции и Германии, но завершилось избранием в качестве общего ориентира модели Конституционного Суда ФРГ, оказавшей наибольшее влияние в организации, функционировании и методологии деятельности российского КС. Общее значение этого выбора состояло в принятии кельзеновской модели абстрактного нормоконтроля.

Более сложен *вопрос об исторической преемственности* Конституционного Суда по отношению к советской системе номинального конституционализма, которая в принципе не допускала разделения властей и поэтому не знала институтов судебного контроля конституционности. Одна группа исследователей подчеркивает эту преемственность с прежней Конституцией РСФСР 1978 г. (в ее обновленной редакции 1990-х гг.), другая настаивает на ее разрыве и формировании конституционного правосудия с чистого листа – по иностранным лекалам и в жестком противостоянии с советской правовой традицией, на новых международных и конституционных принципах.

В рамках этой постановки вопроса проанализирован первый опыт создания института квазиконституционного контроля, возникшего в условиях крушения советской однопартийной диктатуры – Комитета Конституционного Надзора СССР, сохранявшего полную зависимость от Верховного Совета СССР и Коммунистической партии, и сменившего его первого Конституционного Суда РСФСР (1991–1993 гг.), ставшего, вопреки ожиданиям, не только юридическим, но активным политическим участником конституционного кризиса 1993 г. Поскольку постановка данных вопросов имеет смысл в отношении происхождения не только КС РФ, но и аналогичных институтов целого ряда постсоветских стран, представляет интерес реконструкция исходных проектов устройства конституционного правосудия, динамики их обсуждения и альтернативных стратегий принятия решений. Этот подход позволил увидеть известную преемственность если не в институциональном плане, то, по крайней мере, в постановке ряда вопросов – например, предложение именовать Конституционный Суд «высшим судом», отвергнутое юристами в 1993 г., вновь возникло на повестке дня в настоящее время, приведя к закреплению этого понятия в Конституции поправками 2020 г.

Место КС в российской системе разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной – раскрывает институциональную логику его развития. Известно, что создатели действующей российской Конституции 1993 г., принимавшейся в условиях жесткого политического противостояния сторонников советских и либеральных ценностей, оказались перед сложной дилеммой – закрепить либеральный принцип разделения властей, отсутствовавший в предшествующей советской доктрине, но одновременно обеспечить защиту этого принципа от его разрушения и возможного поворота вспять – введением института гаранта Конституции – сильной президентской власти, наделенной почти монархическими прерогативами. Результатом, как известно, стала конструкция формы правления, внешне схожая с французской моделью (Пятой республики) – смешанной президентско-парламентской республики, – но на деле существенно отличная от нее с точки зрения адекватных механизмов сдержек и противовесов. При этом в основу организации конституционного правосудия в России была положена не французская (Конституционный Совет), а немецкая модель (КС ФРГ), получившая развитие в республике парламентского, а не президентского типа. Именно в эту оригинальную российскую форму правления и систему разделения властей оказался встроен Конституционный Суд РФ, перманентно вынужденный искать равновесие между институционально слабым парламентом (Государственная Дума) и сверхсильным президентом, наделенным практически неограниченными полномочиями по изданию указов с силой закона. Это определило общий дизайн устройства российского конституционного правосудия, его

правовые основы, ограничения компетенции (исключительно вопросами права, но не факта) и практику функционирования, которые лучше всего раскрываются с позиций институционального метода.

Предметом исследования является *вопрос о месте КС в судебной системе и механизмах его решений*. Это типологический и функциональный подход, направленный на установление общей типологии решений КС, механизмов его функционирования, логики принятия решений, методов толкования и аргументации судебных решений. Вопрос о правовом статусе позиций КС рассматривается в связи с известным и, казалось бы, окончательно преодоленным противостоянием между Конституционным Судом, с одной стороны, и Верховным Судом и Высшим Арбитражным Судом (упраздненным конституционной реформой 2014 г.) – с другой. Это противостояние было особенно активным в первое десятилетие становления конституционного правосудия, утратив затем актуальность. Однако данная тема вновь обрела неожиданную актуальность в контексте поправок 2020 г. – введения предварительного контроля наряду с последующим. Одни авторы говорят о незыблемости позиций КС как источника права, которые нужно лишь полностью и точно исполнять, другие – об их «доктринальной неопределенности», открывающей различные стратегии классификации и интерпретации, третьи – об их преюдициальном и даже «прецедентном» характере (имеется в виду, скорее всего, не прецедент решения, но прецедент интерпретации), подчеркивая гибкость их применения. Отмечается и определенная нестабильность позиций – отсутствие финализма (недопустимости пересмотра), их не всегда оправданная изменчивость, а временами отчетливая политизированность.

В трудах современных авторов подробно представлен весь *инструментарий современного конституционного правосудия* – использование КС различных доктрин, методов толкования и аргументации. Их значение особенно велико с учетом резкого увеличения роли конституционного правосудия в интерпретации точного смысла юридических норм, возможности комбинирования разных методов их истолкования, как более или менее традиционных, – от исторического и грамматического до телеологического, – так и новых, связанных с лингвистической деконструкцией юридического текста, потенциально способных сменить всю конституционную парадигму. В этом контексте констатируется важность теоретических доктрин, определяющих сочетание методов толкования, применение балансирования норм и технологий аргументации решений, способных как поддерживать преемственность конституционной интерпретации, так и провоцировать ее изменения. Оправдан вывод о принципиальной роли КС в трансформации конституционализма путем его толкования, которое может опираться на разные интерпретационные стратегии и выполнять как консервативные, так и реформационные задачи в обществе.

3. Периодизация истории российского Конституционного Суда как правового и политического института

Периодизация развития любого института включает формально-правовые, организационно-функциональные и персональные характеристики. Для КС – основным формальным критерием являются поправки, вносившиеся в ФКЗ о КС, однако ими определяются качественные изменения структуры, функционирования и состава КС, роли его структурных подразделений (палат), председателя, секретариата, научно-аналитических подразделений, а также порядка рассмотрения дел. Рассмотрение эволюции действующего Конституционного Суда за период 1994–2020 гг. позволило констатировать: при сохранении общей преемственности этой эволюции, заданной конституционными рамками и положениями закона о КС 1994 г., в его развитии прослеживается четкая периодизация, позволяющая выделить пять ключевых этапов: 1991–1993 гг.; 1994 г. – начало 2000-х гг.; 2001–2010 гг.; 2011–2020 гг.; 2020 г. – по настоящее время.

Эволюция организации, структуры и персонального состава суда за весь период времени после принятия Конституции 1993 г. (1994–2020) ставит проблему соотношения спонтанности этих изменений (в духе самоорганизации или сознательного самоограничения Суда) и их направленного характера, связанного с попытками подчинить Суд исполнительной власти, сделать его более управляемым и предсказуемым. Переезд Суда из Москвы в Петербург в 2007 г. приобрел символический характер и стал, возможно, импульсом существенных изменений в его организации (2009–2010 гг.), определивших тенденции современного развития этого института.

Для такого института, как Конституционный Суд, существующего достаточно длительное время (длительное, конечно, по меркам новых демократических государств), основой его стабильности и преемственности служит воспроизводство своего состава на основе определенных критериев, получающих нормативное закрепление в ФКЗ о КС. К ним относятся: порядок назначения и прекращения полномочий судей, продолжительность их мандата и его длительность, возраст судей (в том числе предельный возраст), профессиональные и этические требования к ним, полномочия председателя и его заместителей, процедуры их вступления в должность (выбор судьями или назначение), продолжительность осуществления своих полномочий и ряд других факторов. Эти критерии определяют состав Суда, а их пересмотр влечет качественные изменения его социального профиля, делая данный институт более или менее подверженным внешним воздействиям.

Исследование КС по этим параметрам позволило сделать три важных доказательных наблюдения:

во-первых, констатировать определенную преемственность состава КС РФ по отношению к его предшественнику – КС РСФСР (судьи, избранные Верховным Советом в 1991 г., действовали до окончания своего мандата);

во-вторых, отвергнуть распространенную гипотезу о том, что изменения состава суда связаны исключительно со стремлением власти устранить наиболее критически мыслящих судей (что не подтверждается системным характером изменений);

в-третьих, констатировать рост инерции Суда, связанной с продлением (путем неоднократных корректировок законодательства) полномочий ядра действующего корпуса судей во главе с фактически несменяемым председателем.

Представленная периодизация истории КС может корректироваться в зависимости от круга рассматриваемых вопросов в плане уточнения рубежных дат, но, в принципе, отражает логику трансформации российского конституционного правосудия. Таким образом, рассмотрение КС в длительной перспективе позволяет констатировать, что при внешней эволюционной преемственности он претерпел существенные внутренние изменения, став из вполне независимого института, способного оппонировать другим ветвям власти, включая президента (каким был на первом этапе), институтом, ориентированным преимущественно на достижение лояльного компромисса с ними (на втором этапе), с тем чтобы превратиться (на третьем этапе) в институт, решения которого становятся более чем предсказуемыми.

Правомерен ряд вопросов: связан этот инерционный тренд с конституционным дизайном – той моделью разделения властей, которая была зафиксирована в 1993 г.; объясняется он общей зависимостью судебной системы от власти или, скорее, связан с решением задач государственной политики права в контексте внешних и внутренних вызовов эпохи глобализации?

4. Транснациональные вызовы легитимности конституционного правосудия: отношения Конституционного Суда России с юрисдикцией ЕСПЧ

В условиях глобализации констатируется конфликт двух разнонаправленных тенденций – к интеграции правовых норм и практик и, напротив, к их диверсификации с учетом национальной правовой традиции или так называемой «идентичности». Интеграционный тренд в международном конституционном праве связан прежде всего с Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ), решениями международных и транснациональных судов, прежде всего Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), которые оказывают существенное влияние на национальные суды, рассматривая транснациональный диалог судов в качестве важного инструмента выработки

универсальных критериев в обеспечении гарантий прав и свобод личности, причем как внутри, так и за пределами отдельных государств.

Тенденции развития конституционного правосудия выражают соотношение стандартов транснациональной (европейской) и национальных систем правового регулирования, фиксируя как общие позиции, так и разногласия в их интерпретации. Отношения ЕСПЧ и национальных судов включают конфликтность, степень которой выражается формулами о слабой, умеренной или жесткой критике постановлений европейского Суда с позиций национальных. Примерами выступают конфликты ЕСПЧ с высшими национальными судами стран ЕС, обязанными выполнять ЕКПЧ. Одним из первых критическую позицию в отношении избыточного активизма ЕСПЧ занял ФКС Германии в решении по делу Гергюлю (2004), а затем с ней выступили итальянский, британский и российский суды. Темы оппонирования были различны: если Конституционный Суд ФРГ стремился определить общие рамки взаимодействия систем защиты прав человека на национальном и европейском уровнях, то Верховный суд Великобритании выступал с критикой конкретных постановлений ЕСПЧ, а Конституционный Суд России с 2015 г. получил право преодолевать вердикт ЕСПЧ в вопросах прав человека и интерпретации Конвенции. Специфическим вариантом такой критики можно признать отказ от исполнения решений ЕСПЧ, их фактическое неисполнение или медленность такого исполнения. Проблема выбора становится ключевой для тех национальных институтов конституционного правосудия, которые создавались на волне либеральных конституционных реформ периода крушения коммунизма, но были вынуждены затем занять более осторожную позицию, определив «пределы уступчивости» в отношении транснационального права и судебных институтов под влиянием растущей международной поляризации, консервативной ретрадиционализации, наступления национализма и правого популизма (речь идет прежде всего о позиции стран Восточной Европы – Венгрии, Польши, Чехии, Румынии – и ряда постсоветских стран, пошедших на пересмотр европейских стандартов и статуса решений ЕСПЧ для внутреннего законодательства).

В этой перспективе проблемы, с которыми столкнулся российский Конституционный Суд, не выглядят уникальными, но, скорее, демонстрируют общий тренд, свойственный всему региону Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства. В российском общественном сознании проблематика внешней или международной легитимности конституционного правосудия обсуждалась в рамках конфликтных отношений Конституционного Суда с Советом Европы, Парламентской Ассамблеей и особенно с ЕСПЧ. Закрепив в Конституции 1993 г. приоритет ратифицированных международных договоров и ратифицировав в 1998 г. ЕКПЧ, российская

правовая система обрела новую легитимирующую основу, поставив в центр доктрину естественных прав и защиту прав и свобод индивида. Общая эволюция легитимирующей доктрины КС включает три этапа, схематично соответствующих фазам большого постсоветского конституционного цикла.

На первом этапе, который следует определить как идеалистический (1994–2000 г.), Конституционный Суд РФ понимал свою миссию как проведение либеральных начал в конституционном правосудии, видя смысл своей деятельности в последовательной конституционализации права, заполнении пробелов, модернизации отраслевого законодательства и укреплении либеральных правовых институтов и практик. Формулой этого этапа выступает в общественном сознании приоритет международного права над национальным³. В сложных ситуациях конфликта ЕСПЧ и российской политической системы (как, например, в вопросе о смертной казни и ратификации Протокола № 6) методом их разрешения становилось достижение согласия в рамках интерпретации КС (введение моратория на применение смертной казни). Центром общественной и профессиональной дискуссии этого периода являлся вопрос о путях адаптации европейского гуманитарного права в российских условиях, в ходе конституционных и институциональных преобразований, позволяющих создать адекватную инфраструктуру правового государства. Ключевыми параметрами споров выступают: природа правовых позиций КС, соотношение закона и прецедента, значение европейского прецедентного права для модернизации российской правовой системы и судебной практики. Эти дискуссии, однако, демонстрировали широкий общественный консенсус в признании значения КС в модернизации российского общества, федерализма и политической системы. Недостатки российского конституционного правосудия интерпретировались в рамках парадигмы «демократического транзита» как временные трудности, связанные с несовершенством правовой базы, недостатком опыта или «болезнью роста».

На втором этапе, который мы определим как «реалистический» (2001–2013 г.), позиция Конституционного Суда в рамках общественной дискуссии

³ В данном случае мы используем формулу о «приоритете международного права над национальным» как конструкцию общественно-политической дискуссии, а не фактическое определение ситуации. Конституция 1993 г. закрепляла не приоритет международного права, а приоритет ратифицированных в форме федерального закона международных договоров перед законами. Конституция никогда не признавалась имеющей силу ниже, чем международные нормы (это противоречило бы части 1 статьи 15). Конституционный Суд никогда не утверждал, что национальное право стоит выше международного. Он говорил только, что Конституция имеет высшую силу. Политизация юридической дискуссии выглядит как способ «повышения ставок» в международном соперничестве.

определялась поиском компромисса принципов международного права и «национальных интересов» в том виде, как их интерпретировала политическая система, особенно в контексте концепции «суверенной демократии». Формула этого этапа – установление баланса международного и национального конституционного права с учетом российских политических интересов. Имеется в виду растущая совокупность решений ЕСПЧ, затрагивающих политические интересы российского правительства, начиная от оценки ситуации с правами человека в ходе чеченских войн, конфликтов на постсоветском пространстве и заканчивая делом Кононова, ставящим под вопрос итоги Второй мировой войны в их официальной российской интерпретации. Поворотным пунктом признаётся решение ЕСПЧ по делу «Маркин против России»⁴, побудившее КС (устаи его председателя) сформулировать доктрину «пределов уступчивости» в отношении транснационального правосудия. В центре дискуссии данного периода стоял вопрос о границах трансформации российской правовой системы в соответствии с установками ЕСПЧ и Венецианской комиссии и рамках возможных компромиссов сторон. Противоречия в интерпретации ключевых норм ЕСПЧ либо замалчивались, либо интерпретировались как вынужденный поиск приемлемой модели сотрудничества – «моста с двухсторонним движением».

Третий этап, который можно определить как консервативно-реставрационный (2014–2020 гг.), иллюстрирует, по мнению критиков, последовательный пересмотр Конституционным Судом легитимирующих установок начального этапа деятельности, характеризуется защитой «правовой идентичности», понимаемой как отстаивание национального правового суверенитета по отношению к международному праву и транснациональным институтам. Формула этого этапа, выраженная в публичном пространстве, – «восстановление суверенитета»: приоритет Конституции РФ над международными договорами в части их интерпретации транснациональными политическими и судебными институтами. Отправной точкой этого процесса следует признать начало геополитического противостояния между ЕС и Россией в связи с переворотом на Украине, присоединением Крыма и конфликтом на Донбассе. Его разворачивание включало введение ЕС санкций против России, пересмотр отношений России и Совета Европы, приостановление участия России в работе Парламентской ассамблеи Совета Европы (2014–2019 гг.), а также переосмысление роли ЕСПЧ и значения его решений для российского

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда // СЗ РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

конституционного права в перспективе обсуждавшегося уже тогда возможно выхода России из Совета Европы.

Наибольшую конфликтность имели решения ЕСПЧ, носившие, по мнению российских властей, политизированный характер, выраженную антироссийскую направленность и характер вмешательства во внутреннюю политику страны. Наиболее резонансными из них следует признать: 1) решение ЕСПЧ по делу ЮКОСа (2014 г.), продолженное рядом обвинительных вердиктов апелляционного суда в Гааге (о выплате компенсации и судебных издержек акционерам ЮКОСа), противоречивших позиции российских властей, – побудительная причина и отправная точка изменения закона о КС; 2) решение о присоединении Крыма (Постановление №6-П от 19 марта 2014 г.), которым договор о принятии Крыма в состав РФ признан конституционным – решение, категорически отвергнутое Западом; 3) Решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), при оценке которого КС (в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П) впервые воспользовался предоставленным законом правом отказать в исполнении решения Страсбургского суда, посчитав, что международный орган превысил свои полномочия и нарушил суверенитет страны (потребовав от России предоставления избирательных прав заключенным, отбывающим наказание в колониях, – что прямо противоречит Конституции РФ). Понятие «конституционной идентичности» Конституционный Суд ввел 14 июля 2015 г. в постановлении о своем праве признать неисполнимыми решения ЕСПЧ. Эти установки применялись затем в 2016 г. (в решении об отказе исполнить постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против РФ») и в 2017 г. («ЮКОС против РФ»).

Общим результатом данного противостояния стало постановление КС о возможности неисполнения решений ЕСПЧ (Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П)⁵, принятие поправок в Федеральный конституционный закон о КС (2015 г.)⁶ и Конституцию РФ (новая редакция статьи 79 и статьи 125, принятая конституционной реформой 2020 г.). Завершением данного тренда следует признать выход России из Совета Европы и разрыв с юрисдикцией ЕСПЧ в условиях международного кризиса 2022 г., последствия которого еще предстоит осмыслить.

В центре общественно-политической дискуссии оказался вопрос о самой целесообразности сохранения приоритетов международного (европейского)

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

⁶ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

права и о перспективах принятия новой легитимирующей формулы, основанной на восстановлении исторической правопреемственности с советскими и российскими историческими традициями. Противоречия установок ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ стали очевидны, но официально позиционируются уже как преимущество российской правовой системы, более адекватной в интерпретации традиционных ценностей и прав человека в сравнении с их политизированной и искаженной западной версией. В перспективе развитие этого тренда не исключает полного разрыва КС с легитимирующей либеральной формулой, положенной в основу его создания.

Суммируя баланс общественно-политических дискуссий о роли международной легитимности конституционного правосудия – конфликте ЕСПЧ и КС, можно констатировать, что они прошли три стадии, обозначенные нами как идеализм, реализм и консерватизм.

5. Политически значимые решения Конституционного Суда по вопросам разделения властей

Сохраняет значение дискуссия по вопросу соотношения права и политики при оценке решений КС: одни исследователи исходят из того, что политика в корне противоречит исполнению Судом своих функций (что прямо вытекает из закона о нем) и должна рассматриваться просто как неконституционное давление на Суд (формы которого, впрочем, могут быть очень различными и далеко не всегда явно выражены), другие используют это понятие для характеристики изменения позиций Суда, имея в виду «политику права», то есть совокупность доктринальных и правовых установок, определяющих логику вынесения решений, подходов к балансированию норм, измерения степени сдержанности и активизма. Наконец, представлен взгляд, фактически отождествляющий политику с судебской этикой как выражением профессиональной и публично-правовой позиции судей. Выделим несколько установок КС в политике права, проанализировав аргументацию Суда по конкретным делам.

Первая установка – активное участие Суда в политическом процессе в качестве самостоятельного политического актора, оппонировавшего другим ветвям власти и президенту. Эта позиция иллюстрируется деятельностью Конституционного Суда первого этапа его существования (1991–1993 гг.), когда он стремился выступить арбитром в конфликте властей, заняв сторону одной из них против другой – Верховного Совета против президента Б.Н. Ельцина. Это – решения КС, связанные с борьбой за власть до принятия Конституции 1993 г. и попытками отстоять собственную автономию после ее принятия. Поворотной точкой в становлении КС как политического института следует признать его решение по делу КПСС (Постановление № 9-П

от 30 ноября 1992 г.), когда Суд занял компромиссную позицию – признал конституционным роспуск центральных структур КПСС, но отказался выносить решение о конституционности Указов президента Ельцина о приостановлении деятельности Компартии, имуществе и деятельности Компартий РСФСР и КПСС, так как союзная партия уже распалась, а российская организация не была самостоятельно оформлена. Это, далее, совокупность решений, связанных с конфликтом президентской власти с другими властями – решение КС о слиянии Министерства госбезопасности и МВД (Постановление № 1-П-У от 14 января 1992 г.), которым Указ президента признан не соответствующим Конституции с точки зрения разделения ветвей власти и разграничения компетенций между высшими органами государственной власти и управления. Наконец, это ряд решений острой фазы конституционного кризиса: решение КС о телеобращении президента к народу (Заключение № 3–1 от 23 марта 1993 г.), в котором он счел действия президента РСФСР Ельцина, связанные с его обращением к гражданам страны 20 марта 1993 г. о введении «особого порядка управления до преодоления кризиса власти», не соответствующими Конституции и Федеративному договору; решение о конституционной реформе (Заключение № 3–2 от 21 сентября 1993 г.), которым оспаривалась конституционность Указа Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», а введение им президентского правления признано основанием для отрешения Ельцина от должности. В дальнейшем КС также демонстрировал активную позицию, противостоя неконституционным действиям президента. Характерно решение КС о сроках правления (Определение № 134-О от 5 ноября 1998 г.), которым одному лицу запрещалось быть президентом России более двух сроков подряд. Но в дальнейшем примеров такого рода практически нет.

Вторая установка – поддержка позиции других ветвей власти – Государственной Думы и президента по наиболее острым вопросам внешней и внутренней политики. Данный тип решений выражает консенсус всех ветвей власти, включая сам Суд. Это – решение о смертной казни (Постановление № 3-П от 2 февраля 1999 г.), продлившее мораторий на смертную казнь. В данном случае Суд взял на себя фактически функции законодательной власти, по существу делегировавшей ему (возможно, на основе неформальных договоренностей) функцию корректировки применения конституционной нормы без принятия соответствующего закона. Более ранний пример – важное решение о чеченском конфликте (Постановление № 10-П от 31 июля 1995 г.): КС признал конституционным Указ президента Ельцина от 9 декабря 1994 г. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и прекратил проверку других указов,

положивших начало контртеррористической операции в регионе. На этой основе Судом сформулирована идея презумпции конституционности Указов президента, если они не выходят за конституционные рамки.

Третья установка – изменение позиции Конституционного Суда в свете изменившихся обстоятельств. КС, по общему признанию сыгравший важную роль в становлении конституционных принципов федерализма в 1990-е гг., существенно менял свою позицию, давая повод для критики профессиональных экспертов. Изменение позиции КС по вопросу выборности губернаторов является, вероятно, наиболее показательным примером эволюции его установок. Конституция молчит по этому вопросу, теоретически допуская как выборность, так и назначение губернаторов. В период президентства Ельцина Суд последовательно отстаивал конституционность избрания глав субъектов Российской Федерации населением, видя в этом одну из гарантий демократии и федерализма – решение 1996 г. о незаконности практики избрания губернатора Законодательным Собранием, введенной в Алтайском крае. Но в дальнейшем Суд неоднократно менял свою позицию. Во-первых, уже в 2002 г. по итогам проверки ряда положений федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» КС подтвердил право президента России отстранять от должности глав регионов и право федерального законодателя распускать парламенты субъектов Федерации, ограничив это право наличием как минимум трех судебных решений по данному вопросу, одно из которых должно быть решением КС. Вместе с тем за президентом было признано право временно отстранить главу субъекта Федерации в случае возбуждения против него уголовного дела. Во-вторых, спорное решение об отмене выборов губернаторов (Постановление № 13-П от 21 декабря 2005 г.), которым новая процедура утверждения губернаторов (ранее действовали прямые выборы) признана конституционной. В 2005 г. по итогам проверки новой редакции закона «Об общих принципах», введенной после теракта в Беслане (от 11 декабря 2004 г.), осуществленной по инициативе президента, КС согласился с наделением его новыми полномочиями – правом представлять кандидатуры губернаторов на утверждение законодательных собраний регионов (прямые выборы отменены), правом распускать региональный парламент из-за неоднократного отклонения кандидата и правом снимать губернатора с должности «за утрату доверия». Если истцы в этом деле оспаривали введение фактического назначения губернаторов президентом, апеллируя к конституционным принципам разделения властей и праву избирать и быть избранным, то КС в своем постановлении сформулировал новую доктрину интерпретации Основного Закона. «Конституция не рассматривает выборы в качестве

единственного допустимого механизма формирования органов власти»; отсутствие новых полномочий президента в Конституции «не препятствует» их введению федеральным законом, а интерпретация конституционных положений может меняться «с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации». Общая тенденция интерпретации Судом федерализма с позиций централизма не только не снижалась, но нарастала в последующий период. Одно из последних решений Конституционного Суда – по «Ингушскому делу» (2018 г.) – четко выразило общую позицию о недопустимости противоречия решения региональных конституционных судов федеральной Конституции, подчеркнув неправомочность регионального референдума по вопросам установления границ как инструмента преодоления решения республиканских представительных органов.

6. Власть и оппозиция: решения Конституционного Суда с наиболее выраженной политизацией

Для политологического анализа решений Конституционного Суда особый интерес представляют те из них, которые характеризуются критиками как наиболее политизированные. В них, по мнению критиков, Суд давал ограниченное толкование общих конституционных принципов или законодательных норм в отношении определенных экономических и политических субъектов («избирательное правосудие»); конкретизировал неопределенные положения законодательства в интересах власти против оппозиции («дискриминационные решения»), стремился обойти выработанные ранее позиции («конъюнктурные решения») или просто принимал решения об отказе в рассмотрении резонансного дела («отказные решения»). Суммируем здесь политический аспект критики.

Прежде всего это решения КС, в которых общие конституционные принципы получали ограниченное толкование или избирательное применение в отношении определенных экономических и политических субъектов либо лиц. Среди них обычно указывают чрезвычайно спорное решение КС О ЮКОСе (Определение № 36-О от 18 января 2005 г. и Постановление № 9-П от 14 июля 2005 г.), разрешавшее взыскивать налоги за пределами срока давности. Избирательность в данном случае состоит в том, что эта мера не применялась к другим субъектам экономической деятельности. Другой пример избирательности – позиция КС, ограничивающая масштаб действия конституционных прав и свобод. Решение КС об НКО «иностранных агентах» (Постановление № 10-П от 8 апреля 2014 г.), которым закон об «иностранных агентах» признан конституционным. В своем постановлении Конституционный Суд отказался признать закон об «иностранных агентах» нарушающим Конституцию, а их статус – «негативной оценкой»,

отвергнув аргументы критиков о его дискриминационном характере. КС констатировал, что конституционное право на свободу объединения граждан не является абсолютным и может быть ограничено в целях защиты конституционного строя и общественной безопасности; регистрация части НКО в качестве «иностранных агентов» не ставит их в неравные условия по отношению к другим, представляя собой скорее вопрос не права, но политической целесообразности – граждане должны знать, кто из-за рубежа финансирует организации, выдвигающие инициативы в политической жизни государства, что способствует прозрачности избирательных кампаний. Наконец Суд отверг тезис о сознательном (и вполне очевидном) использовании в законе одиозной терминологии, заявив, что «любые попытки обнаружить в словосочетании “иностранный агент” отрицательные контексты, опираясь на стереотипы советской эпохи, лишены конституционно-правовых оснований». В этом решении КС фактически оставил без внимания позицию критиков Закона (включая ряд судей), полагавших, что из числа иноагентов должны быть изъяты НКО, занимающиеся наукой, культурой, защитой природы или благотворительностью, даже если они пытаются повлиять на те или иные политические решения. Единственной уступкой заявителям стало положение о целесообразности отмены нижнего предела штрафов за нарушение законодательства об НКО для физических и юридических лиц с оговоркой о том, что максимальный размер штрафов должен применяться судами только в крайних случаях. Практика применения нового закона подтвердила отказ властей идти на компромиссы с НКО в этом вопросе, принуждая НКО регистрироваться в таком статусе при получении финансирования из-за рубежа и ведении «политической деятельности». Уже к 2017 г. «иностранными агентами» были признаны 154 НКО, в том числе «Голос», «Мемориал» и «Левада-Центр». Это решение КС осталось неизменно, хотя однозначно шло вразрез с позицией ЕСПЧ и представителей самих НКО, говоривших об избирательном и дискриминационном характере решения КС и настаивавших на более точном обосновании понятий «иностранный агент» и «политическая деятельность», необходимости исключить избирательность в применении прав как способа легитимации политических ограничений.

Другая группа решений демонстрирует определенную противоречивость в конкретизации Судом неопределенных положений законодательства в политических целях. В решении КС о митингах (Постановление № 4-П от 14 февраля 2013 г.) некоторые одиозные нормы закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и Кодекса об административных правонарушениях «о митингах» были признаны неконституционными, но другие были оставлены в силе. Принятые в июне 2012 г. поправки к Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях

и пикетированиях» и Кодексу об административных правонарушениях ужесточили правила проведения митингов в России, вводя штрафы для физических и юридических лиц. КС отказался удовлетворить иск представителей оппозиции, утверждавших, что данный закон следует признать антиконституционным уже в силу того, что его «слишком размытые» положения фактически позволяют привлекать к ответственности любого участника согласованной акции протеста. В то же время КС продемонстрировал сравнительно большую поддержку формам выражения протеста, не связанным с массовыми акциями. Это относится к правилам пикетирования, которые уже предлагалось изъять «из целого института административной преюдиции», отнеся их «к категории дел, связанных с выражением свободы слова». Проверив конституционность п. 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» (2017 г.), КС принял постановление, подтверждающее конституционность оспариваемой нормы, констатировал существование правовых условий, обеспечивающих возможность проведения одиночных пикетов практически без ограничений, обязал полицию охранять и защищать одиночных пикетчиков на месте проведения акции, подчеркнув, что доставка пикетчика в ближайшее отделение возможна только в случае, если у полиции «нет другой возможности устранить угрозу его безопасности и противостоять ей без прекращения пикетирования». В этих двух решениях отчетливо представлено различие критериев оценки коллективных и индивидуальных форм протестной деятельности, очевидно имеющее в виду прежде всего различие масштаба их политического воздействия.

Третья группа решений – вынесение КС решений с нарушением ранее принятых им правовых позиций. Одна из таких позиций была выработана КС в ряде решений, допускавших смягчение приговора оппозиционным активистам, осужденным по ст. 212.1 Уголовного кодекса РФ (предусматривает уголовное наказание лица, более двух раз в течение 180 дней привлекавшегося к административной ответственности за нарушения на акциях). В концентрированном виде эта правовая позиция зафиксирована Судом в Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина». Однако Суд отказался применить ее в аналогичном деле К. Котова (2019 г.) и сделал это только после прямого обращения общественности – коллективного обращения группы юристов с письмом к В. Зорькину с констатацией того, что дело Котова обозначило «новый печальный рубеж», поскольку в нем «открыто нарушен ряд правовых позиций Конституционного Суда РФ». В обоих случаях КС не пришел к выводу, что сама по себе статья УК о неоднократных нарушениях на митингах противоречит Конституции, и вынес свой вердикт в виде поручения о пересмотре

приговора, причем в последнем случае (деле Котова) – уже после того как президент по итогам большой пресс-конференции поручил генпрокурору проверить законность вынесенного приговора. Таким образом, пересмотр Судом собственных позиций по политически значимым вопросам вовсе не исключен, а его позиция зависит при этом не столько от юридической аргументации, сколько от внешнего воздействия – публичного заявления президента и воздействия общественности на КС, которое в данном случае приняло форму напоминания ему собственных правовых позиций.

7. Отказные решения Конституционного Суда как канал проведения политических установок власти

Особая группа решений выражает «активизм наоборот», то есть наблюдается отказ от рассмотрения политически значимых законов. Наиболее показательным примером выступает позиция КС по вопросу пенсионной реформы – акции, крайне непопулярной в обществе и затронувшей легитимность власти. Суть пенсионной реформы, о начале которой правительство Д. Медведева заявило в 2018 г., состояла в повышении с 1 января 2019 г. пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и до 60 лет для женщин, а ее осуществление должно было проходить постепенно и завершиться в 2028 г. Данная реформа оказалась крайне непопулярной в обществе и поставила политическую власть под огонь критики практически всего спектра оппозиционных сил, заявлявших о полной утрате Судом легитимности.

Обсуждение Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» в Государственной Думе проходило крайне конфликтно, но в конечном счете он был принят и подписан президентом 3 октября 2019 г., заявившим, что отдавал себе отчет в реакции людей, но это решение для российской экономики неизбежно. На фоне широкого общественного недовольства данной реформой оппозиционная группа депутатов Госдумы от КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР попыталась оспорить положения закона, направив заявление в Конституционный Суд. По мнению оппозиции, реформа противоречит Конституции страны и «не отвечает критериям социального государства». В своем обращении они ссылались на пункт 2 статьи 55 Конституции России. Он запрещает принимать в России законы, «отменяющие или умаляющие права и свободы» граждан. Судом, однако, были последовательно отвергнуты юридические аргументы оппозиции о неконституционности закона: Конституция не исключает возможности повысить пенсионный возраст через федеральный закон, не регулирует порядок работы с поправками к законопроекту и не регламентирует проведение референдума по этому вопросу. В такой логике вопрос целесообразности реформы «не может

быть разрешен Конституционным Судом РФ», поскольку «иное выходило бы за пределы его компетенции». Результатом стал отказ Конституционного Суда в рассмотрении депутатского запроса – принятие отказного определения, которое «окончательно и обжалованию не подлежит».

Вопреки позиции критиков рассматриваемого закона, утверждавших его противоречие принципу демократии, судьи не согласились с данным тезисом, сформулировав постулат о том, что именно государство является лучшим выразителем воли граждан. Идея реформы, следуя решению Суда, не может рассматриваться как ставящая под сомнение принцип народовластия, поскольку власти принимают законы в интересах россиян, «даже если правотворческие намерения не получают поддержки значительной части граждан»; из Конституции не вытекает необходимость проведения всенародного обсуждения законопроекта, а потому запрос группы депутатов следует признать «не подлежащим дальнейшему рассмотрению». Позиция КС, принявшего отказное определение по этому заявлению думской оппозиции, воспроизводит известную американскую доктрину «политических вопросов» – отказ от рассмотрения обращения со ссылкой на то, что принятие вопросов экономического характера есть прерогатива законодательной власти и правительства, но не Суда.

Политическое значение решений Конституционного Суда стоит, вне всякого сомнения, с позиций оценки легитимности действующей власти. Именно Суд определяет степень содержательного и процедурного соответствия этих действий конституционным нормам и их проецированию в законодательстве, а значит, и степень их конституционно-правовой легитимности. Под политическими решениями Конституционного Суда, при всей условности данного понятия, следует понимать те, за принятием которых стоит не только и не столько юридическая аргументация, сколько вопросы распределения власти и ее легитимации. Таких дел в практике Суда насчитывается к настоящему времени несколько десятков. Это позволяет поставить проблему реконструкции судебной доктрины политики права и способов легитимации судебных решений на разных этапах эволюции Суда и с учетом консервативных тенденций последнего десятилетия.

8. Право и политика в аргументации Конституционного Суда по вопросу конституционных преобразований 2020 г.

Наиболее четко политическая позиция КС проявилась в оценке Судом закона, введшего конституционные поправки 2020 г. Принятие Закона о конституционной поправке не соответствовало установленной ранее процедуре ее проведения. Порядок участия КС в проведении реформы и принятия Заключения КС, по мнению критиков, демонстрирует правовое противоречие.

Согласно Конституции, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», а также практике (обобщенной в определении № 1567-О), КС был неправомочен давать заключение о соответствии Конституции процедуры внесения в нее поправок и их содержания. Закон о поправке к Конституции, которым он при этом руководствовался, не упоминается в самой Конституции в качестве акта, допускающего расширительное истолкование полномочий суда. Поэтому вакуум юридических аргументов был заполнен очень широкой и неопределенной трактовкой ряда конституционных принципов, граничащей с пересмотром основ конституционного строя в вопросах разделения властей и сменяемости власти в пользу искомого политического решения – обнуления президентских полномочий для обеспечения его переизбрания. В целом высказывается опасение в том, что судебная власть, формально выступающая гарантом системы разделения властей, станет институтом, подконтрольным одной из них – президенту.

Вопрос об обнулении сроков полномочий президента – пример политизации КС. Включенная в Конституцию поправка к ч. 3 ст. 81 выражает преемственность и разрыв конституционного строя, противоречиво сочетая различные типы легитимации власти – правовую (регулярную) и персоналистскую (исключительную). Первая отражена в воспроизводстве принципа сменяемости власти, даже усилении жесткости его формулировки – «одно и то же лицо не может занимать должность президента РФ более двух сроков» (в новой редакции устранено одиозное слово «подряд», уже отыгравшее свою роль для предоставления В. Путину третьего и четвертого мандатов). Вторая – представлена в «оговорке» к той же норме, согласно которой данное ограничение не распространяется на лицо, занимающее (или ранее занимавшее) эту должность на момент вступления в силу данной поправки. Конструируется, таким образом «переходное положение» от старой конституционной нормы к новой, открывающее перспективы для действующего лидера участвовать в качестве кандидата в выборах президента и занимать эту должность вне зависимости от числа сроков, которые он занимал до вступления данной поправки в силу.

В результате данной ревизии, получившей название «обнуления» старых полномочий во имя их продления в будущем, возникла проблема их теоретического обоснования. Она получила спорное разрешение в Заключении КС, предложившего новую формулу конституционной легитимности. Здесь, полагает Суд, встает вечная проблема «выбора баланса между различными конституционными ценностями»: с одной стороны, «конституционная характеристика демократического правового государства предполагает, хотя и не предопределяет, установление в этом аспекте достаточно жестких ограничений»; с другой – «конституционный принцип народовластия подразумевает

возможность реализации народом права избрать на свободных выборах то лицо, которое он посчитает наиболее достойным должности главы государства», – само это право остается неизбежным в условиях сохранения рамок электоральной конкуренции, состязательности выборов, подотчетности главы государства за результаты своей деятельности⁷.

Приняв данную линию аргументации, КС отказался видеть в изменении ст. 81 факт «присвоения власти» (запрет которого фиксируется ч. 4 ст. 3 Конституции); согласился с широкой трактовкой дискреционных полномочий законодательной власти; признал возможность «преодоления в качестве переходной меры ранее установленных ограничений» по срокам пребывания у власти; дезавуировал собственное определение (от 5 ноября 1998 г.) о неконституционности такого решения (на основании отсутствия соответствующей «оговорки» в первом случае и ее появления во втором); вынес это решение исключительно на основании закона о поправке, одновременно наделяющего его правом ее рассмотрения; и наконец, привел совокупность политических аргументов в пользу «обнуления» сроков, включающих «конкретно-исторические факторы» принятого законодателем решения – «состояние политической системы» и «степень угроз для государства и общества».

Негативная оценка позиции Суда как неправовой была дана в Открытом письме либеральной общественности. Оценивая осуществленные преобразования как «контрреформу», подрывающую базовые конституционные принципы и завершающую «трансформацию российской республики в самодержавную президентскую монархию», критики подчеркивают негативную роль КС в процессе их легитимации. Само Заключение Конституционного Суда признано «немотивированным, неубедительным и политически ангажированным»; стремительность и единогласие судей в признании поправок соответствующими Конституции – свидетельством «серьезной дисфункции в работе Конституционного Суда»; а итоговое решение – результатом последовательной интеграции КС в систему президентской «вертикали власти», когда ограничения независимости Суда достигли «тех критических отметок, при которых судьбы Конституционного Суда практически лишены возможности действовать

⁷ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.

самостоятельно и исключительно в строгом соответствии с Конституцией, не задумываясь при этом о политических и иных последствиях своих поступков». Общий вывод состоит в отказе Конституционному Суду в доверии со стороны гражданского общества. «В таких условиях постановления Конституционного Суда не могут рассматриваться как решения арбитра, пользующегося неограниченным кредитом доверия со стороны гражданского общества. Общество, полагают оппоненты, должно вернуть себе контроль над конституционным процессом и организовать собственную конституционно-правовую экспертизу, создав для этого соответствующие гражданские институты».

В целом можно говорить о формировании при активном участии КС нового типа двойной легитимности режима, возникающего путем последовательной редукции конституционных принципов к формам их реализации: демократия в правовом государстве означает неограниченную волю суверена – народа, но последний, с учетом трудностей переходного периода, вправе неограниченное количество раз делегировать свою власть одной проверенной персоне, лучше выражающей его интересы, особенно если эта персона получит выдающуюся поддержку на плебисците – «всероссийском голосовании». Плебисцит по конституционной реформе превращается в голосование о доверии главе государства. Таким образом, в этом решении четко выражена вся совокупность классических аргументов плебисцитарного авторитаризма.

9. Конституционный Суд после реформы 2020 г.:

остается ли российское конституционное правосудие независимым?

Вклад реформы 2020 г. в развитие конституционного правосудия оказался противоречив и получил диаметрально противоположные оценки в экспертном сообществе. С одной стороны, поправки формально расширяют полномочия Конституционного Суда. Он наделяется поправками рядом новых важных полномочий, связанных с предоставлением ему компетенции предварительного контроля конституционности законодательства. КС по запросу президента, во-первых, проверяет конституционность проектов законов РФ о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания президентом; во-вторых, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, иностранных и международных судов, определяя их соответствие Конституции и основам публичного правопорядка РФ; в-третьих, по запросу президента проверяет конституционность законов субъектов РФ до их обнародования руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, причем все акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данным КС, не подлежат применению

в ином истолковании (ст. 125). Существенную роль Суд начинает играть в разрешении законодательных споров парламента и президента: в случае пересмотра палатами Федерального Собрания вето президента именно вердикт Суда определяет судьбу закона – подписание его президентом или возвращение в Думу без подписи (ст. 107, 108).

С другой стороны, поправки резко ограничивают автономию и независимость Конституционного Суда в политической системе – разрешение вопросов предварительного контроля конституционности законопроектов, как и приостановления их принятия (в случае пересмотра президентского вето) Суд рассматривает исключительно по представлению президента, число судей сокращено с 19 до 11 (ст. 125) а порядок их назначения и смещения (подрывающий принцип несменяемости судей), доверенный Совету Федерации по представлению президента, не оставляет сомнений в реализации тщательно выверенной концепции контролируемого правосудия. Эти изменения получили чрезвычайно различные оценки в экспертном сообществе. Диаметрально противоположны оказались оценки поправок, затрагивающих статус и полномочия самого Конституционного Суда.

Первое направление дискуссии связано с определением места Конституционного Суда в системе разделения властей с изменением его полномочий. Сторонники поправок разъясняли, что реформа усилит позиции Конституционного Суда: он получит прерогативы, сопоставимые с теми, которыми обладает Верховный Суд США, а его постановления станут обязательными при толковании актов и договоров. Поправки, доказывали их сторонники, призваны устранить сомнения в праве Конституционного Суда указывать, как должен применяться тот или иной закон – сомнения не только нижестоящих судов (существующие, несмотря на имеющееся постановление Верховного Суда об обязательности применения толкований Конституционного Суда нижестоящими судами), но прежде всего исполнительной власти, особенно на местах. Скептики, однако, отмечали, что все эти новации уже содержатся в действующем законодательстве. Ранее в ФКЗ «О Конституционном Суде» уже были внесены поправки, наделяющие Суд правом принимать постановления о признании нормативного акта или договора соответствующими Конституции, но при этом исключаящими любое иное истолкование, расходящееся с тем, которое дано Конституционным Судом в соответствующем постановлении.

Другой темой дискуссии стал предварительный конституционный контроль – закрепление компетенции Конституционного Суда по запросу президента проверять на соответствие Конституции законопроекты, принятые парламентом, до их подписания. Одни увидели в этой норме движение в сторону расширения полномочий Конституционного Суда и придание ему функций

предварительного конституционного контроля, сходных с институтами конституционного правосудия других стран (в частности, ФРГ) с целью сосредоточения внимания на наиболее важных конституционных вопросах. Другие усмотрели в данной новации скорее вторжение судебной власти в сферу законодательной, а в конечном счете – сужение полномочий Конституционного Суда. Одобрив законопроект на стадии предварительного контроля, отметили они, Суд едва ли сможет затем пересмотреть конституционность закона, принятого на его основе. Включение Конституционного Суда в законодательный процесс на этапе предварительной проверки, считает эта группа экспертов, фактически означает, что ранее независимые ветви власти объединятся в одну корпоративную структуру по производству правовых норм, причем в этой структуре, которая будет закреплена официально, размываются гарантии разделения властей – восстанавливается монолитность структуры власти советского образца, исключающая разделение полномочий и ответственности за качество принимаемых законов. Конституционный Суд из судебного института рискует превратиться в преимущественно экспертный. Соответственно, противоположны оценки того, повышает реформа авторитет Конституционного Суда и доверие к нему экспертного сообщества или, напротив, усиливает впечатление о нем как зависимой от президента структуры.

Третья тема дискуссии – вопрос о назначении и отстранении судей. В центре внимания оказалась поправка, закреплявшая возможность Совета Федерации по представлению президента отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов «в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи» (по действовавшему ранее закону инициировать прекращение полномочий судьи Конституционного Суда мог только сам суд, внося соответствующее представление в Совет Федерации). Сторонники этой поправки исходят из представления о том, что в процедуре назначения и отстранения судей необходима система противовесов (и в этой роли противовеса идеально подходит Совет Федерации). В данной процедуре должны участвовать разные ветви власти, а не одна судебная ветвь, причем независимость судей вообще не может быть «абсолютной», ибо в этом случае возникает «каста неприкасаемых», способных выносить любые, в том числе противозаконные решения. Противники поправки, напротив, полагают, что принятое решение противоречит представлениям о независимой судебной власти и европейской практике, исходящей из того, что данными вопросами должны в той или иной степени заниматься сами судьи или, по крайней мере, органы юстиции, действуя «судоподобным» порядком, основанным на

предъявлении судье обвинения. Поэтому, считают они, новый порядок ведет к бюрократизации судебной системы, уменьшению ее независимости или даже ее подчинению главе государства.

В результате диаметрально противоположны оказались оценки реформы Конституционного Суда. Если официальная позиция говорит о расширении полномочий данного института, то либеральные критики утверждают обратное. В открытом письме представителей российской общественности и культуры к различным ветвям власти, включая Конституционный Суд, утверждалось, что в результате реформы над страной «нависла угроза глубокого конституционного кризиса и противоправного антиконституционного переворота, облеченного в псевдолегальную форму», реформа осуществлена с «грубым нарушением определенного Конституцией порядка принятия поправок», представляет собой «разрушение установленного действующей Конституцией правового порядка» – даже «антиконституционный переворот», подрывающий возможности «эволюционного развития нашей страны на принципах народовластия и свободы», и требуется от гражданского общества предпринять максимум усилий для «возвращения ситуации к законности и конституционному порядку».

Констатация кризиса легитимности российского конституционного правосудия приводит к крайнему выводу о целесообразности отказа от Конституционного Суда, хотя мотивировки этого предложения диаметрально противоположны – для одних это связано с утратой Судом своей независимости в отношении политической власти, для других – с сознательным стремлением отказаться от либеральной концепции правового государства, разделения властей и особого института конституционного правосудия как его важнейшего элемента.

10. Перспективы российского конституционного правосудия и его исследования в политической науке

Итак, Конституционный Суд выступает самостоятельным политическим институтом в российской системе власти, выполняя ряд специфических функций по поиску правовых способов преодоления конфликтов, разрешению или смягчению юридических коллизий, проведению определенной политики права. На этом пути Конституционный Суд вступает во взаимоотношения с различными сегментами общества и политической власти, выступая на грани конфликтных интересов. Балансируя между общественными ожиданиями и государственными интересами, он оказывается в позиции *своеобразного амортизатора конфликтов* между ними, возникающих в динамике политического процесса, выражая это доктринальными установками на поиск консенсуса, преодоление конфликтов правовыми методами, легитимацией приоритетных для государства решений. В российской политической системе,

однако, при отсутствии развитой политической конкуренции «государственные решения» судебной власти легко трансформируются в поддержку правящей партии и лидера.

Динамика социальных ожиданий в области конституционализма и конституционного правосудия (артикулированных продвинутой частью общественности) в целом отражает общую логику развития российского политического строя, свидетельствуя о завершении большого постсоветского цикла реставрационной фазой с принятием поправок 2020 г. Констатация этого факта, однако, допускает возможность различных прогнозов в отношении перспектив российского конституционного правосудия – от его стагнации в существующих формах до жесткого встраивания в новую вертикаль единой системы публичной власти или превращения в полностью контролируемый технический инструмент правовой легитимации политических решений. В то же время, следуя теории конституционной цикличности, можно утверждать, что окончание всякого большого конституционного цикла не означает остановки развития – неизбежно ведет к запуску другого, сопровождающегося, как правило, радикальным пересмотром легитимирующей формулы конституционного строя и политического режима. Российскому Конституционному Суду, возможно, предстоит сыграть важную роль в этом процессе.

В заключение констатируем перспективность изучения области пересечения права и политики, выявление особого круга возникающих здесь проблем, разработки методологии таких исследований. На этом пути возможно преодоление междисциплинарных барьеров, традиционно разделяющих два подхода. С позиций когнитивной теории права целесообразно сравнительное изучение конституционного правосудия как транснациональной предметной области и места встречи разных дисциплин – права, психологии, наук об информации, политологии, социологии, структурной лингвистики и проч. Открывается направление специализации, включающее сравнительные политологические исследования на правовом материале.

Денисов Сергей

Конституционная политология как наука о конституционализации политической системы

Денисов

Сергей Алексеевич –

доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета, кандидат юридических наук (г. Екатеринбург)

Для связи с автором:

Sa-denisov@yandex.ru

Для цитирования:

Денисов С.А. Конституционная политология как наука о конституционализации политической системы // Публичная политика. 2022. Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_2_43

Аннотация

Конституционная политология – это направление междисциплинарных исследований, объединяющее конституционалистов и политологов. Их совместная работа позволяет изучать доконституционные и конституционные политические системы. Наиболее актуальным сегодня является исследование конституционализации политической системы. Конституционная политология вырабатывает стратегию и тактику движения к конституционной политической системе, изучает политические факторы, способствующие и препятствующие этому движению.

Ключевые слова: политическая система, конституционная политическая система, доконституционная политическая система, конституционализация политической системы, конституционная политология.

Denisov Sergei

Constitutional Political Science as the Science of the Constitutionalization of the Political System

Denisov Sergei A. –

*Assistant professor,
Chair of Human Rights,
Law Faculty, Humanitarian University,
Candidate of juridical sciences
(Ykaterinburg)*

*To contact the author
Sa-denisov@yandex.ru*

Abstract

Constitutional political science is a field of interdisciplinary research that unites constitutionalists and political scientists. Their joint work makes it possible to study pre-constitutional and constitutional political systems. The most relevant today is the study of the constitutionalization of the political system. Constitutional political science develops a strategy and tactics for moving towards a constitutional political system, studies the political factors that contribute to and hinder this movement.

Keywords: political system, constitutional political system, constitutional political system, constitutionalization of the political system, constitutional political science.

Развитие наук происходит путем возникновения новых междисциплинарных исследований. Конституционная политология – одно из таких направлений. Она обращает свое внимание на единый для конституционного права и политологии объект: политическую систему, урегулированную нормами права. У новой науки есть свой особый предмет исследования. В него включается (а) доконституционная политическая система, урегулированная нормами государственного доконституционного права, (б) конституционная политическая система, урегулированная нормами конституционного права, (в) переход от доконституционной политической системы к конституционной, то есть ее конституционализация. Это наука нормативистского характера. В основе ее лежит аксиологический подход к конституционному праву и политике. Она отталкивается от идеала конституционализма, провозглашающего высшей ценностью социократию (господство общества над государственным аппаратом) и верховенство прав и свобод человека и гражданина. Инструментальными ценностями, обеспечивающими реализацию вышеназванных идеалов, являются демократия, республика с разделением властей, правовое общество и государство, децентрализация власти. Суть конституционализации политической жизни состоит в превращении политики из деятельности государства по управлению обществом в деятельность общества по управлению государством, его органами. Государство должно превратиться из самодовлеющей силы в послушный инструмент общества. Для ряда стран это означает переход от одного цивилизационного уровня развития к другому. Уяснение и развитие конституционных идеалов в конституционной политологии опирается на философию права, философию конституционализма и философию власти.

В основе конституционной политологии лежит метод создания идеальных научных моделей. Этими научными моделями являются такие конструкции, как доконституционная политическая система, конституционная политическая система с входящим в нее конституционным государством, конституционной партийной системой и др. Эти научные модели применяются для анализа действительности. Все страны разделяются на (а) конституционные, которые в основном реализовали вышеназванные конституционные ценности, (б) доконституционные и (в) идущие к конституционному строю, находящиеся на разном этапе приближения к идеалу. Значительная часть стран мира находится на доконституционном этапе развития. Это означает, что в них господствует административный класс [Денисов 2010: 147–164], включающий в себя управленцев государства. Он является экономически (через государственную собственность и государственное распределение общественного продукта) и политически (через недемократическое государство) господствующим классом. Здесь отсутствует общество граждан, способное встать над государственным аппаратом и сделать его своим орудием. Для

доконституционной политической системы характерны отсутствие демократического политического режима и монархическая или олигархическая форма правления. При этом доконституционные государства могут имитировать наличие у них демократии и республики [Денисов 2018б: 11–396].

Наиболее интересным для конституционной политологии является изучение процесса перехода доконституционных политических систем в конституционные, который определяется термином «конституционализация политической системы». Развитие данного направления исследования особенно актуально для стран догоняющей модернизации, в группу которых входит Россия.

В России не приветствуются межотраслевые исследования. Это связано с особенностями защиты диссертаций. Автор не встречал попыток выделить конституционную политологию в качестве особого научного направления с присущим ему предметом, методом, целями, задачами и функциями. Вместе с тем работ, нацеленных на изучение процессов перехода от недемократических политических систем к демократическим, огромное множество. При этом наблюдается некоторое пренебрежение политологов к правовым средствам борьбы за прогресс, поскольку в неправовом государстве нормы государственного права носят формальный характер, служат инструментом в руках правящей группы. От них легко отказываются, если они мешают ей сохранить власть. В свою очередь, исследования конституционалистов по развитию государственного строя часто не опираются на знание законов развития политической системы. Задача конституционной политологии структурировать исследования в этой области, объединить усилия конституционалистов и политологов, придать исследованиям политологов правовую направленность.

В целях изучения своего предмета конституционная политология вынуждена обращаться к плюралистическому подходу к праву [Баранов, Денисов 2001: 5–8]. Это означает, что под правом понимаются три разных, но взаимосвязанных между собой явления. Во-первых, право – система норм, отражающих идеалы человечества (аксиологический подход к праву). Во-вторых, правом называются нормы, исходящие от государства (юридический позитивизм). В-третьих, право – реально действующие в обществе нормы, регулирующие важнейшие общественные отношения (социологический подход к праву). Конституционализация политической системы означает реализацию норм-идеалов через закрепление этих идеалов в нормах официального позитивного права (законах) и реализацию их в практике общественной жизни (в реальном праве). Пока аксиологический подход к конституционному праву делает только скромные попытки заявить о своем существовании. Юридический позитивизм господствует в науке конституционного права. Ответ на вопрос о конституционализации того или иного явления

по-прежнему ищут не в конституционной доктрине, а в основном законе страны, который может быть вовсе не конституционным.

Любая наука вырабатывает набор категорий, которые использует для описания своего предмета исследования. Конституционная политология придает особое значение таким терминам, как конституционная политическая система, конституционное государство, народ, масса, общество граждан, гражданин и подданный. Ей приходится вести борьбу за чистоту своих категорий и показывать различие между правовым и полицейским государством, между президентом республики и диктатором, между федерализмом и сложной империей. Конституционная политология заимствует из общей политологии массу терминов, с помощью которых она описывает реально действующие в стране нормы (социологический подход к праву). Наука государственного (конституционного) права не знает таких терминов, как тоталитарный, авторитарный, султанистский или персоналистский режим [Сравнительная политология... 2015: 172–190]. Конституционная политология должна противостоять юридическому романтизму, широко распространенному в науке конституционного права. В ее задачи входит борьба с мифологическим представлением о роли масс, бюрократического государства, правителя и законов в движении к конституционному строю. Она должна вывести конституционное право за рамки познания норм права. Борьба за конституционализм часто связана не с принятием норм права, а с появлением субъектов, которым эти нормы нужны, с распространением в обществе определенной политико-правовой культуры.

Из теории демократического транзита [Карл, Шмиттер 2004: 6–27] в конституционную политологию неизбежно переносится спор о роли конституционных институтов и конституционной культуры для конституционализации политической системы. На массе исторических примеров мы видим, что введение в стране конституционных институтов республики, демократии, разделения властей не обеспечивает перехода страны к конституционному строю. В условиях доконституционной политико-правовой культуры население не использует продекларированные политические права, и все конституционные институты носят чисто имитационный характер [Лукьянова 2020: 61–76]. Из этого следует важный для сторонников конституционализма вывод. Все силы надо бросить не на придумывание новых правовых способов ограничить власть правящей группы, а на формирование активистской или гражданской политико-правовой культуры населения, на превращение массы в народ, способный подчинить себе аппарат государства, поставить его под свой контроль.

Конституционная политология утверждает, что для перехода к конституционной политической системе должны появиться социальные общности,

стремящиеся и способные поставить государственный аппарат под свой контроль. Страна может перейти к конституционному строю, только если в ней сформировалось гражданское общество, эмансипированное от государства. Иногда его называют нацией. В этом гражданском обществе должно появиться ядро в виде народа, объединенного в общество граждан. Под народом здесь понимается часть населения страны, обладающая способностью осознавать свои коллективные интересы и отстаивать их через свои организации (партии, профсоюзы, объединения предпринимателей, иные общественные объединения). Народ противопоставляется массе, которая действует не на основе разума, а руководствуется в своей жизни традициями, чувствами и верой [Денисов 2018а: 110–129]. Власть народа называется демократией, а власть масс охлократией. Свойство масс хорошо изучено в литературе по политологии и социальной психологии [Психология масс... 2001]. В административном доконституционном обществе нет народа. Есть только масса, зависимая от административного класса и управляемая им. Вместе эта масса составляет общество подданных. Автор не встречал в отечественной литературе исследований такого субъекта политической жизни, как общество граждан. При этом исследуется понятие гражданина [Фан 2018: 17–41] и гражданской культуры в отличие от понятия подданного и подданнической культуры [Алмонд, Верба 2014: 15–47]. Под словом «гражданин» здесь понимается не формальная принадлежность человека к какому-нибудь государству, а выполнение им определенной социально-политической роли. Гражданин – это относительно независимый от государства актер политической системы, осознающий интересы своей группы и общества, объединяющийся с другими гражданами для реализации этих интересов. Общества граждан фактически управляют демократическими государствами, обеспечивают республиканский характер формы правления. При этом общество граждан стремится показать свое единство с массой и действует от имени этой массы. Одной из форм проявления общества граждан являются группы давления [Джанда и др. 2006: 289–317]. Граждане составляют актив партий и общественных объединений. В состав общества граждан входят публичные политики.

Как показывает история, основной социальной общностью, заинтересованной в подчинении государства обществу, является класс буржуазии. Он обладает достаточными амбициями и способностями для осуществления указанной цели. В его руках значительные материальные ресурсы, которые он получает не от государства, а на рынке. Он способен организовать общественные группы, которые могут противостоять мощи государственной организации, и дать обществу идеологию, мобилизующую его на борьбу за свои права. В этих целях буржуазия создает слой публичных политиков и гражданской интеллигенции. Очевидно, что в современных условиях буржуазия не

в состоянии монополизировать власть (как политическую, так и экономическую) и вынуждена делиться ею со всеми активными группами общества – в первую очередь с так называемым средним классом. В конституционализации политической системы заинтересована буржуазия, получающая доход на свободном рынке. Ей нужно право и правовое государство. Ее не следует путать с клиентистской буржуазией, которая получает свою долю прибыли за счет связи с высокопоставленными чиновниками [Гайдар 1997: 121–150]. Эта буржуазия поддерживает независимость государственного аппарата от общества. Она активно участвует в имитации конституционного строя.

Движение к конституционному строю предполагает конституционализацию партийной системы, включающую устранение из нее партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы, а также партий-подсадок, реализующих интересы административного класса и клиентистской буржуазии. Не секрет, что в конституционной политической системе присутствует не менее двух конституционных партий, выражающих интересы разных групп гражданского общества. Антиконституционные партии, стремящиеся уничтожить конституционный строй, здесь маргинальны. Возникновение конституционной многопартийности связано с формированием гражданского общества и общества граждан и борьбой за свободу объединений.

Сегодня ряд административных государств, имеющих унитарную или имперскую территориальную организацию власти, имитируют наличие у себя федерализма. Конституционализм понимает под федерацией свободный союз территориальных сообществ граждан. Но чтобы он возник на деле, а не только на бумаге, должны быть в наличии указанные территориальные сообщества, имеющие обособленные экономические и политические интересы, осознающие их и готовые организованно их защищать, опираясь на идеологию регионального патриотизма. Этому способствует создание региональных партий. Самостоятельность регионов нужна местной буржуазии для защиты от монополизации рынков со стороны крупного капитала. Борьба за самостоятельность регионов связана с изменением предметов ведения между центром и регионами, с изменениями в избирательном праве (например, введение ценза оседлости для кандидатов на выборные должности в регионах).

В отечественной литературе ставится вопрос о том, почему Россия второй раз не смогла перейти к конституционному строю [Шейнис 2014]. Ответ лежит на поверхности. В ней не сформировалась социальная основа для этого перехода. При отсутствии общества граждан здесь невозможно создать конституционную партийную систему, сформировать парламент, поддерживать сменяемость органов верховной власти. В этих условиях самая идеальная конституция превращается в формальный документ. Нормы Основного Закона не становятся реально действующими нормами. Они реализуются

либо фрагментарно (политические права), либо в форме ритуальных действий (формирование государственного аппарата).

Конституционализация политической системы означает не просто закрепление политических прав и свобод в Основном Законе, но и активное использование их гражданами страны. Она означает создание большого количества независимых от государства средств массовой информации, отражающих интересы разных групп общества и представляющих их партий, участие граждан в деятельности разного рода общественных объединений, использование своего права выбирать органы власти и выходить на улицы со своими требованиями. Вновь следует обратить внимание на отличие народа от массы. Политизация массы не приводит к конституционализации строя. Масса, опираясь на свои чувства и верования, легко идет за популистами, способными привести страну к диктатуре и авторитарному политическому режиму. Общество граждан должно выработать меры, препятствующие политизации массы. Такой мерой может быть удовлетворение потребительских интересов массы и предоставление ей возможностей для развлечений.

Среди конституционалистов и части политологов распространен миф о том, что переход к демократии и конституционной политической системе связан с включением масс в политические процессы. Автор данной статьи придерживается элитаристской теории, согласно которой переход от авторитаризма к демократии связан с расколом элит, которые не могут уничтожить друг друга и вынуждены договариваться о конституционных правилах конкуренции на политическом поле [Пшевцовский 2000: 109–110]. Эта конкуренция приводит к втягиванию иных слоев общества в политическую жизнь.

Политологи часто не обращают внимания на то, какие элиты входят в правящий класс. Правление элит административного класса не может привести страну к конституционализации отношений. Эти элиты способны встроиться в единую иерархическую пирамиду власти и господствовать над обществом. Т. Ворожейкина обращает внимание на то, что в правящий класс Украины к 2014 г. вошли буржуазные элиты (олигархи), которые намерились поставить элиту административного класса под свой контроль [Ворожейкина 2014: 6–25]. При этом они не могли договориться между собой о разделе власти, что привело к возникновению конкурентной политической системы в стране. В ходе конституционализации административные элиты должны быть вытеснены на периферию. Доминирующее положение должны занять элиты общества, публичные политики, а также элиты буржуазии и гражданской интеллигенции.

О неизбежности конституционализации государства говорит теория аристократизации элит. Элита, установившая авторитарный режим, исключает себя из конкурентных отношений. Она перестает развиваться и реагировать

на изменения общественных потребностей. Такая элита неизбежно деградирует и теряет власть [Моска 1994: 196–197]. Это хорошо иллюстрируется развитием России при большевиках и на современном этапе. Внутри элиты, ведущей страну к деградации или отставанию в развитии, неизбежно появляется группа реформаторов. Элита раскалывается на части. Появляется возможность перехода к конкурентной политической системе. Единство правящей административной элиты часто обеспечивает вождя. С его уходом из политической жизни элита раскалывается. Возникает шанс перехода к демократии и республике. Таким шансом воспользовались Испания [Испания: траектория модернизации... 2006] и Португалия [Суханов 1983].

Конституционная политология указывает на главных противников движения к конституционному строю и конституционной политической системе. Им является административный класс, из которого состоит государственный аппарат. Интересы административного класса обеспечивает служилая интеллигенция [Денисов 2013: 206–216]. Административный класс приобретает значительную силу, если он сплочен и его возглавляет харизматический лидер.

Философы мира констатируют возрастание роли субъективного фактора в развитии истории человечества [Турен 1998: 66]. Движение к конституционализации политической системы сегодня – это не только эволюция и движение к прогрессу на основе объективных законов развития общества. Это одновременно осознанное и целенаправленное социальное конструирование [Бергер, Лукман 1995], осуществляемое разными силами, заинтересованными в подчинении государственного механизма обществу. Методологическую основу для социального конструирования конституционной политической системы представляют конституционная инноватика [Сунгуров 2012] и теория форсайта [Терешина, Третьяк, Метелкин 2019]. Основными субъектами конституционализации политической системы выступают конституционные партии, общественные объединения, гражданская интеллигенция, социальная общность конституционалистов и отдельные граждане. Овладевая государственным аппаратом, они могут использовать его в целях конституционализации политической системы. Но если государственный аппарат находится в руках неконституционных сил, то он создает помехи на пути конституционализации общественного строя. Активным сторонникам конституционализации политической системы страны и мира необходимо выработать стратегию и тактику своих действий. Для этого они должны хорошо представлять себе картину мира и свое место в нем. В противном случае их действия будут похожи на блуждание в темном лесу. Необходимо выработать «дерево целей», стадии их возможного осуществления. Для успешного движения к конституционализации политической системы должен быть создан экономический, социальный, политический и идеологический фундамент. Так называемая процедурная

теория демократического транзита [Сравнительная политология... 2015: 232–248] дает нам примерное представление о стадиях конституционализации политической системы [Растои 1999].

В административных социальных системах государство играет первейшую роль. Это подталкивает сторонников конституционализации политической системы обратить свое внимание в первую очередь на реформирование данного субъекта и с его помощью изменить все остальные характеристики политической системы. Однако административное государство наименее поддается реформированию. Для воздействия на него необходимо формирование и усиление общества, движение его к эмансипации. Только сильное общество заставит государство изменить свой характер. Конечно, примеры Александра II и М.С. Горбачева доказывают нам обратное. Но что могли сделать Горбачев и Ельцин в условиях отказа общества от предложенных ему конституционных институтов и норм?

Для точного определения стратегии и тактики движения к конституционным целям акторы должны уяснить для себя, на какой стадии развития находится их страна. Часто предлагается перенести передовые нормы регулирования отношений, имеющиеся в развитых странах, на аборигенную почву страны, отстающей в своем развитии. Например, служившая интеллигенция России указывает на усиление государственного аппарата во всех сферах жизни развитых стран и требует усилить государство в России. При этом игнорируется тот факт, что в развитых странах аппарат государства находится под строгим контролем общества граждан. В России нет общества граждан, и усиление государства означает возврат к тоталитарному строю. Введение свободных выборов в Египте в 2012 г. привело не к конституционализации политической системы, а к приходу к власти исламистов, которые попытались вернуть Египет в средневековье [Эль-Рашиди 2012: 116–124].

Отечественный специалист по реформам В.М. Полтерович пишет, что иногда не следует вводить в отсталом обществе нормы, принятые в развитых государствах [Полтерович 2001: 38]. Например, переход от абсолютной монархии к республике может осуществляться через введение ограниченной монархии или бонапартистского режима [Медушевский 2001: 31–58]. Общество развивается последовательно, проходя определенные стадии. Не решив одной задачи, мы не можем перейти к решению другой. Конституционализм невозможно навязать с помощью норм права и государства. Нужны субъекты, заинтересованные в реализации норм, закрепляющих демократические процедуры, местное самоуправление, федерализм и др.

Сознательный подход к конституционализации политической системы требует от акторов определения направлений деятельности, не замыкающихся в политической сфере. История показывает, что конституционализация

политической системы происходила в буржуазных обществах. Таким образом, для перехода к конституционной политической системе необходим переход к капитализму. В Восточной Европе это правило было нарушено. Вначале они перешли к демократии и республике, а затем начали экономические реформы. Но надо учитывать, что все это происходило под опекой стран конституционной цивилизации. Необходимо отметить, что сам переход к капитализму не ведет к автоматической конституционализации политической системы. В условиях угрозы для капитализма со стороны левых политических движений буржуазный класс идет на союз с административным классом и поддерживает авторитарный или даже тоталитарный режим в стране с диктаторской формой правления (пример фашистской Италии и нацистской Германии). Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон провели глубокое исследование связи разных факторов экономического развития стран мира с движением к демократии или с сохранением диктатур [Асемоглу, Робинсон 2015].

Второе направление сознательной деятельности – социальное. Как уже отмечалось, у конституционной политической системы должна быть своя социальная база, на формирование которой можно осуществлять воздействие. Народ в указанном выше смысле рождается из массы и разного рода элит. Общество граждан зарождается из общества подданных в результате экономического и социального развития общества и под воздействием идеологии, вырабатываемой гражданской интеллигенцией. Движение к конституционализму связано с постепенной эмансипацией общества от государства. Здесь необходимо отметить борьбу в сфере образования. Служилая интеллигенция направляет свою деятельность на формирование слоя подданных государства или даже верноподданных под прикрытием осуществления гражданского образования. Только гражданская интеллигенция является актором, деятельность которого нацелена на формирование слоя граждан, на формирование общества граждан. Конституционеды также разделяются на сторонников конституционной политической системы (конституционалисты) и их противников (государствоведы).

Первостепенное внимание конституционной политологии, конечно, направлено на непосредственное развитие политической системы и на трансформацию политического сознания. Задачами конституционной идеологии являются делегитимация доконституционного политического строя и обоснование необходимости перехода к конституционным отношениям. Движение к конституционной политической системе возможно в условиях, когда население верит в демократические институты, республику и правовое государство [Сравнительная политология... 2015: 229–230].

Важнейшей для конституционалистов является сфера развития права от доконституционного к конституционному. Они часто замыкаются в этой

правовой сфере, испытывая иллюзорные надежды с помощью норм права изменить политическую жизнь общества и мира. Право является инструментом закрепления политических успехов развития общества. Но оно может подталкивать его к движению вперед. Юристы-конституционалисты должны быть готовы к появлению «окна возможностей». Они должны знать, какие нормы уходящего режима надо отменить, а какие – ввести. Проекты будущих законов должны быть обсуждены и подготовлены заранее с учетом сложившихся в стране условий. Юристы часто делают акцент на принятии или совершенствовании Основного Закона страны, называемого Конституцией [Румянцев 2021: 9–32]. Но проблема развития общества может заключаться в наличии подзаконных актов, которыми привыкли руководствоваться чиновники, в традициях правоприменения. При наличии формальной Конституции акцент следует делать не на ее улучшении, а на попытке реализовать ее нормы на практике [Конституционные принципы... 2014: 16].

Соединение конституционного права и политологии позволяет ответить на вопросы о том, как конституционные нормы работают в конкретных политических условиях, когда следует вводить пропорциональную избирательную систему, а когда мажоритарную или смешанную, как лучше принимать Основной Закон: через парламент, Учредительное Собрание или через референдум? [Лейпхарт 1997: 324–343]. Юристы, оторванные от политологии, иногда бездумно предлагают какие-то реформы, которые в конкретных условиях оборачиваются контрреформами. Например, предложение принять новую Конституцию России в современных условиях неизбежно приведет к отказу от имеющихся конституционных завоеваний и возврату в прошлое. Предлагаемые юристами проекты законов, направленных на конституционализацию политической системы в условиях авторитарного режима, как правило, не становятся законами. Поэтому они должны иметь не чисто юридическую, а пропагандистскую направленность, стать инструментами в политической борьбе. Отказ поддержать инициативу о присоединении к Европейскому союзу привел Украину в 2013–2014 гг. к революции [Ворожейкина 2014: 6–25].

Важнейшим для конституционной политологии является вопрос о формах конституционализации политической системы. Конституционалисты – сторонники реформ, но если правящая группа упорно не желает идти на уступки обществу и управляет им с помощью насилия, то революционный метод становится неизбежным. Выработка стратегии и тактики конституционализации политической системы должна основываться на знаниях политической технологии.

Важнейшим направлением конституционализации правовой системы является переход к правовому государству. Люди должны поверить в то, что

право может быть справедливым, разумным и служить реализации их интересов. В философии это получило название «борьба за право».

Применяя цивилизационный подход, можно констатировать наличие в мире двух конфликтующих между собой цивилизаций: конституционной и доконституционной. Особый раздел конституционной политологии касается изучения стратегии и тактики конституционной цивилизации по распространению конституционных ценностей во всем мире и оценке ее эффективности. Конституционная цивилизация сегодня в состоянии навязывать всему миру нормы международного права, направленные на конституционализацию всего мира. Доконституционные страны часто вынуждены на словах поддерживать их, но отказываются от их реализации на деле, саботируют осуществление международного контроля за их соблюдением и применением судебной ответственности за нарушение этих норм¹. Сопrotивление реализации норм международного права оправдывается суверенитетом государства, наличием особой конституционной идентичности. На конституционализацию мира может быть направлена организация международных союзов и характер создаваемых ими органов управления. Дискуссионным является вопрос о необходимости применения насилия к диктаторам, грубо нарушающим права человека. Насильственные действия приходится применять ко всей стране, возглавляемой диктатором.

Сегодня поднимается вопрос о конституционализации международных отношений [Медушевский 2020: 15–42], о подчинении международной бюрократии и международных институтов мировому сообществу и обеспечению прав человека во всем мире. Конституционная политология должна выработать свои предложения по устройству мира, чтобы не допустить господства в нем отдельных сверхдержав и их правящих групп.

Политическая политология призвана ответить на вопрос, поставленный Ф. Фукуямой: возможен ли конец истории? [Фукуяма 2015]. Вера в прогресс позволяет надеяться на положительный ответ на этот вопрос. К такому выводу приводит использование метода экстраполяции, применяемого в футурологии. Последние 400 лет человечество неуклонно двигалось от животной организации власти (вожак и стая, правитель и масса) к сложной конституционной системе, основанной на распылении власти в демократическом обществе и разделении государственной власти между сдерживающими произвол друг друга органами. Сегодня, как уже отмечалось, конституционные страны сплотились в рамках конституционной цивилизации, которая развивается по пути вбирания в себя все новых и новых членов, а также через рост сплоченности ее членов. Как известно, цивилизации зарождаются, проходят этапы своего

¹ Федеральный закон РФ от 11 июня 2022 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

расцвета и умирают. Представляется, что конституционная цивилизация находится на этапе своего расцвета и распространения на весь мир. Ее противники уже не раз пытались ее похоронить. Развитие этой цивилизации идет через самокритику [Шпенглер 1993]. Она позволяет вовремя выявлять проблемы роста и разрешать их путем постоянного реформирования политической системы. Развитие доктрины и идеологии конституционной политической системы является важной задачей конституционной политологии, которую она решает вместе с философией конституционализма.

Сегодня найдется мало стран, которые отказываются от имитации конституционного строя. Служилая интеллигенция вырабатывает идеологии, оправдывающие доконституционные политические системы, выдающие себя за конституционные. Широко распространенной является идеология юридического позитивизма, которая предлагает оценивать государство по тем нормам, которые зафиксированы в Основном Законе страны. Если в нем записано, что страна является демократической с республиканской формой правления, значит так оно и есть. Вопрос о том, реализуются ли эти нормы на практике, полностью игнорируется. В мире появилось множество псевдоконституционных идеологий, протаскивающих идеи этатизма, отказывающихся от верховенства прав человека. Сегодня это делается под предлогом особой конституционной идентичности отдельных стран. Попытка отгородиться от конституционной цивилизации осуществляется под прикрытием защиты суверенитета государства и сохранения традиционной национальной культуры общества [Кабышев 2022: 3–4]. В задачи конституционной политологии входят разоблачение антиконституционных идеологий, борьба с ними.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что к решению проблем конституционализации политических систем необходимо подходить комплексно. Для этого следует привлекать не только специалистов из области политологии и права, но также философов, культурологов, социологов, психологов, антропологов и экономистов. Изучение процессов конституционализации должно опираться на знания истории успешного и безуспешного осуществления этой деятельности. Как любая наука, конституционная политология должна выявлять закономерности конституционализации политических систем отдельных стран и мира в целом. Для этого она обращается к знаниям общей теории конституционализации мира [Денисов 2022: 19–27].

Итак, конституционная политология – это особое направление междисциплинарных исследований, объединяющее знания и методы, выработанные наукой конституционного права и политологией. Проводимые ею исследования нужны для решения проблем развивающихся стран, вставших на путь конституционализации своих политических систем.

Источники

Алмонд Г., Верба С. 2014. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль. 500 с.

Асемоглу Д., Робинсон Дж. 2015. *Экономические истоки диктатуры и демократии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 512 с.

Баранов В.М., Денисов С.А. 2001. Об интегративности идеи в философии права. – *Философия права*. Ростов-на-Дону. № 2. С. 5–8.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: Academia – Центр; Медиум. 323 с.

Ворожейкина Т. 2014. Украина: неутраченные иллюзии. – *Pro et contra*. № 3–4. С. 6–25.

Гайдар Е.Т. 1997. *Государство и эволюция. Дни поражений и побед*. М.: «Евразия». 559 с.

Денисов С.А. 2010. *Общая теория административного государства*. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 684 с.

Денисов С.А. 2013. Служилая интеллигенция в российском административном обществе. – *Политическая концептология*. Ростов-на-Дону. № 2. С. 206–216.

Денисов С.А. 2018а. *Имитация конституционного строя*: в 4 кн. Кн. 2. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 347 с.

Денисов С.А. 2018б. *Имитация конституционного строя*: в 4 кн. Кн. 3. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 436 с.

Денисов С.А. 2022. Общая теория конституционализации мира как направление научного исследования. – *Конституционное и муниципальное право*. № 8. С. 19–27.

Джанда К., Бери Д.М., Голдман Д., Хула К.В. 2006. *Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США*. М.: РОССПЭН. 656 с.

Испания: траектория модернизации... 2006. *Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века*. М.: ИЛА РАН. 496 с.

Кабышев В.Т. 2022. Антиконституционализм и анти-Россия в государственно-правовых пророчествах Ивана Ильина. – *Конституционное и муниципальное право*. № 9. С. 3–6.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К. 2004. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций). – *Полис*. № 4. С. 6–27.

Конституционные принципы... 2014. *Конституционные принципы и пути их реализации: Российский контекст. Аналитический доклад*. Москва. 76 с.

Лейпхарт А. 1997. Конституционные альтернативы для новых демократий. – *Современная сравнительная политология: хрестоматия*. М.: Московский общественный научный фонд. С. 324–343.

Лукьянова Е.А. 2020. Имитационные политические режимы как новая политико-правовая реальность. Политико-правовой анализ. – *Общественные науки и современность*. № 1. С. 61–76.

Медушевский А.Н. 2001. Бонапартистская модель власти для России. – *Вестник Европы*. № 1. С. 31–58.

Медушевский А.Н. 2020. Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка. – *Сравнительное конституционное обозрение*. № 1 (134). С. 15–42.

Моска Г. 1994. Правящий класс. – *Социс*. № 10. С. 187–198.

Полтерович В.М. 2001. Трансплантация экономических институтов. – *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 24–50.

Психология масс... 2001. *Психология масс: хрестоматия*. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М». 592 с.

Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН. 320 с.

Растоу Д. 1999. Переходы к демократии: попытка динамической модели. – *Политология: хрестоматия*. М.: Гардарики. 843 с.

Румянцев О.Г. 2021. Эскиз концепции обновления Конституции Российской Федерации (России) с комментариями. – *Конституционный вестник*. № 6 (24). С. 9–32.

Сравнительная политология... 2015. *Сравнительная политология: учебник*. М.: Аспект Пресс. 752 с.

Сунгуров А.Ю. 2012. *Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям: учебное пособие*. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. 186 с.

Суханов В.И. 1983. *«Революция гвоздик» в Португалии: страницы истории*. М.: Мысль. 239 с.

Терешина Н.П., Третьяк В.П., Метелкин П.В. 2019. *Форсайт технологии: учебное пособие*. М.: РУТ (МИИТ). 179 с.

Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир. 204 с.

Фан И.Б. 2018. *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. 332 с.

Фукуяма Ф. 2015. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ. 259 с.

Шейнис В. 2014. *Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках*. М.: Мысль. 1088 с.

Шпенглер О. 1993. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль. 663 с.

Эль-Рашиди Я. 2012. Египет на краю. – *Pro et contra*. № 1–2. С. 116–124.

Мизулин Михаил

Политология права: контур предметности

Мизулин

Михаил Юрьевич –

*кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии
и политического управления
факультета политических
исследований Института
общественных наук РАНХиГС РФ
(г. Москва)*

*Для связи с автором:
mmizulin@mail.ru*

Для цитирования:

*Мизулин М.Ю. Политология
права: контур предметности //
Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_59*

Аннотация

В статье содержится определение политологии права как современной науки и учебной дисциплины о праве, которое понимается и интерпретируется политологическим языком, в политологических понятиях и терминах, особое внимание при этом уделяется правовым, властным и политическим явлениям и состояниям как плюралистичным, находящимся в постоянном изменении и создающим для акторов политического и юридического действия возможности выбора и осуществления общественных изменений.

Ключевые слова: право, политология права, правовая форма политической деятельности, общественные изменения.

Mizulin Mikhail

Political science of law: the contour of objectivity

Mizulin Mikhail Y. –

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Political Science and Political
Administration of the Faculty of
Political Studies of the Institute
of Social Sciences of the Russian
Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow.*

*To contact the author:
mmizulin@mail.ru*

Abstract

The article contains a definition of the political science of law as a modern science and an academic discipline on law and about law, which is understood and interpreted by the political science language, in political science concepts and terms and considers legal, power and political phenomena and states as pluralistic, in constant change and creating opportunities for actors of political and legal action to choose and implement social changes.

Keywords: law, political science of law, legal form of political activity, social changes.

Современное состояние науки в России уже нельзя представить без политологии. Политологи доказали свою эффективность как в прикладном, так и в теоретическом отношении.

В прикладном плане экспертно-политическая деятельность представителей политического знания напрямую связана с избирательным процессом, функционированием парламентаризма, гражданского общества, политического и идеологического плюрализма, партийного и федеративного строительства. Значимую роль политико-консультативные и консалтинговые центры, фонды и агентства играют и в совершенствовании современных властных институтов, разработке и реализации государственных/политических программ и проектов.

Теоретический фундамент политической науки в последнее время значительно пополнился за счет концептуализации таких дисциплин, как теория политики, политический институционализм, сравнительная политология, политическая этика и философия, политическая социология.

Нельзя не заметить и того отрадного факта, что современная политология в России значительно расширяет свой предметный плацдарм, как в свое время это происходило с социологией. В социологии на определенном этапе ее развития появлялись наряду с теориями макроуровня социологические разработки труда, образования, бюрократизма, преступности, права, государства, религии. То же самое происходит и в современной политологии. Несомненно, что значимую роль в этом векторе и качестве развития современной политологии занимает и политология права.

Общеизвестной истиной является тот факт, что право и политика – как в теоретическом, так и в практическом плане – тесно связаны между собой. В 1882 г. английский юрист Ф. Поллок писал о том, что «право для политических институтов значит то же, что становой хребет для тела» [цит по Друри 1999]. И в этом своем качестве, определяемом нами применительно к современной ситуации как правовая форма политического процесса, политическое право есть не что иное, как ключевой глобальный тренд современного миропорядка и становящегося многополярного мира. Для экспертов политологии права это означает возможность проектного доминирования среди всех существующих политологических взглядов и концептуальных подходов.

Такая постановка вопроса дополняет достаточно традиционный предметно-объектный взгляд на политико-правовую онтологию. Наряду с исследованием таких производных сущностей политико-правового процесса, как полиция, преступность, террор, экстремизм, правовой порядок, инквизиция, репрессии, правосудие, произвол, беззаконие, государственный суверенитет, насилие, договор, права человека, гражданство, адвокатура, государственное обвинение, общественная опасность/безопасность, государственный переворот, политическая

революция [Мизулин 1997], на авансцену современной бесконечно неопределенной ситуации выходит такой феномен, как правовая форма политики. При этом важно заметить, что если вышеперечисленные политико-правовые сущности являются произвольными состояниями политического процесса, то правовая форма политического действия представляет собой желаемый горизонт этого процесса и расположена не в состоявшемся, а в предстоящем будущем, которое в перспективе своего развития несомненно может обрести очертания настоящего и в этом смысле превратиться в свершившееся.

Как возникла идея политологии права?

Идея возникла в процессе разработки и реализации двух исследовательских проектов и впервые была озвучена в монографии «Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации» [Судебная реформа... 2003]. Первый из них касался вопросов теории и практики проведения мониторинга уголовно-процессуального кодекса РФ и осуществлялся в 2002–2003 гг. в семи федеральных округах России.

Второй – исследовательский проект по вопросам определения тенденций и состояния реформирования государственной службы и ее институтов в РФ в 2003–2004 гг. Работа осуществлялась в рамках временного творческого коллектива, созданного в РАГС, с 2010 г. – РАНХиГС.

Что выявил процесс мониторинга уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации?

Об этом мы неоднократно говорили и отмечали на республиканских и международных конференциях, в публикациях, вышедших на данную тему [Отчет... 2004; Уроки реформы... 2006; Уроки реформы... 2007].

Речь идет о том, что право и закон не могут быть и не являются в современной общественно-политической практике исключительным достоянием юристов и такой дисциплины, как юриспруденция. Состояние реального плюрализма правовых мнений в юридической среде применительно к одним и тем же нормам следует признавать не как ложную юриспруденцию и не как неэффективную правоприменительную и судебную практику, а как реальный процесс становления и развития юридического и правового плюрализма мышления и деятельности. Реальный политико-правовой выбор законодателей и правоприменителей и юридические разночтения не следует принимать и считать профессиональной трагедией. Нужно исходить из обратного: правовой плюрализм предполагает надъюрисдические, а следовательно, политико-правовые мышление и действие, ведущие к становлению, легализации, легитимизации и институционализации политико-правовых институтов, акторов, техник и технологий их деятельности.

Современное право и современная юриспруденция не должны восприниматься исключительно догматически. В известном смысле слова они не должны быть исключительно формализованными и предельно логичными текстовыми конструкциями. Их роль в современном мире иная. Право и его формализованные концепты, такие как закон, регламент, договор, кодекс, текст, постановление, решение, указ и многое другое, должны быть не только конструкциями организованной защиты, но и инструментами общественных изменений (модернизации, развития, трансформации).

Общественные изменения и право

Общественные изменения, происходящие с нами, новы, радикальны и несопоставимы ни с чем ранее известным только на первый взгляд. Все это было – и было не раз. Масштаб, содержание и предметно-интеллектуальное содержание происходящих изменений – другое, а переменчивость как состояние – старое. Россия завершила одну из стадий общежития как совместного жития и единомыслия, по-гречески называемого киножией или по-латыни – коммунизмом, и приступила к решению новой задачи – становлению нового типа общежития.

Средствами этого большого дела избраны рынок и правовое, демократическое, социальное и федеративное государство. Новизна ситуации ничем новым не отличается. «Общежитие знаменует всегда духовный подъем: таковым было начало христианства. Начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр которого возникает в Киево-Печерской лавре вскоре после крещения Руси; и начало Руси Московской, опять-таки приобщившейся к новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития, по совету и с благословения умирающей Византии» [Флоренский 1996: 366–367].

Новизна может состоять только в том, чтобы точно определить появляющиеся и исчезающие общественные изменения, а также ту или иную точку роста или падения.

Появление нового и право

При появлении нового возникает состояние полного или абсолютного реализма, где справедливость отходит на второй план, а с ней уходят и институты ее обеспечения. Бывшая справедливость как справедливость старого уклада жизни может стать справедливостью настоящего в будущем-настоящем, когда шторм перемен затихнет и жизнь опять примет свои устойчивые состояния и формы. Именно поэтому традиционные парадигмы права, как то: «право справедливо», «право есть идея свободы», «право есть условие формального равенства», «права человека есть первейшая ценность современной

демократии и цивилизации», «право как совокупность норм и правил поведения», «юридическое, институциональное и законодательное право как присутствие права в реальности», деление права на традиционные отрасли – не только не «схватывают» содержания общественных изменений, но и становятся фактором свертывания социальной динамики. Не случайно, а вполне закономерно, что на этом фоне возникают многочисленные дискуссии, критически рассматривающие новые попытки выстроить баланс блага, справедливости, свободы в контексте таких институтов, как право и государство.

Получается, что базовая идея права как юридического условия и процедуры достижения справедливости, свободы и порядка не в полной мере вписывается в происходящие изменения. Ситуация баланса порядка, свободы и справедливости – это ситуация скорее политическая и там, в сфере политики, надо искать ее присутствие и примысливать новые условия взаимности и расхождения этих важнейших социокультурных феноменов. Поэтому есть предположение, что право реализации общественных изменений находится в предметной плоскости политики, а не только и не столько в сфере юриспруденции.

Право в плоскости политики

При этом мы исходим из того, что природа политики, одно из ее предназначений – это изменение [Власть... 2002]. Политика – это такой процесс и такая деятельность, которые ситуацию «до» делают ситуацией «после». И если переход из ситуации «до» в ситуацию «после» встречает на своем пути нечто правовое и даже юридическое, то оно, это правовое и это юридическое, становится предметом политической деятельности и политологии как мышления, помышления, знания и интерпретацией о таком политическом процессе и состоянии.

Обозначенная проблематика научных дискуссий в конечном счете есть проблематика современного прочтения и разграничения предметных полей юриспруденции и политологии. Проблематика крайне важная, поскольку в старой конструкции монопольного владения политическим полем «советскими юристами» оставаться нельзя и даже просто опасно, но недооценивать непонимание и просто непонимание оправления и юридизации политики, появления нового права в политике, в сфере политологии – также недопустимо. Если же ничего не предпринимать, то следствием этого «неведения» придется признать возникновение массовых непонятностей, в которые играют люди.

Выводы проекта о реформировании государственной службы

Этот сюжет мы детально прописали и представили в итоговом отчете исследования по вопросам реформирования государственной службы [Отчет... 2004]. Воспроизведем итоговый вывод. «Право как общественная ценность

и механизм решения личных проблем и вопросов является для российских граждан и государственных служащих достаточно осознанным приоритетом. Императив равенства перед законом и жажда правового порядка, по мнению опрошенных респондентов, являются ключевыми факторами и условиями формирования российского общества. В ответ на это реальное человеческое и публичное состояние граждане и государственные служащие получают усиление административного произвола, ощущение правовой незащищенности. В этих условиях судебная реформа дает сбой. Проблемным становится институт разделения властей как институт, гарантирующий самостоятельность и независимость судебной власти. Ситуация в этом направлении меняется не потому, что граждане могут и желают жить не по праву и не по закону, а потому, что совокупное качество законодательства не согласовано с фактической "правовой матрицей" народонаселения, с его реальным правосознанием. Россиянин вошел в ситуацию осознания значимости и действенности права, а ему предлагают нормы и институты, работающие в значительной мере в холостую. В ситуациях реальных конфликтов, реальных нарушений его прав и свобод гражданин остается один на один с собой, а следовательно, незащищенным. Право как способ организованной защиты¹ в России еще не появилось как институциональное явление. Изменение вектора судебной реформы и государственной правооформительской деятельности не приостановило, а наоборот, усилило потребность в праве и правовых действиях как граждан России, так и служащих государственного аппарата. Развитие и прогнозирование ситуации диктуют необходимость организации и осуществления мониторинга как общей политико-правовой ситуации в России, так и ее отдельных направлений, а именно судебно-правовая реформа или реформа государственной службы».

С нашей точки зрения, административные и инструктивные мероприятия могут лишь на время скорректировать ситуацию. Но ситуация все равно останется, поскольку она неизбежно включена в общий процесс общественных изменений, в который неизбежно в силу своего присутствия включены сами правоприменители, государственные служащие и все участники конституционного, административного, уголовного и гражданского судопроизводства. Возникает состояние «пятой власти» как состояние выработки народного, коллективного опыта работы населения и работы с населением, а также работы самих правоохранительных органов народно-профессиональными методами в ситуации новых кодексов и ситуации непрекращающихся общественных изменений.

¹ Определение С.А. Муромцева, используемое профессором Московского университета в его многочисленных трудах.

Недостижимость сущности права традиционными инструментами

И это есть не что иное, как поле политики и политологии, отчасти социологии, поле очень близкое и сопряженное с юриспруденцией, но уже не являющееся юридическим, поскольку находится в плоскости недостижимости ее традиционных инструментов – гипотез, диспозиций, санкций, норм, процедур, инструкций, законов, постановлений, указав и аналогичных юридико-правовых изобретений.

Происходит это потому, что практика общественных изменений осуществляется совокупными и индивидуальными усилиями многих индивидов и различных корпораций, конгломератов, групп и институтов. Происходит глобальная сдвигка права как культурной ценности. Право становится не вспомогательным и дополнительным условием бытия, а ценностью первичной. Но первичным право как ценность становится не столько в юридическом смысле слова и не только в юридическом состоянии. В качестве ценностного право становится и как не юридическое. Право становится значимым само по себе как право, а не как способ организованной защиты и осуществления общественных изменений. Именно эскиз правовой формы определяет и предопределяет результаты глобальных и локальных политических проектов.

Справедливое, организационное, охранительное, защитительное, свободное, историческое, традиционное, человеческое и гуманное право статично в контексте жизнеутверждения изменений. Оно важно как право известное, ранее проработанное и детально разработанное. Значимость и ценность классической юриспруденции доказывать и ниспровергать не следует. Но для нового миропорядка в ситуации формирования многополярного политического мира, в том числе для становящегося общественного российского порядка, нужно понимание и политического права как права общественных изменений, как права динамического, где постоянно присутствует ситуация выбора и плюралистичности мышления, принятия решений и деятельности. Это совсем другое право, оно носит не юридическую природу и построено на других основаниях.

Право является и может быть неюридическим явлением

Такие рассуждения мы можем найти в творчестве П. Флоренского [Флоренский 1990] и С.С. Аверинцева [Аверинцев 1977].

«В том-то и дело, – пишет П. Флоренский, – что в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, – милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу».

Получается, что П. Флоренский ясно разграничивает юридическое и неюридическое право. Право может быть и неюридично. Юридическое право есть один из возможных вариантов бытия права как такового. Это во-первых.

Во-вторых, по Флоренскому, право как юридическое право есть «человеческая условность» и существуют понятия правовые и неправовые и понятия вероучительные. Правовые понятия (как понятия юридического права) выводятся из внерелигиозных предпосылок, и эти внерелигиозные предпосылки выводятся из посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу.

Последнее предположение является крайне важным и потому, что правильно воспроизводит юридический стереотип о публичности права, его общественной и государственной значимости, о том, что право и публика всегда тем или иным образом организованы вплоть, например, до появления таких общепризнанных феноменов, как правовое государство, правовая политика, вынесение приговора именем или от имени государства.

И последнее в этой части. Флоренский тонко и деликатно замечает, что юридическое право по своей природе полезно. Не зная традицию интерпретаций и смыслов слова «польза», предположим, что полезность права всегда означает его практичность, конкретность, функциональность, результативность, оформленность, предметность, осязаемость, чувственность, предельность, пространственность, историчность, временность, событийность, фактичность.

Политическое право без юридизации

Нормативизм, если это нормативизм, неюридического права (политического права) не в том, чтобы определить процедуру или порядок применения санкций, а в том, чтобы не допустить в новое – старое, в общественные изменения творчество и динамизм импульсов торможения и разрушения вновь созданного общественного продукта. В этом смысле политическое право – это то, что таковым является без юридизации данного состояния как такового.

Это право уже возникло. Оно возникло и есть как право присутствия. Как право жить во время и во времени перемен. Его возникновение «до боли» напоминает возникновение права собственности как святости и неприкосновенности. «Как известно, первоначальное право на собственность было понятием и установлением чисто религиозным, но отнюдь не внешнеюридическим. Оно существовало из страха Божия (именно страха) задеть культ, к которому не принадлежит чужак – не принадлежит и не может принадлежать, ибо он не происходит от почитаемых в данном роде усопших, и потому, если бы нарушил священную неприкосновенность чего бы то ни было, входящего в организацию их культа, хотя бы даже просто коснулся чего-либо, то за такое нечестие, за осквернение табу, неминуемо потерпел бы страшные кары от самих оскорбленных покойников. Имуществом владели не живые, но усопшие,

то есть сделавшиеся богами... могилы их были престолами, а окружающая их земля – храмом» [Флоренский 1990: 374].

Именно сейчас, в наше время перемен, право есть страх лишения чего-то ценного, право быть в том или ином присутствии, ситуации, форуме, институте, корпорации. Значимыми являются не процедуры, выполненные в жанре доступности, «прозрачности» скрупулезности и педантичности, а умения и навыки пройти через пространство и время, увидеть никем не видимую точку роста и развития и сберечь, сохранить, охранить и сделать событие вековым и культурным одновременным.

Может, это диктуется тем, что век и тысячелетие наступили новые. Может быть, другим. Но наблюдается ощущение того, что достижение устойчивости, сохранение достигнутого и недопущение в достигнутое, устойчивое, социальное положение (не путать с материальным!) есть более значимое право, чем юридическая справедливость и казуистика. Получается, что страх движет и страх не потерять и не допустить ошибки – вот что лежит в основании права общественных изменений.

И если «страх Господень – начало мудрости» [Книга Притчей Соломоновых, гл. 1], то вполне вероятно, что мудрость [Оксфордский словарь]² и составляет парадигму правовых отношений в ситуации общественных изменений, где страх приобретает смысл покаяния и самоусиления.

Сопряжение права и политики через власть

Юридическое право как традиционное право и неюридическое право как политическое могут быть организованы властью и политикой. Власть кодирует новое и демонтирует бывшее. «Двойная природа кода власти, образованная дихотомиями “сильный – слабый” и “правовое – неправовое”, поκειται, следовательно, на удвоении негативных и позитивных комбинаций альтернатив, которые конституируют власть. Отсюда вытекает требование совместимости силы и права и одновременно понимание того, что сила и право

² 1. Wisdom – мудрость (prudence), благоразумие, разумность; tooth – зуб, зуб мудрости; worldly – житейская мудрость.

Wize (waiz) – n. (arch.) образ, способ; in no – никоим образом; in, on this – таким образом/способом.

Wise (waiz) – adj. 1. (sage) – мудрый; counsel – мудрый совет; the W – Men (bibl.) – волхвы; get, grow – уметь; по-; he nodded – ly – он глубокомысленно кивал.

2. (sensible, prudent) – умный, благоразумный; after the event – задним умом крепко; he – ly refused – он имел мудрость отказать.

3. (well – informed) – осведомленный; guy (us. st.) – умник, всезнайка; put s.o. – to sth. (coll.) – ввести кого-нибудь в курс дела, открыть кому-нибудь глаза на что-нибудь; be – to sth. (coll.) – быть в курсе дел, видеть (impf.) что-нибудь насквозь; get – to (coll.) – подмечать, понимать; v. t. – up (us. sl.) – надоумить.

не являются идентичными друг другу» [Луман 2001: 103]. Право становится условием власти и политики, точкой роста политики, качеством политического и властного действия.

Потенциально мир общественных изменений может стать миром справедливым и прекрасным. Условием такого процесса является властвование по праву, право быть в мире общественных изменений и нести возможности своих действий как возможности всего социума. Спектр таких возможностей не всегда приобретает только исключительно положительную, традиционно понимаемую положительную окраску. Отрицательные, негативные и негативистские действия также находятся в этой цепочке поступков и состояний. Они могут приобретать даже тенденцию нарушения закона, выстроенного исключительно юридическим образом. Но такое действие, такая форма реализации возможностей может быть нарушением закона, которое не есть нарушение по существу, а следовательно, не может быть предметом юридического и законодательного оформления, не может быть предметом юриспруденции, понимаемой в классическом смысле этого слова. Право бывает и за пределами юриспруденции, и это надо признать и попытаться глубоко осмыслить.

Политология права. Резюме

Последние лет тридцать одной из тенденций в становлении российской юриспруденции было разграничение права и закона, закона и юридических процедур, в целом юридического и правового оснований общественной жизни как таковых [Графский 2000]. Эпицентром таких правовых и юридических дискуссий являлись дискуссии, которые проходили в контексте европейского, римского понимания права и юриспруденции в целом.

Но теперь мы понимаем, что есть и другие варианты обсуждения предложенного тематизма, связанные с трактовкой права не только в канонах юридической мысли. Недопонимать и недоучитывать этого не следует. Иначе не избежать либо плавных и резких контрправовых реформ, которые возникают при ситуации столкновения юриспруденции с ритмом народной жизни как результат недоговоренностей и недопониманий, либо государственно-административных репрессий с ужасными последствиями, когда, конечно, и результаты будут, но и ужасы не прекратятся.

Избежать развития таких негативных общественных тенденций и позволяет попытка понять право в ситуации общественных изменений как право, находящееся в сфере политики, представляющее собой динамическое условие жизнедеятельности в условиях общественных изменений и не подпадающее по своему состоянию в традиционный предмет правового регулирования, наполнение и содержание которого всегда отводится и отводилось исключительно юриспруденции.

Политология права – это и есть современная наука и учебная дисциплина о праве и про право, которое понимается и интерпретируется политологическим языком, в политологических понятиях и терминах и рассматривает правовые, властные и политические явления и состояния как плюралистичные, находящиеся в постоянном изменении и создающие для акторов политического и юридического действия возможности выбора и осуществления общественных изменений.

Источники

Аверинцев С.С. 1977. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М.: Наука.

Власть... 2002. *Власть. Политика. Технологии* / под общ. ред. Ю.И. Матвеевко, М.Ю. Мизулина. М.: ДиАр.

Графский В.Г. 2000. *Власть законов: история идеи и современность. – Политико-правовые ценности: история и современность* / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС. С. 31–95.

Друри Г. 1999. *Политические институты с точки зрения права. – Политическая наука: новые направления* / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой; науч. ред. Е.Б. Шестопап. М.: Вече.

Книга Притчей Соломоновых.

Луман Н. 2001. *Власть* / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис.

Мизулин М.Ю. 1997. *Философия политики: власть и право*. Ярославль: ЯрГУ. 210 с.

Оксфордский словарь.

Отчет... 2004. *Отчет «О научно-исследовательской работе по теме: “Государственная служба и гражданское общество в России в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ. Социальный мониторинг проведения административной реформы”»* / науч. ред. В.С. Комаровский. М., РАНХиГС.

Судебная реформа... 2003. *Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам Международной научно-практической конференции)* / под общ. ред. В.С. Комаровского, М.Ю. Мизулина. М.: РАГС.

Уроки реформы... 2006. *Уроки реформы уголовного правосудия в России*. М.: Юрист. 847 с.

Уроки реформы... 2007. *Уроки реформы уголовного правосудия в России*. М.: Норма. 800 с.

Флоренский П.А. 1996. *Сочинения: в 4 т. Т. 2*. М.: Мысль.

Флоренский П.А. 1990. *Уводразделов мысли*. М.: Правда.

Захарова Анна

Юридическая политологии / политология права: анализ текущего опыта и перспективы дальнейшего пути

Захарова

Анна Евгеньевна –

*юрист, выпускница аспирантуры
НИУ «Высшая школа экономики»
(г. Москва)*

*Для связи с автором:
anezakharova@mail.ru*

Для цитирования:

*Захарова А.Е. Юридическая
политологии / политология
права: анализ текущего опыта
и перспективы дальнейшего
пути // Публичная политика.
2022. Т. 6. № 2.
Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_71*

Аннотация

В статье анализируются известные на текущий момент исследования и подходы к содержанию междисциплинарности, определяется ее значение для исследований. Более детально автор концентрируется на изучении междисциплинарности в политико-правовых аспектах.

По результатам глубокого анализа отечественных и зарубежных исследований об основах междисциплинарного направления, формируемого на стыке юриспруденции и политологии, автор статьи предлагает оригинальную классификацию междисциплинарных политико-правовых исследований. Классификация, разработанная автором, имеет теоретическую и практическую значимость. С точки зрения теории, данная классификация развивает и систематизирует текущие теоретические исследования о междисциплинарности в политико-правовых исследованиях. С практической точки зрения, она выступает конкретным сценарием для структурирования политико-правового исследования.

Ключевые слова: политология, юриспруденция, междисциплинарность, юридическая политология, политология права.

Zakharova Anna

Legal political science / political science of law: analysis of current experience and prospects for the future path

Zakharova Anna E. –

*Lawyer, PhD graduate of the Higher School of Economics
Moscow*

*To contact the author:
anezakharova@mail.ru*

Abstract

In this article, the author analyzes currently known research and approaches to the content of interdisciplinarity, determines its significance for research.

In more detail the author concentrates on the study of interdisciplinarity in political and legal research.

Based on the results of a deep analysis of domestic and foreign studies on the foundations of an interdisciplinary direction, formed at the intersection of jurisprudence and political science, the author proposes an original classification of interdisciplinary political and legal research. The classification developed by the author has theoretical and practical significance. From the point of view of theory, this classification develops and systematizes current theoretical research on interdisciplinarity in political and legal research. From a practical point of view, it acts as a specific scenario for structuring political and legal research.

Keywords: political science, jurisprudence, interdisciplinarity, legal political science, political science of law.

1. Междисциплинарность: содержание и значение для исследований

Междисциплинарность в науке стала выходить на передний план в конце XX в., когда получило развитие предложение В.С. Степина о различении классической, неклассической и постнеклассической рациональности. В науке стали доминировать комплексные исследовательские программы, в которых сращивались знания разных дисциплин для осуществления проблемно-ориентированного поиска и решения фундаментальных и прикладных задач [Степин 2009: 249–295]. В.С. Степин характеризовал междисциплинарные науки как «науки, в которых применяются понятийные средства и методы, выработанные в разных дисциплинах и синтезируемые в новой науке для решения ее специфических задач» [Степин 2007: 96]. Именно синтез знаний разных дисциплин позволяет принципиально решить поставленные задачи.

Практическая и теоретическая значимость междисциплинарности заключается в том, что она позволяет расширить научное мировоззрение через обогащение знаний, методологии и языка одной научной дисциплины за счет другой научной дисциплины [Мокий, Лукьянова 2016].

Ключевая идея междисциплинарности заключается в синтезе теоретических знаний, терминологии, методологии разных научных дисциплин. Такой синтез необходим для целостного изучения объекта, решения вопросов, понимание которых недоступно в рамках дисциплинарного подхода: «Междисциплинарность связана с необходимостью обеспечить целостное видение разных предметов, как отдельных, так и мира в целом... находят решения, которые позволяют нам добиться абсолютно новых результатов в разных областях деятельности человека. Междисциплинарность существует для этого»¹.

Импульсом для развития междисциплинарного направления являются конкретные вопросы, которые невозможно полноценно решить в границах одной дисциплины: «Чаше внешний запрос – проблема, которую никто не может объяснить...»²

Необходимость в формировании междисциплинарного направления возникает и укрепляется, когда выявляются объекты, на которые для комплексного понимания требуется посмотреть через разные дисциплины. Эти объекты являются общими для одной и другой дисциплины, а синтез знаний и подходов этих дисциплин позволяет комплексно изучить объект, сформировать целостную картину и получить результат, недоступный в рамках дисциплинарного изучения.

¹ Интервью с экспертом М., 26.04.2018.

² Интервью с экспертом Т., 06.04.2018.

Междисциплинарные исследования не отменяют дисциплинарные, а дополняют их. Президент Международного центра трансдисциплинарных исследований Б. Николеску разделяет дисциплинарность, мультидисциплинарность, междисциплинарность и трансдисциплинарность. Мультидисциплинарность подразумевает изучение темы одновременно в нескольких дисциплинах. Рассматриваемая тема обогащается за счет смешения результатов, достигнутых в рамках нескольких дисциплин. Но цель мультидисциплинарности ограничена рамками конкретных дисциплин. Междисциплинарность отличается от мультидисциплинарности: междисциплинарность означает перенос методов из одной дисциплины в другую. Выделяется три уровня междисциплинарности: степень применения, гносеологическая степень и степень формирования новых дисциплин. В качестве примеров вышеуказанных уровней Б. Николеску приводит следующие: степень применения – когда перенос методов ядерной физики в медицину приводит к появлению новых методов лечения рака, гносеологическая степень – перенос методов формальной логики в область общего права порождает интересные анализы эпистемологии права, степень формирования новых дисциплин – например, когда методы из математики были перенесены в физику, в результате чего сформировалась математическая физика. Б. Николеску отмечает, что междисциплинарность, как и мультидисциплинарность, выходит за рамки дисциплин, но ее цель сохраняется в пределах дисциплинарных исследований. Трансдисциплинарность касается того, что находится одновременно между дисциплинами и за пределами всех дисциплин, динамики, возникшей в результате действий нескольких уровней реальности, и нацелена на единство знания [Nicolescu 1997].

Понимая перспективы развития рассуждений о более глубоких различиях между дисциплинарностью, мультидисциплинарностью, междисциплинарностью и трансдисциплинарностью, автор преднамеренно ограничивается вышеизложенными предложениями и в данной работе предлагает использовать понятие «междисциплинарность».

Г.Л. Тульчинский отмечает, что междисциплинарность может проявляться в науке по-разному, средством разграничения при этом выступает язык. Варианты понимания междисциплинарности могут быть следующие. Первый вариант: исследователь применяет язык одной научной дисциплины для описания другой области. Второй – исследователь использует понятия, терминологию, концепции разных научных дисциплин для описания элементов сложного комплекса. Третий вариант: исследователь формирует новый синтез, что открывает новую реальность, создает новую дисциплину. Г.Л. Тульчинский указывает, что важно различать степень междисциплинарности, применять шкалу междисциплинарности. На одном конце этой шкалы находятся

дисциплинарно точные описания и объяснения, на другом – новый синтез, развитие новой научной дисциплины [Тулчинский 2000].

Междисциплинарность имеет разные формы: «Или связано с предметом, который в рамках одной дисциплины не понять – нуждается в стереометрическом описании и объяснении, а может быть развитие и дополнение методов, перенос из одной дисциплины в другую науку, может быть и такое»³.

Иными словами, междисциплинарность включает ситуации: первая – когда для исследования сложного объекта требуется взаимодействие представителей разных дисциплин; вторая (наиболее часто используемая в контексте междисциплинарности и именуемая как междисциплинарный метод научного исследования) – применение представителями одной дисциплины подходов и методологии других дисциплин [Тишков 2016: 5].

Несмотря на отличающиеся подходы к содержанию, междисциплинарность крайне важна для современных наук: «...именно за междисциплинарными исследованиями будущее» [Тихонов 2012: 251].

В литературе выделяются следующие характеристики междисциплинарного исследования: общий предмет (чаще всего он является гибридным и захватывает исследовательские сферы наук, задействованных в междисциплинарном исследовании); взаимодополнение методов – объединение в исследовании методов участвующих наук; теоретические основания исследования сформированы из теоретических основ интегрирующихся наук; результат междисциплинарного исследования является общим для участвующих дисциплин – вносит вклад в науки, которые были интегрированы в исследовании.

Вышеуказанное показывает, что междисциплинарность является многогранным понятием, включает в себя разные формы и степени проявления. Синтез знаний, методологии, осуществляемый в рамках междисциплинарности, позволяет проанализировать объекты под разным углом, что приводит к комплексному и более достоверному результату, недоступному в рамках одной дисциплины.

Обобщая перечисленные подходы, можно выделить следующие формы междисциплинарности. Первая форма предполагает, что взаимодействующие дисциплины обмениваются теоретическими и методологическими знаниями для исследования определенных объектов. Вторая форма – синтез знаний и методологии разных научных дисциплин формирует новую научную дисциплину. Третья форма – одна дисциплина использует в своих исследованиях знания и методологию другой научной дисциплины. В контексте этой формы в литературе отмечаются предположения о необходимости выделения главной и вспомогательной дисциплины. Так, И.Т. Касавин вводит

³ Интервью с экспертом Т., 06.04.2018.

понятия «целеполагающая дисциплина» (инициатор междисциплинарного взаимодействия) и «ресурсная дисциплина» (материал междисциплинарного взаимодействия) [Касавин 2010: 66]. А.П. Моисеева разделяет участвующие в междисциплинарном исследовании дисциплины на «ведущую» и «ведомую»: «ведомая» дисциплина предоставляет методологию, но все полученные результаты объясняются с позиции дисциплинарного подхода «ведущей» дисциплины [Моисеева 2013: 44].

2. Междисциплинарность в политико-правовых исследованиях

Как обозначалось ранее, междисциплинарность предполагает интеграцию нескольких научных дисциплин – как правило, двух. Для проведения междисциплинарного политико-правового исследования требуется взаимодействие юриспруденции и политологии.

«Юриспруденция» в переводе с латинского означает правоведение, знание о праве.

«Политология» имеет греческие корни и переводится как учение о политике.

Терминологическое значение политики и права является предметом многочисленных дискуссий. Отсутствие единообразия в понимании термина «политика» связано с многозначностью данного термина, наличием в английском языке сразу трех слов-измерений политики: “polity” – формальное измерение политики, формальное и неформальное становление политического порядка; “policy” – содержательное измерение, политический курс, использование властных полномочий для решения проблем, осуществления политики; “politics” – процессуальное измерение, взаимодействия в процессе борьбы за завоевание или удержание власти [Антанович 2006: 332–337; Сунгуров 2006: 9]. В классическом понимании, предложенном М. Вебером, основу политики определяет нацеленность на участие в осуществлении и распределении власти на любом социальном уровне (межгосударственном, национальном, межгрупповом [Вебер 2018]).

В юриспруденции доминирующим в понимании права является нормативистский подход, согласно которому право – «система общеобязательных, формально определенных юридических норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений» [Бабаев и др. 2003: 105].

Принимая во внимание приведенные выше определения понятий «право» и «политика», обратимся к вопросу об их соотношении.

Ю.А. Нисневич отмечает, что политика и право являются основными регуляторами социальных отношений [Нисневич 2005: 5].

А.И. Соловьев рассматривает политику и право как инструменты обеспечения легитимации государственных целей – «установление определенного консенсуса между правящими кругами и их контрагентами в отношении достижения тех или иных целей» [Соловьев 2016: 164]. Право и политика – «наиболее важные способы регулирования общественных отношений» [там же: 166]. Несмотря на одинаковое назначение, политика и право имеют диаметрально противоположную природу: для права характерны формализм, рационализм, статичность и ориентированность на долгосрочный период, в то же время политика как инструмент легитимации отличается гибкостью, оперативностью, подвижностью, нацеленностью на краткосрочный период.

Развитие междисциплинарных политико-правовых исследований в отечественной науке находится пока на начальной стадии. Оформляется запрос на такие исследования: «Усложнение политико-властных отношений сформировало запрос на их профессиональное осмысление» [Антанович, Михайловский, Ильина, Паречина 2020: 485].

Юридическая и политологическая науки имеют во многом пересекающиеся объекты исследований, но при этом используют разную методологию и терминологию: «Вообще, у политологов и у юристов многие объекты исследований одни и те же... Различаются лишь подходы и методы» [Лукиянова и др. 2022: 15]. Дисциплинарные исследования в отношении общих объектов не создают целостную картину, приводят к одностороннему взгляду на объект.

В последнее время исследователи всё чаще высказываются об ограниченности методологии юриспруденции: «Юристы... часто не могут объяснить связь права и проблем реальной жизни» [Ежегодник... 2020: 9]; юристы проводят исследования с нормативно-институциональной точки зрения, обычно фиксируют состояние без изучения предпосылок, целей и задач власти [Лукиянова и др. 2022: 16]; «Широко используемый формально-юридический подход к изучению сущностных проблем права является недостаточным...» [Кузьмин 2021].

Политология могла бы сократить разрыв между публичным правом и практикой, а в отношении Конституции выступить как «постоянно снимаемая кардиограмма, показывающая, как Конституция работает» [Ежегодник... 2020: 9–10].

Именно в рамках конституционного права часто возникают предложения о развитии междисциплинарного подхода, что обусловлено необходимостью формирования критериев реализации Конституции на практике, формирования направлений для социально-правового развития согласно положениям Конституции, предполагается, что инструментарий неюридических дисциплин позволит создать эффективный мониторинг конституционно-правового законодательства и практики» [Овсеян 2013: 11].

Барьер между политологией и публично-правовой наукой характеризуется как искусственный, вредоносный, поскольку «правовое регулирование отношений власти не может быть объяснено и в должной мере понято без анализа политических отношений и процессов» [Лукьянова и др. 2022: 17–18].

Представляется, что, если соединить подходы юриспруденции и политологии для изучения общих объектов исследования, то результат такого анализа будет более достоверный [там же: 15].

Например, видится перспективным рассмотреть междисциплинарно, с позиции как юриспруденции, так и политологии, следующие вопросы:

1. Деятельность политических институтов в правовой сфере.
2. Законотворчество как концентрированное выражение социально-политических интересов:
 - Законы и поправки к ним – что это означает для организации власти?
 - Каковы причины внесения законодательных изменений, скорость их принятия?
3. Проблемы правоприменения и толкования права:
 - Как соотносятся тексты правовых актов и реально развивающиеся процессы политических и институциональных изменений?
 - Как достичь единства между идеальным (писаным) правом и реальным (фактическим)?
 - Каковы причины возникновения искаженного правоприменения и толкования права?
4. Право и политический режим:
 - Как право трансформируется под влиянием политического режима?
 - Как политический режим оформляется правом?
5. «Спящее» право:
 - Каковы цели принятия «спящих» норм и причины их редкого использования?
6. Имитация политических институтов:
 - Каковы причины перехода от реальных, эффективных институтов к имитационным и наоборот?
7. Суды как акторы политической системы.
8. Право как инструмент политического процесса.
9. Избирательная система.

Представленный перечень не является исчерпывающим, выступает предложением автора, открыт для дополнений и комментариев.

Необходимость и перспективность развития междисциплинарности в политико-правовых исследованиях являются практико-обусловленными

и находят свое подтверждение в теории. Междисциплинарность позволит изучить объекты, имеющие политико-правовую природу, комплексно, с разных сторон, что означает сформировать целостную картину, в том числе открыть доступ к аспектам, которые закрыты для объяснения в рамках дисциплинарного подхода.

3. Юридическая политология / политология права: подходы к наименованию и содержанию

Впервые предложение по выделению юридической политологии как междисциплинарной области научного познания было опубликовано в 2005 г. В.В. Смирнов обозначил, что юридическая политология позволяет поддерживать и развивать сотрудничество между юристами и политологами. Такое сотрудничество приводит прежде всего к взаимному концептуальному и методологическому обогащению юриспруденции и политологии, впоследствии – к постепенному формированию собственных понятий и проблематизации изучения определенных сфер права и политики. Общими объектами исследования для юриспруденции и политологии и, соответственно, перспективными для изучения в рамках юридической политологии В.В. Смирнов называет следующие: «...проблемы властно-государственной организации общества, соотношения права и политики, политических юридических и неюридических норм, легальности и легитимности политической власти, эффективности политико-правовых режимов, значение права и политических институтов в политической модернизации и политическом развитии, политической роли судов (особенно конституционных и верховных), защиты прав и свобод человека, нормативных правовых факторов участия граждан в политике и в управлении делами общества и государства, правовых основ публичного (административно-политического) управления, политико-правовой и электорально-правовой культуры, избирательного права и избирательно-го процесса, взаимовлияния выборов и политических партий, юридических норм и процедур в предотвращении и разрешении политических и иных конфликтов» [Смирнов 2005: 25–26].

В дальнейшем идея формирования юридической политологии была поддержана Н.П. Медведевым, по мнению которого юридическая политология могла бы иметь свой предмет, «связанный с правовыми и юридическими закономерностями формирования и функционирования политической власти» [Медведев 2015: 9]. Перспективными темами для юридической политологии представляются следующие: «...проблемы развития и законодательного оформления федеративных отношений; соотношение политической и государственной власти; законотворческого процесса, российского и зарубежного парламентаризма, политической регионалистики, а также вопросы

законодательного оформления статуса политических партий и политические аспекты современного избирательного процесса» [там же: 9].

Наряду с наименованием «юридическая политология», в литературе предлагается термин «политология права». М.Ю. Мизулин определяет, что политология права – «современная доктрина о праве, политике и власти, где центральным ядром анализа выступает право в своих проявлениях и отношениях с властью и политическими институтами» [Мизулин 2008: 257]. Политология права анализирует правовые и политические явления в качестве плюралистичных, находящихся в постоянном изменении. Тем самым, по мнению М.Ю. Мизулина, политология права имеет важную практическую значимость, поскольку она формирует «точный диагноз общего состояния правовой и неправовой нормативности в обществе и безукоризненно ориентирует политиков и правоприменителей о приоритетах практической деятельности в ситуациях общественных изменений» [там же: 257].

Е.А. Лукьянова и Е.Н. Порошин отмечают, что многие объекты исследований у юристов и политологов являются общими, например: «...политические режимы, формы правления, государственное устройство, выборы, политические партии, состояние политической конкуренции, система разделения властей, разграничение полномочий между государственными органами, взаимоотношения государства и общества и пр.» [Лукьянова и др. 2022: 16].

В зарубежной литературе под авторством М. Шапиро еще в 1963 г. была опубликована статья «Политическая юриспруденция», в которой представлены идеи о новом направлении, формируемом в теории права. Как указывает М. Шапиро, данное направление по своей сути является расширением определенных элементов социологической юриспруденции и правового реализма, объединенных с предметными знаниями и методологией политической науки. Основой для такого направления является предположение юриста о том, что право должно рассматриваться не как независимый организм, а как составная часть социальной системы [Shapiro 1963: 294]. Но концентрируется данное направление вокруг деятельности судов и судей. Ядром политической юриспруденции является взгляд на суды как политические организации и судей как политических акторов. Любой суд рассматривается как часть институциональной структуры американского правительства. Политическая юриспруденция – это попытка интеллектуально интегрировать судебную систему в матрицу государства и политики, в которой судебная система фактически существует, и проанализировать суды и судей как участников политического процесса [ibid.: 296–297].

Впоследствии в рамках политологии стало формироваться схожее направление, но именуемое как политология судов (Judicial Politics). Политология судов направлена на изучение судов с позиции их участия в получении или осуществлении власти [Григорьев 2012: 258].

Рассмотрим более детально положение юридической политологии / политологии права в системе научных дисциплин.

М. Шапиро указывает, что политическая юриспруденция – попытка развить социологическую юриспруденцию за счет большей специализации. Она концентрируется на политических аспектах взаимодействия права с обществом и описывает конкретное влияние правовых мер на распределение власти и вознаграждений среди различных элементов данного общества [Shapiro 1963: 294–295].

А.С. Карцов, проводя разграничение между социологией права и юридической политологией, указывает, что социология права сосредоточена на восприятии правовых явлений коллективами, а юридическая политология направлена на изучение инструментализации права в политических целях. Юридическая политология отличается и от правоведения, но не предметом исследования, а его фокусом. Представляется, что «предмет юридической политологии – право (в самом широком и нормативном, и институциональном смысле) как политический ресурс и особенности его использования группами интересов» [Карцов 2017: 96].

Анализируя варианты названий междисциплинарного направления, формируемого на пересечении юриспруденции и политологии, П.Д. Баренбойм считает, что наиболее приемлемым названием по сравнению с политологией права и правовой политологией является юридическая политология, поскольку прилагательное «юридическая» выступает в данном случае как более общий термин, а существительное «политология» – более определяющий [Ежегодник... 2020: 7].

Вышеизложенное показывает, что публично-правовая и политическая науки имеют во многом пересекающиеся объекты исследований. Тем самым их изучение важно в рамках как юриспруденции, так и политологии. Объединение подходов юридической и политической наук для изучения таких объектов позволило бы получить более комплексный и достоверный результат. На текущий момент сформированы лишь начальные идеи о междисциплинарном направлении, которое объединило бы знания юриспруденции и политологии для изучения общих объектов исследования. Как представлено выше, отсутствует единство относительно статуса такого междисциплинарного направления, его наименования, терминологических и методологических основ.

4. Междисциплинарные политико-правовые исследования: классификация и перспективы дальнейшего развития

Как указывалось ранее в настоящей работе, необходимость в развитии междисциплинарных политико-правовых исследований имеет ярко выраженную практическую значимость – получить целостное знание об объектах,

имеющих политико-правовую природу и, соответственно, актуальных для изучения как в политологии, так и юриспруденции.

Но до сих пор остается открытым вопрос относительно того, как выстроить такое комплексное исследование, какой инструментарий, какие теоретические основы использовать и в какой степени.

Представляется, что такое междисциплинарное политико-правовое исследование должно быть проблемно-ориентированным и отталкиваться от вопроса, ответ на который недоступен в рамках дисциплинарного подхода.

Характер данного исследования и фокус могут различаться в зависимости от степени междисциплинарности. Понимая, что в основе междисциплинарности лежит синтез знаний и методологии, предлагается рассмотреть следующие виды междисциплинарных политико-правовых исследований.

Первый вид заключается в том, что юридическое доминирует над политологическим, то есть в междисциплинарном исследовании юриспруденция и ее знания выступают главенствующими, а политология занимает вспомогательное положение. Иными словами, терминология и методология политологии интегрируются в юридическую науку для изучения смежного политико-правового объекта. Аналогией такого направления из смежных дисциплин выступает экономический анализ права, согласно которому эконометрические данные и терминология применяются для изучения правовых институтов [Синицын 2017: 5]. В данном случае междисциплинарность имеет форму научного метода. Гипотетически такой междисциплинарный метод мог бы именоваться как политический анализ права.

Второй вид междисциплинарных политико-правовых исследований является противоположным первому и означает, что в осуществляемом междисциплинарном синтезе политология занимает главную позицию, а юриспруденция – дополнительную. По содержанию иллюстрацией данного вида выступает метод политико-правового анализа, предложенный Ю.А. Нисневичем. Политико-правовой анализ относится к качественным методам политологических исследований. Его методической и инструментальной основой выступает содержательный контент-анализ нормативных актов, который имеет две компоненты: правовую – анализ содержания нормативно-правовых актов на предмет их соответствия международному и национальному законодательству, и политическую – изучение политической направленности нормативных актов и официальных решений органов государственной власти и их должностных лиц. В рамках политико-правового анализа правовые акты, официальные решения государственных органов и должностных лиц входят в состав документальной фактологической базы для осуществления исследований политических процессов и институтов [Нисневич 2011: 6–15].

Третий вид междисциплинарного политико-правового исследования подразумевает, что юридическая и политическая науки равноценно участвуют в синтезе терминологии, методологии, что в результате создает новое знание. По содержанию такой вид междисциплинарности более близок к исследовательской программе. Подразумевается, что для проведения исследования объекта, имеющего политико-правовую природу, формируется программа, включающая теоретические знания и методологию как юриспруденции, так и политологии. Представляется, что такой теоретический и методологический симбиоз позволит сформировать целостную картину об объекте исследования, посмотреть на объект с позиции как юриспруденции, так и политологии и, соответственно, получить более комплексный и достоверный ответ на исследовательский вопрос. Примером такого вида междисциплинарного политико-правового исследования является работа, осуществляемая в настоящее время автором данной статьи и посвященная изучению деятельности конституционных и уставных судов в субъектах РФ. Импульсом для проведения данного исследования стала неопределенность в становлении конституционных и уставных судов в субъектах РФ. Несмотря на единое федеральное законодательство, которое позволяло создавать в регионах такие суды, конституционные и уставные суды существовали менее чем в четверти субъектов РФ. Кроме того, даже созданные суды работали разный период времени, функционировали с отличающейся степенью интенсивности и затем были централизованно упразднены в результате решения федерального центра. Такая рассинхронизация в деятельности региональных органов конституционного нормоконтроля сформировала исследовательский вопрос: «Какие факторы оказывают влияние на становление конституционных и уставных судов в субъектах РФ?» Поскольку, как указывалось выше, федеральное законодательство о конституционных и уставных судах было одинаковое, мы понимали, что ответ на обозначенный исследовательский вопрос находится по большей части не в правовой плоскости. Конечно, субъекты РФ принимали свои законы о деятельности конституционных и уставных судов, они отличались по своему содержанию, но причины принятия таких законов и в дальнейшем создания судов имели в большей степени политический характер. В то же время, проводя данное исследование, мы не могли ограничиться только политическим аспектом. Деятельность конституционных и уставных судов напрямую связана с правом: с одной стороны, она регулируется правовыми актами, а с другой стороны, органы конституционного нормоконтроля создают право через свои решения. Для достижения ответа на поставленный исследовательский вопрос, учитывая его политико-правовую тематику, было решено объединить инструментарий политологии и юриспруденции. В исследовании были использованы следующие методы сбора и анализа данных,

применяемые в политологии: глубинное полуструктурированное интервью с экспертами, контент-анализ публикаций СМИ. Из методов, характерных для юриспруденции, были применены контент-анализ нормативных правовых актов и судебных решений. Такое междисциплинарное построение исследования позволило взглянуть на конституционные и уставные суды через политико-правовую призму, проанализировать те аспекты их деятельности, которые были недоступны в рамках дисциплинарного подхода, получить полноценные и достоверные ответы на поставленный исследовательский вопрос.

Четвертый вид междисциплинарных политико-правовых исследований имеет более высокую степень междисциплинарности и предполагает, что в результате симбиоза знаний правовой и политической наук формируется новая научная дисциплина. Пока привести пример реализации такого вида междисциплинарности не представляется возможным. Научная дисциплина должна иметь предмет, объект, методы исследования, характерные, если не исключительно, то преимущественно, только для нее [Добренков, Кравченко 2005]. Сейчас рано говорить о том, что юридическая политология / политология права сформировалась как отдельная научная дисциплина: «Юридической политологии не хватает понятийно-методологического ряда»⁴.

Исходя из предложенного анализа, можно сделать вывод, что теоретические и методологические предпосылки для проведения междисциплинарных политико-правовых исследований в настоящее время сформированы. Но представляется важным рассматривать каждый случай междисциплинарного взаимодействия индивидуально и ориентироваться на исследовательский вопрос. На текущий момент более перспективными для развития выступают первые три из перечисленных видов междисциплинарности в политико-правовых исследованиях. Сейчас способом взаимодействия между политологией и юриспруденцией является или формирование междисциплинарного политико-правового метода, или создание междисциплинарной политико-правовой программы исследования. В литературе с каждым годом всё больше начинают встречаться исследования, проведенные на стыке юриспруденции и политологии. В основном такие исследования посвящены избирательной системе и избирательному законодательству [Лукиянова и др. 2022], органам конституционного нормоконтроля [Григорьев 2017; Комшукова 2021]. Что касается предположений о формировании отдельной политико-правовой научной дисциплины, представляется, что это пока преждевременно. Возможно, в перспективе данные идеи получают свое развитие и укрепление, например, за счет выделения из социологии права субдисциплины, именуемой, как вариант, политологией права.

⁴ Интервью с экспертом С., 11.04.2017.

Выводы

Междисциплинарность является важнейшей составляющей современной науки. Симбиоз знаний, методологии нескольких научных дисциплин, что составляет основу междисциплинарности, позволяет сформировать многогранный взгляд на изучаемый объект. Благодаря междисциплинарности можно всесторонне изучить объект, тем самым получить более комплексный и достоверный ответ на исследовательский вопрос.

Несмотря на практическую значимость, междисциплинарность не получила надлежащего развития в исследованиях на пересечении юриспруденции и политологии. На текущий момент прослеживаются точечные публикации, единичные исследования, посвященные проведению междисциплинарных политико-правовых исследований. Отсутствие системы среди таких работ вызывает проблемы теоретического и методологического характера – отсутствует понимание, как следует структурировать междисциплинарные политико-правовые исследования.

С нашей точки зрения, единого сценария для политико-правовых исследований нет. Каждое исследование нужно структурировать, исходя из поставленного исследовательского вопроса. Представляется перспективным развивать политико-правовые исследования, ориентируясь на их классификацию, предложенную в настоящей работе. Классификация является результатом интеллектуального труда автора, открыта для предложений и дополнений.

Источники

Антанович Н.А. 2006. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе. – *Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: материалы научно-теоретической конференции (Минск, 29 сентября 2006 г.)*. Минск: Белорусская наука. С. 332–337.

Антанович Н.А., Михайловский В.С., Ильина Е.М., Паречина С.Г. 2020. Междисциплинарность в изучении государственных институтов и публичной политики: о взаимодействии политической и правовой наук (мировой опыт и практика подготовки специалистов с квалификацией «Политолог-юрист» на юридическом факультете БГУ). – *Юрыдычная навука і адукацыя ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта: зб. навук. прац / гал. рэд. Т.М. Міхалева. Мінск: БДУ. С. 485–495.*

Бабаев В.К. и др. 2003. *Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ. 592 с.*

Вебер М. 2018. *Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик. 288 с.*

Григорьев И.С. 2012. Политология судов. Предмет и исследовательская программа. – *Политическая наука*. № 3. С. 258–275.

Григорьев И.С. 2017. *Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима (на примере Конституционного суда Российской Федерации)*: дисс. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург.

Добренчиков В.И., Кравченко А.И. 2005. *История зарубежной социологии*. М.: Академический проект. 704 с.

Ежегодник... 2020. Ежегодник конституционной экономики 2020: сборник научных статей / Московско-Петербургский философский клуб; Московское отделение АЮР; отв. ред. В.А. Вайпан; сост. П.Д. Баренбойм. М.: Юстицинформ. 396 с.

Касавин И.Т. 2010. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии. – *Вопросы философии*. № 4. С. 61–73.

Карцов А.С. 2017. Юридическая политология как научная дисциплина (краткие заметки). – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 94–95.

Комшукова О.В. 2021. *Стратегии легитимации решений Конституционного суда России: обоснование по политически значимым делам*: дисс. ... канд. полит. наук. Москва.

Кузьмин И.А. 2021. Политология права в системе юридических исследований (постановка проблемы). – *Право и политика*. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35547 (дата обращения: 28.12.2022).

Лукиянова Е.А., Порошин Е.Н., Арутюнов А.А., Шпилькин С.И., Зворыкина Е.В. 2022. *Выборы строгого режима: как российские выборы стали невыборами и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль. 400 с.

Медведев Н.П. 2015. Юридическая политология как новое научное направление. – *Вопросы политологии*. № 1 (17). С. 5–11.

Мизулин М.Ю. 2008. Политология права: исходные основания и принципы. – *Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия* / под ред. А.Ю. Сунгурова. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 246–257.

Моисеева А.П. 2013. К вопросу о соотношении понятий междисциплинарности и трансдисциплинарности в научном познании. – *Вестник Томского государственного университета*. Серия: Философия. Социология. Политология. № 4 (24). С. 40–47.

Мокий В.С., Лукьянова Т.А. 2016. От дисциплинарности к трансдисциплинарности в понятиях и определениях. – *Universum: Общественные науки*. № 7 (25). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3435> (дата обращения: 19.12.2022).

Нисневич Ю.А. 2005. *Закон и политика*. М.: МОО «Открытая Россия». 188 с.

Нисневич Ю.А. 2011. Политико-правовой анализ как метод политических исследований. – *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. Т. 4. № 1. С. 6–15.

Овсеян Ж.И. 2013. Конституционная экономика; конституционная политология; конституционная социология – как новые, междисциплинарные направления научных исследований в конституционном праве. – *Ученые записки юридического факультета*. Вып. 26 (36) / под ред. А.А. Ливеровского. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Синицын С.А. 2017. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 4–17.

Смирнов В.В. 2005. Концепция открытого государства в юридической политологии. – *Открытое государство: пути достижения* / отв. ред. В.В. Смирнов. М.: Институт государства и права РАН. С. 10–49.

Соловьев А.И. 2016. Политика и право как механизмы легитимации государственных проектов. – *Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография* / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект. 224 с.

Степин В.С. 2007. О философских основаниях синергетики. – *Синергетическая парадигма. Синергетика образования*. М.: Прогресс-Традиция. С. 96–102.

Степин В.С. 2009. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия. – *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб.: Изд. дом «Мирь». С. 249–295.

Сунгуров А.Ю. 2006. Публичная политика как поле взаимодействия и процесс принятия решений. – *Публичная политика-2005*. СПб.: Норма. С. 7–15.

Тихонов В.В. 2012. Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт. – *«Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции*. Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение. С. 251–258.

Тишков В.А. 2016. Отечественная этнология и симбиоз наук. – *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* / отв. ред., сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН. 458 с.

Тульчинский Г.Л. 2000. Междисциплинарность, метафизика и перспективы «глубокой семиотики». Философия культуры и уровни междисциплинарности. – *Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков* / под. ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. СПб.: Алетей. 415 с.

Niculescu B. 1997. *The Transdisciplinary Evolution of the University Condition for Sustainable Development*. URL: <http://ciret-transdisciplinarity.org/bulletin/b12c8.php> (дата обращения: 28.12.2022).

Shapiro M. 1963. Political Jurisprudence. – *Kentucky Law Journal*. Vol. 52. Iss. 2. Article 2. P. 294–345.

Любарев Аркадий

Выборы как объект междисциплинарных исследований

Любарев

Аркадий Ефимович –

кандидат биологических наук,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Для связи с автором:

lyubarev@yandex.ru

Для цитирования:

Любарев А.Е. Выборы как объект междисциплинарных исследований //

Публичная политика. 2022.

Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_2_88

Аннотация

Обсуждается роль права, политологии и других наук в исследовании выборов. Отмечается, что избирательное право относится к юридическим наукам, но оно должно опираться на данные политологии, социологии и других наук. А такие области, как избирательный процесс и избирательные системы, можно изучать, только соединяя юридический и политологический подходы.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, избирательный процесс, избирательные системы, междисциплинарные исследования.

Lyubarev Arkadii

Elections as an object of interdisciplinary research

Lyubarev Arkadii E. –

*Candidate of Biological Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Moscow*

*To contact the author:
lyubarev@yandex.ru*

Abstract

The role of law, political science and other sciences in the study of elections is discussed. It is noted that the electoral law belongs to the legal sciences, but it should be based on the data of political science, sociology and other sciences. And such areas as the electoral process and electoral systems can be studied only by combining legal and political science approaches.

Keywords: elections, electoral law, electoral process, electoral systems, interdisciplinary research.

Введение

Междисциплинарные исследования играют все большую роль в научной жизни. Если в XIX в. и в начале XX в. основной тенденцией была дивергенция научных направлений, то уже с середины XX в. усилился процесс сближения различных наук и стали появляться новые научные дисциплины, возникшие на стыке традиционных наук [Закгейм 2012: 9–12].

Наиболее заметен этот процесс был в области естественных наук. Так, на стыке физики и химии возникли сразу две дисциплины – физическая химия и химическая физика. Первая изучает химические объекты физическими методами (например, она исследует химические реакции с точки зрения их термодинамики, электрических явлений и т. п.), вторая – физические объекты (например, взрыв) химическими методами. То есть в этих названиях существительное определяет объект, а прилагательное – метод.

На стыке химии и биологии возникла биологическая химия, или биохимия, на стыке физики и биологии – биологическая физика, или биофизика. Позже на стыке физики, химии и биологии развилась молекулярная биология. А во второй половине XX в. биохимия, биофизика, молекулярная биология, обновленная цитология и ряд других научных дисциплин настолько сблизились, что стало возможно говорить о единой физико-химической биологии.

Разберу чуть подробнее биохимию, которой я занимался более 20 лет. Как возникла биохимия? Биология изучает живые объекты. Химия изучает, как одни химические вещества превращаются в другие. Для химии не важно происхождение вещества. Она изучает его в пробирке. Биохимия возникла тогда, когда ученые стали выяснять, как химические вещества превращаются в живых организмах. И окончательно сформировалась, когда у нее появились объекты, которых не было ни у химии, ни у биологии. Например, метаболические пути (циклы реакций, протекающих в клетках). Или, что еще ярче, ферменты.

Ферменты в этом смысле очень показательны. Их невозможно изучать в рамках биологии – они не живые объекты. А с точки зрения химии они просто катализаторы. Но ферменты сильно отличаются от химических катализаторов. И что особенно важно – они как объекты, так и субъекты биохимических процессов, то есть именно они осуществляют метаболические реакции. Поэтому энзимология – научная дисциплина, изучающая ферменты, – не может существовать ни в рамках собственно химии, ни в рамках собственно биологии, а только как междисциплинарное направление в рамках биохимии, или теперь уже физико-химической биологии.

Избирательное право

Если мы перейдем теперь в сферу общественных наук, то можем найти ряд объектов, которые изучаются с точки зрения различных дисциплин –

в частности, права и политологии [Сунгуров, Семикова, 2017; Карцов 2017; Джанкезов 2020; Ливеровский 2020], права и социологии [Медушевский 2015]. И одним из наиболее показательных объектов являются выборы.

Социология, изучающая общество, смотрит на выборы как на совокупные действия большого числа людей, как на проявление и выявление настроений, охватывающих значительную часть общества, те или иные социальные группы. Политология видит в выборах проявление активности различных политических институтов – политических партий, отдельных политиков, органов власти, коммуникацию между ними, отслеживает появление и проявление в ходе выборов политических идей и лозунгов. Право изучает способы и механизмы регулирования электоральной сферы с помощью законов и иных нормативных актов, функционирование институтов, разрешающих избирательные споры. Сюда можно добавить и ряд других более узких дисциплин – социальную психологию [Шестопап 2012], культурологию [Фадеева 2010], политическую географию [Избирательное право... 1999: 629–655], а также математические методы изучения общественного выбора [Клима, Ходж 2007; Мюллер 2007; Ахременко 2008].

Политологи и праведы изучают выборы с разных точек зрения и мало знакомы с работами друг друга, и у различий в их подходах есть исторические корни [Лукиянова и др. 2022: 15–18]. Однако есть и принципиальная разница, связанная с различием методологии и идеологии этих наук.

Праведы, отвергающие юридический позитивизм, исходят в своих работах из представления о должном, в основе которого – конституционный текст и международные документы, ориентированные на идеи достижения общего блага [Лапаева 1999: 92–98]. А политологический подход чаще всего основан на представлениях о реальном содержании политики, в основе которой лежат интересы различных акторов.

Однако, как отметила В.В. Лапаева, любое законодательное решение должно быть, с одной стороны, правовым (то есть соответствовать правовым принципам, закрепленным в Конституции), а с другой стороны, быть адекватным существующим социальным (в том числе и социально-политическим) реалиям. Учет социальных реалий в процессе законотворчества – это, по сути дела, поиск той общей воли, которая должна лежать в основе закона, ориентированного на достижение общего блага [там же: 93].

Фактически это означает, что законодательство должно создаваться при тесном взаимодействии праведов с представителями других социальных наук. Применительно к избирательному законодательству этот тезис был подробно обоснован в одной из недавних работ [Любарев 2019б]. Автор на основании собственного опыта выделяет следующие разделы законодательства о выборах:

- 1) институты и нормы, связанные с обретением и реализацией активного избирательного права;
- 2) институты и нормы, связанные с обретением и реализацией пассивного избирательного права;
- 3) институты и нормы, связанные с организацией выборов;
- 4) институты и нормы, призванные обеспечить формирование избирателями своей воли;
- 5) институты и нормы, призванные обеспечить правильное отражение воли избирателей в итогах голосования;
- 6) институты и нормы, определяющие, как итоги голосования трансформируются в результаты выборов.

В указанной выше работе показано, что для правильного формирования всех этих разделов важное значение имеют данные политологии, социологии и других наук.

Так, с точки зрения чисто юридического подхода все партии должны быть в равном положении. И не должно быть у каких-то партий преференций. А политология нам говорит, что равного положения все равно не получается. Поскольку одни партии оппозиционные, а другие тесно связаны с администрацией. И формальное равенство часто оказывается как раз в пользу администрации. А преференции, основанные на уровне поддержки партий избирателями, оказываются не столько преференцией, сколько компенсацией [Любарев 2019а: 136–141].

С точки зрения чисто юридического подхода чем больше кандидатов в бюллетене, тем лучше. А политологи, основываясь на данных психологов, могут сделать вывод, что это не так. Что при превышении некоего порога избиратель просто перестает делать выбор между всеми кандидатами, а голосует за самого известного [Любарев 2019б].

Впрочем, в жизни юристы (особенно практики) часто учитывают социальные реалии, поэтому сильные разногласия между юристами и политологами не всегда заметны. Так, автор данной статьи в 2018 г. проводил опрос экспертов по большому числу тем, касающихся избирательного и смежного законодательства. И по многим вопросам соотношения ответов среди юристов и политологов мало различались [Любарев 2019а]. Наибольшие расхождения наблюдались в основном в вопросах, касающихся избирательного процесса (о нем речь пойдет дальше), где правовая составляющая небольшая, а основную роль играют знания реалий и математика – в этих вопросах поддержка среди политологов была заметно выше, чем среди юристов. Таковы, например, предложения:

- ограничить право регионального законодателя на выбор методики распределения мандатов (97 % поддержки среди политологов и только 76 % среди юристов);

- распределять обязанности между членами участковой комиссии по жребию (78 % поддержки среди политологов, 53 % – среди юристов);
- ввести Журнал участковой комиссии (84 % поддержки среди политологов, 66 % – среди юристов);
- разрешить небольшие траты не из средств избирательного фонда (53 % поддержки среди политологов, 39 % – среди юристов);
- предусмотреть государственное финансирование региональных отделений партий по итогам региональных выборов (63 % поддержки среди политологов, 45 % – среди юристов);
- допустить самовыдвижение граждан в состав участковых комиссий с отбором путем жребия в случае избытка кандидатур (78 % поддержки среди политологов, 63 % – среди юристов).

В некоторых случаях имели место заметные расхождения и по юридическим вопросам. Так, предложение отказаться от ограничений пассивного избирательного права, не предусмотренных Конституцией РФ, поддержали 78 % политологов и 68 % юристов. Этот факт В.В. Лапаева прокомментировала так: «Думаю, разница обусловлена тем, что для юристов более актуальным является установление антикриминального фильтра, в то время как политологи лучше понимают, что такой фильтр на практике легко становится антиоппозиционным» [Лапаева 2019].

Интересным примером изучения институтов избирательного права политологическими методами являются работы Н.В. Гришина [Гришин 2018; Гришин 2019; Гришин, Линдерс, 2020].

И все же в сфере собственно избирательного права роль юристов остается ведущей, а роль политологов и социологов – дополняющей. Однако есть области, связанные с выборами, где требуется комплексный междисциплинарный подход. Такими областями я считаю избирательный процесс и избирательные системы.

Избирательный процесс

В 1990-х гг. российские специалисты по выборам начали выделять дисциплину под названием «избирательный процесс». Вот как эта дисциплина была определена в учебнике:

«Если избирательное право предметно регламентирует определенные аспекты общественно-государственной деятельности, касающиеся приобретения и передачи властных полномочий выборным представителям, то избирательный процесс как форма реализации субъективного политического права отражает технологию участия избирателей в осуществлении власти».

Далее говорится, что избирательный процесс понимается как технологическая инфраструктура и форма реализации конституционных принципов

организации периодических свободных выборов и обеспечения избирательных прав человека и гражданина в рамках предусмотренной законом последовательности совершения комплекса избирательных действий и избирательных процедур. Подчеркивается, что избирательный процесс – «не только и не столько преимущественно административный технологический процесс, сколько публичный политический процесс».

Далее отмечается, что понятие «избирательный процесс» может использоваться в широком и узком значении. При этом в узком смысле оно «включает установленную законом совокупность стадий, обеспечивающих его целостность и легитимность результатов выборов» [Избирательное право... 1999: 255–260].

Из этого описания видно, что в избирательном процессе важную роль играет не только юридическая составляющая, но также политическая и политехнологическая. И потому изучать избирательный процесс необходимо с позиций как права, так и политологии.

Здесь важно отметить, что политические акторы (партии, кандидаты) в избирательном процессе являются одновременно и объектами, и субъектами. Этим избирательный процесс как научная дисциплина напоминает мне энзимологию, о которой речь шла во введении к данной статье. Именно поэтому мне представляется, что данная дисциплина не вписывается ни в область чистого права, ни в область чистой политологии, а может считаться частью новой научной области, название которой еще не устоялось (юридическая политология, политология права и т. п.).

Важность соединения юридических и политологических подходов к избирательному процессу наиболее наглядна на таких его стадиях, как выдвижение и регистрация кандидатов и партийных списков и предвыборная агитация. Эти важнейшие стадии носят в первую очередь политический характер, но от того, как они регулируются законом и как реализуются в процессе правоприменения, зависит формирование воли избирателей, определяющей (при условии честного и точного подсчета голосов) результаты выборов.

В качестве примера сочетания юридического и политологического подходов в изучении избирательного процесса можно привести многолетнее плодотворное содружество автора данной статьи, кандидата юридических наук, с кандидатом политических наук А.В. Кыневым, результатом которого стал ряд книг и научных статей [Кынев, Любарев 2003; Иванченко, Кынев, Любарев 2005; Любарев, Бузин, Кынев 2007; Кынев, Любарев 2011; Любарев, Кынев 2011; Кынев, Любарев, Максимов 2019].

Избирательные системы

Под избирательной системой (в узком смысле этого понятия) мы понимаем совокупность правовых норм, определяющих, каким образом итоги

голосования избирателей трансформируются в результаты выборов [Любарев 2016: 10–18]. Такое определение может создать представление, что изучение избирательных систем должно быть полностью в сфере права. Однако это не так.

Избирательная система в значительной степени определяет характер представительства в парламенте (политическое, территориальное и т. п.) и модель функционирования парламента и правительства, и потому выбор избирательной системы в значительной степени определяется приоритетами (известная дилемма – стабильное правительство или адекватное представительство различных групп населения) [там же: 565–571]. Кроме того, при пропорциональных избирательных системах механизм трансформации итогов голосования в результаты выборов носит характер математического алгоритма [там же: 244–312], а применение математических методов традиционно более характерно для политологии, чем для права.

Поэтому разделы, посвященные избирательным системам, присутствуют как в учебниках по избирательному праву (например, [Избирательное право... 1999: 104–122; Автономов, Веденеев, Луговой 2003: 133–149]), так и в учебниках по политологии (например, [Голосов 2001: 186–222]). При сравнении этих разделов в большей степени ощущаются стилистические особенности их авторов, чем различия в их научной специальности. Практически все разделы построены одинаково: определение избирательной системы, затем отдельные описания основных избирательных систем – в первую очередь мажоритарной и пропорциональной (в последней уделяется наибольшее внимание заградительному барьеру и методам распределения мандатов), возможны и отдельные параграфы, посвященные другим системам.

Взаимосвязь и взаимное проникновение юридических и политологических представлений хорошо заметны в вопросах классификации избирательных систем и обоснования тех или иных решений. Так, правоведы довольно часто основывают свои классификации на «принципах», где на первый план выходят явно политические понятия («победитель получает все» и т. п.). А среди политологов видно стремление опереться на вполне юридические параметры – способ голосования, размер избирательного округа, число голосов у избирателя, структура избирательного бюллетеня и т. д. [Голосов 2001: 212; Любарев 2016: 18–23, 31–37]. С моей точки зрения, именно юридический подход позволяет создать наиболее адекватную классификацию избирательных систем [Любарев 2016: 38–50].

С другой стороны, споры о достоинствах и недостатках различных избирательных систем всегда носят политический характер. И в юридических учебниках мы легко находим вполне политологические аргументы, например, о недостатках пропорциональной системы [Избирательное право... 1999: 108–109; Автономов, Веденеев, Луговой 2003: 142–144]. Это же относится

и к обоснованию такого существенного параметра пропорциональной системы, как заградительный барьер: обычно говорится о том, что он призван способствовать снижению фракционного дробления парламента, снижению «шантажного потенциала» малых партий и повышению работоспособности парламента [Лапаева 1999: 90–108; Избирательное право... 1999: 109–110; Голосов 2001: 204–205; Автономов, Веденеев, Луговой 2003: 147–149; Любарев 2016: 337–354].

Таким образом, избирательные системы представляют собой такой объект, который можно изучать, только соединяя юридический и политологический подходы.

Заключение

Итак, мы видим, что такие связанные с выборами области, как избирательный процесс и избирательные системы (а также частично избирательное право) требуют соединения юридических и политологических методов и подходов, а также использования методов и других наук (включая математику). В целом междисциплинарный характер науки о выборах (которая до сих пор не обрела общепринятого наименования) очевиден.

Важно, чтобы такое понимание приводило и к практическим выводам. Например, при формировании учебных дисциплин и планов.

В заключение я хотел бы привести один частично позитивный пример. При ЦИК России еще с 1990-х гг. было принято формировать консультативный орган из представителей научного и экспертного сообщества. Однако первоначально в нем преобладали правоведаы. Так, Научно-методический совет, сформированный в 2003 г., включал 59 человек, из них 26 докторов юридических наук, но только один доктор политических наук и один доктор исторических наук.

В 2018 г. был сформирован Научно-экспертный совет из 77 человек, состав которого был более сбалансированным. Он включал 11 докторов юридических наук, 12 кандидатов юридических наук, 3 докторов политических наук, 7 кандидатов политических наук, 3 докторов исторических наук, 2 кандидатов исторических наук, одного доктора филологических наук, 3 кандидатов филологических наук, по одному кандидату географических, экономических, физико-математических наук и культурологии. Полагаю, что этот орган имел хорошие перспективы для выработки полезных рекомендаций, а то, что он оказался невостребованным и был слишком быстро ликвидирован, связано отнюдь не с присутствием в его составе политологов [Любарев 2018; Любарев 2021].

Источники

Автономов А.С., Веденеев Ю.А., Луговой В.В. 2003. *Сравнительное избирательное право: учебное пособие*. М.: Норма. 208 с.

Ахременко А.С. 2008. *Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы*. М.: Изд-во МГУ. 160 с.

Голосов Г.В. 2001. *Сравнительная политология: учебник*. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб. 368 с.

Гришин Н.В. 2018. Комиссии по делимитации избирательных округов: становлению и перспективы политического института. – *Полис*. № 4. С. 100–114. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.08.

Гришин Н.В. 2019. Электоральный трибунал: опыт совмещения функций электоральной администрации и юстиции. – *Вестник Московского университета*. Серия 12: Политические науки. № 1. С. 49–62.

Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. 2020. Децентрализация системы управления выборами. – *Полития*. № 3 (98). С. 99–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115.

Джанкезов Б.М. 2020. Конституционная политика как междисциплинарная категория. – *Право и политика*. № 9. С. 179–188. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.9.32240.

Закгейм А.Ю. 2012. *Системность – симметрия – эволюция в физике, химии, биологии: учебное пособие*. М.: Книжный дом «Либроком». 208 с.

Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. 2005. *Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы*. М.: Аспект Пресс. 333 с.

Избирательное право... 1999. *Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов* / отв. ред. А.В. Иванченко. М.: Норма. 856 с.

Карцов А.С. 2017. Юридическая политология как научная дисциплина (краткие заметки). – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 94–95.

Клима Р., Ходж Дж. 2007. *Математика выборов* / пер. с англ. Н.А. Шиховой. М.: МЦНМО. 224 с.

Кынев А., Любарев А. 2003. Новые региональные законы о выборах: проблемы введения смешанной избирательной системы. – *Право и жизнь*. № 61 (9). С. 166–184.

Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция*. М.: Фонд «Либеральная миссия». 792 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2019. *Региональные и местные выборы в России осени 2018 года: электоральные перемены на фоне социальных реформ*. М.: Фонд «Либеральная миссия». 554 с.

Лапаева В.В. 1999. *Право и многопартийность в современной России*. М.: Норма. 304 с.

Лапаева В.В. 2019. Пассивное избирательное право гражданина в Конституции РФ: основания и пределы ограничения. – *Электоральная политика*. № 2. С. 2.

Ливеровский А.А. 2020. Попытка конституционализации политологии. – *Публичная политика*. Т. 4. № 1. С. 88–95. DOI: 10.31856/jpp/2020.1.4.

Люкьянова Е.А., Порошин Е.Н., Арутюнов А.А., Шпилькин С.И., Зворыкина Е.В. 2022. *Выборы строгого режима: как российские выборы стали невыборами и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль. 400 с.

Любарев А.Е. 2016. *Избирательные системы: российский и мировой опыт*. М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. 632 с.

Любарев А.Е. 2018. О составе Научно-экспертного совета при ЦИК. – *Живой журнал*. URL: <https://lyubarev.livejournal.com/49511.html> (дата обращения: 25.11.2022).

Любарев А.Е. 2019а. *На пути к реформе законодательства о выборах: позиция экспертов*. М.: Издательские решения. 242 с.

Любарев А.Е. 2019б. Необходимость социологических и политологических знаний для совершенствования избирательного законодательства. – *Электоральная политика*. № 2. С. 1.

Любарев А.Е. 2021. Вспоминая Научно-экспертный совет при ЦИК России. – *Сайт Межрегионального объединения избирателей*. URL: <http://votas.ru/NES.html> (дата обращения: 25.11.2022).

Любарев А.Е., Бузин А.Ю., Кынев А.В. 2007. *Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними*. М.: Никколо. 192 с.

Любарев А., Кынев А. 2011. Политические партии не должны иметь монопольное право выдвижения кандидатов на муниципальных выборах. – *Муниципальное право*. № 3. С. 45–48.

Медушевский А.Н. 2015. *Социология права*. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа. 813 с.

Мюллер Д. 2007. *Общественный выбор III* / под ред. А.П. Заостровцева, А.С. Скоробогатова; пер. с англ. В.А. Горяйнова и др. М.: ГУ ВШЭ. 1000 с.

Сунгуров А.Ю., Семикова А.Е. 2017. Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля. – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 83–93.

Фадеева Л. 2010. «Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка? – *Российское электоральное обозрение*. № 1. С. 32–37.

Шестопад Е.Б. 2012. *Политическая психология: учебник для студентов вузов*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс. 342 с.

Зиновьев Андрей

Право между «идеологической властью» и «политической властью» в структуре государства

Зиновьев

Андрей Олегович –

*кандидат политических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
путей сообщения
(г. Санкт-Петербург)*

Для связи с автором:

azin73@mail.ru

Для цитирования:

*Зиновьев А.О. Право между
«идеологической властью»
и «политической властью»
в структуре государства //
Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_99*

Аннотация

В статье предложено понимание права в структуре государства на основе подходов Ю. Хабермаса и М. Манна. Показана важность «прав человека» как элемента «идеологической власти» в структуре «конституционного государства».

Ключевые слова: право, государство, идеологическая власть, стратегическая рациональность, коммуникативная рациональность.

Zinovev Andrey

The law between “ideological power” and “political power” in the structure of the state

Zinovev Andrey O. –

*St. Petersburg state transport university
Associate Professor, Candidate
of Political Sciences,
St. Petersburg*

*To contact the author:
azin73@mail.ru*

Abstract

The article proposes an understanding of law in the structure of the state on the basis of the approaches of J. Habermas and M. Mann. The importance of “human rights” as an element of “ideological power” in the structure of the “constitutional state” is shown.

Keywords: law, state, ideological power, strategic rationality, communicative rationality.

I

Государство в узком смысле данного слова может пониматься как понятие юридической науки, которое регулирует использование власти в обществе. В рамках «правового государства» политика сводится к созданию законов и их исполнению.

Само социальное «открытие» государства произошло в философских работах Томаса Гоббса и с данного момента вошло в исследования в рамках «истории политических и правовых учений». Начиная с Томаса Гоббса, государство понимается отдельно от фигуры правителя и в рамках различных версий «теорий общественного договора». В рамках «теории государства и права» излагаются различные подходы к пониманию государства, которые кратко описывают переход от понимания права в традиционном обществе к пониманию права как части процесса рационализации общественной жизни в духе идей Макса Вебера. Ключевой переходной фигурой в данных изложениях «теории государства и права» также выступает Томас Гоббс. По данной причине Гоббс выступает символической фигурой нового понимания государства в рамках юридической науки и политической философии.

Специфическим логическим завершением юридической истории «теории государства и права» / «истории политических и правовых учений» выступает понимание государства в понятиях «правового государства» и «конституционного государства», в которых государство понимается как «конституция» и как «государственное право». Данное понимание сложилось в работах немецких юристов XIX в. частично под влиянием немецкой классической философии и может быть описано как «либеральное» понимание государства в рамках юридической науки.

Исторически первыми против либерального юридического понимания государства выступили Карл Маркс и его последователи, которые увязывали понимание государства и права с экономикой. Марксизм положил начало изучению государства как формы господства и власти, которая существенно больше ее юридической формы в виде «конституционного государства» или «правового государства».

Именно в рамках западного марксизма XX в. появилась идея «относительной автономии государства» от экономических и других социальных условий существования государства. Но данная идея возникла в результате серьезной критики различными социальными учеными теоретических попыток марксистов редуцировать государство до экономики. В частности, немецкий историк Отто Хинце [Hintze 1975] увязывал государство с военной сферой, которая оказывала серьезное воздействие на формирование «правового государства» в Германии. Влияние войны на формирование современных государств – довольно популярная идея у многих современных социальных

ученых, которые обращают внимание на различные аспекты влияния войны на организацию государства и на роль военных в управлении государствами. В более общем виде Макс Вебер выделял множество истоков процессов рационализации, которые привели к созданию современной экономики и современного государства.

Понимание современного государства как одного из результатов процессов рационализации обществ Запада оказывает воздействие на исследования «государства и права» в виде «социологии права», в которой важное место занимает наследие Макса Вебера. Очевидно, что современное право тесно связано с рациональным управлением современным государством, Макс Вебер повлиял не только на «социологию права», но и на исследования государственной бюрократии. Исследования государственного управления, которые опираются на идеи Макса Вебера, поддерживают его трактовку «социологии права» как наиболее адекватную для понимания взаимосвязи государственного права и государственного управления (включая политику). Понятие «политической системы», которое соединяет процессы политического управления и его юридического оформления, опирается в том числе на идеи Макса Вебера, хотя и существенно сглаживает конфликтный потенциал социологии Макса Вебера за счет обращения к идеям Эмиля Дюркгейма и Вильфредо Парето. Споры между сторонниками Маркса и сторонниками Вебера нашли свое продолжение в социально-политических проектах Юргена Хабермаса и Майкла Манна, синтез идей которых я буду использовать для прояснения места права («правового государства» и «конституционного государства») в структуре государства.

II

С опорой на идеи Юргена Хабермаса [Habermas 1995] государство можно понимать как диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. В духе социологии Вебера Хабермас понимает стратегическую рациональность и коммуникативную рациональность через их реализацию в виде различных типов социального действия. Используя идеи англо-австрийского философа науки Карла Поппера, Хабермас предлагает различать объективный, социальный и субъективный миры и увязывает свою типологию социального действия с ориентациями на данные миры. Иначе говоря, он предлагает альтернативную Веберу типологию социального действия, которая уже не опирается на субъективный смысл социального действия для совершающего его человека. Стратегическое действие является обобщением теологического действия, взятого как преобладающая ориентация на объективный мир со времен Аристотеля, но с учетом реалий социального мира, то есть с учетом действий других людей. По мнению Хабермаса,

в коммуникативном действии имеет место ориентация сразу на три мира значимости (то есть одновременно на объективный мир, социальный мир и субъективный мир с целью достижения взаимопонимания). Любое утверждение в коммуникативном действии должно соотноситься с объективным миром (истина), с социальным миром (нормативная правильность) и с субъективным миром (субъективная правдивость), что необходимо для коммуникативной координации действий. Можно отметить, что, ориентируясь на все три мира значимости, коммуникативная рациональность ориентируется, прежде всего, на потребность в координации социальных действий, исходящей из социального мира.

Хотя сам Хабермас использовал два типа рациональности для объяснения своей типологии социальных действий, но я в дальнейшем буду использовать только два типа рациональности. Как мне представляется, понятие «рациональности» в двух ее типах более фундаментально, чем понятие «социального действия», которое относится только к отдельному человеку. И в этом смысле оно лучше отражает уход от «философии сознания» не только в понятие «коммуникативной рациональности», но в понятие «стратегической рациональности» (которое изначально связано с «философией сознания» и с пониманием «рациональности» у Макса Вебера). Понятие «рациональности» носит интересубъективный характер, то есть относится к «действиям» множества людей и к «практикам» множества людей. Люди обучаются «рациональности» и оценивают ее у других людей в рамках трех миров по Карлу Попперу. Понятие «рациональности» существенно шире понятия «социального действия» и позволяет совместно использовать понятие «социального действия» и понятие «социальных практик». Два типа рациональности связывают поведение отдельных людей (в виде социальных действий или социальных практик) с социальными структурами, которые воплощают в себе диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, и поддерживаются поведением отдельных людей, которое ориентировано на «рациональность».

По мнению Майкла Манна [An Anatomy of Power... 2005], социальная власть имеет четыре источника, которые можно понимать как «идеальные типы» источников социальной власти, речь идет о военной, экономической, идеологической и политической власти. Кроме того, Манн предложил различать «деспотическую власть», то есть способность власти достигать своих целей, и «инфраструктурную власть», то есть степень участия власти в деятельности гражданского общества. В своей социологической теории Манн следует за Максом Вебером и понимает власть в духе стратегической рациональности, но эмпирические реалии идеологической власти и политической власти требуют их дополнения эффектами коммуникативной рациональности.

Кроме того, каждая сеть власти, например сеть военной власти, состоит из людей относительно специализированных для использования данной организационной власти, то есть военной власти. Проще говоря, военные лучше разбираются с организацией военной власти, а «идеологические работники» лучше разбираются с организацией идеологической власти. В какой-то мере можно говорить о «военной рациональности» или о «идеологической рациональности», в каждой из которых присутствует своя диалектика двух типов рациональности. Хотя Майкл Манн пишет о целях и средствах, которые используют люди в различных сетях организационной власти, очевидно, что нельзя обойтись без проблематики понимания и обучения в различных сетях организационной власти.

Само государство как диалектика двух типов рациональности образует сеть политической власти, за которой находятся сети военной, экономической и идеологической власти. Модель Манна дополняется «сверху» моделью диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, которая в различной степени проявляется как коллективная рациональность в каждой из четырех сетей социальной власти. Всякая власть предполагает достижение целей и соотносится с коллективной стратегической рациональностью, но для сетей социальной власти в различной степени характерна потребность в понимании социальных отношений, то есть требуется коллективная коммуникативная рациональность. Различие стратегической рациональности и коммуникативной рациональности как различных оснований коллективных практик отсылает к классическому различению «деятельности» и «созерцания» в древнегреческой философии. «Практические люди» часто экономят время на «философию» и предпочитают использовать практическую рациональность своей сферы деятельности. Такое поведение часто характерно для профессиональных военных или для бизнесменов. Для них практическая рациональность сводится к стратегической рациональности в их сфере деятельности. Но для серьезного успеха в военной сфере необходимо работать с проблемами «философии войны», поскольку военная сфера соотносится не только с объективным миром, но даже более соотносится с социальным миром и с субъективным миром профессионального военного человека.

Для стратегической рациональности характерен акцент на объективном характере познания и рациональности. Для сетей военной и экономической власти «деятельность» (или стратегическая рациональность) имеет преобладающее значение, тогда как для сетей политической власти и идеологической власти важное значение имеют также проблемы «понимания» социальной реальности или коммуникативная рациональность. В то же время акцент Майкла Манна на «власти» правильно подчеркивает важность стратегической рациональности в сетях политической власти и в сетях идеологической

власти. Наиболее полно диалектика стратегической рациональности и коммуникативной рациональности проявляется в сетях политической власти или в «государстве» в узком смысле, поскольку именно сети политической власти соединяют сети идеологической власти (более зависимые от коллективной коммуникативной рациональности) и сети военной власти и экономической власти (более зависимые от коллективной стратегической рациональности и реализуемые в индивидуальной стратегической рациональности полководца или бизнесмена). Управление государством представляет собой практическую реализацию диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности с учетом интересов носителей военной власти, носителей экономической власти и носителей идеологической власти.

III

В данной схеме «государство и право» пронизаны диалектикой стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, поскольку военная сфера и экономическая сфера предъявляют к «государству и праву» требования в духе стратегической рациональности. И именно данные требования лежали в основе понимания Вебером процессов «рационализации» современного права. С другой стороны, «государство и право» относятся к сфере политической власти, то есть к сфере преобладания коммуникативной рациональности. Критика понимания Вебером процессов общественной «рациональности» по модели только стратегической рациональности (со стороны Юргена Хабермаса) дополняется критикой Г.Дж. Бермана «социологии права» Вебера за акцент на политическом реализме в анализе истории права на Западе. По мнению Бермана [Берман 2008: 244–254], в своей «социологии права» Вебер недостаточно полно отразил роль церкви и религии (то есть идеологической власти) в становлении западной традиции права. Ориентация Вебера на стратегическую рациональность привела его к игнорированию эффектов коммуникативной рациональности в истории права на Западе. Изначально право было связано с реалиями идеологической власти, то есть с религией. Три других источника социальной власти ограничивают возможности «идеологической власти» и действуют вместе с ней. В эпоху Средних веков идеологическая власть осуществлялась церковью и христианской религией. Эпоха Просвещения в Европе была эпохой усложнения идеологической власти и ее перехода от религии к науке и политическим идеологиям. Великая французская революция подвела итог эпохе Просвещения и, по мнению Хабермаса [Хабермас 2016: 123–127], окончательно сформировала критические публичные сферы в Европе. Появление критической публичной сферы было связано с возникновением новой конфигурации идеологической власти в виде сочетания современной науки, политических партий

с политическими идеологиями и профессиональной журналистики. В новой конфигурации идеологической власти «государство и право» могли существовать только как часть «науки» в виде «юридической науки» и как часть либеральной политической идеологии. А в целом «государство и право» перешли в область политической власти, то есть взяли на себя задачи координации носителей военной власти и носителей экономической власти. Реальное ядро политической власти состоит из представителей дипломатии и носителей юридических знаний «государства и права». Фактически «государство и право» выпало из сферы идеологической власти по причине усложнения природы идеологической власти. Превращение «государства и права» в научную дисциплину отчасти позволило вписать юридическую науку в новую конфигурацию идеологической власти. Но проблематичность «научности» юридической науки и специфика места науки в новой конфигурации идеологической власти привели к существенному снижению влияния «государства и права» в виде науки. При этом роль «государственного права» в виде «правового государства» и «конституционного государства» значительно усилилась в реальных процессах государственного управления. Именно об этом писал Макс Вебер.

Представителям политической власти в структуре государства довольно трудно контролировать стратегическую рациональность носителей военной власти и экономической власти без поддержки идеологической власти. Такая поддержка осуществляется в виде «юридической науки», которая должна подкреплять политическую власть юристов на государственной службе отсылкой к результатам «научных исследований». Другой вариант дополнения политической власти «государства и права» заключается в коммуникативной рациональности «прав человека» как идеологической основе «либеральной демократии». Привлечение уровня политических идеологий в новой конфигурации идеологической власти позволяет усилить воздействие «государства и права» на реальный политический процесс. Политическая борьба между политическими партиями делает право важным элементом общей устойчивости государственного управления, посредством партий политики получают дополнительный ресурс для сдерживания носителей военной власти и носителей экономической власти. Они используют данный ресурс для усиления «правового государства» и «конституционного государства». Политическая идеология «либерализма» поддерживает «конституционное государство» как принцип организации сетей политической власти с помощью принципа «прав человека» из идеологической власти, который пришел на смену христианской религии. Для «конституционного государства» нужен общий смысл, который выражает Конституция. Данный смысл предлагает политическая идеология либерализма в виде «либеральной демократии» и «прав человека».

Другие политические идеологии вынуждены поддерживать данный идеологический смысл Конституции или его частично критиковать с позиций других политических идеологий (как старых политических идеологий, так и новых политических идеологий). Данная поддержка носителей политической власти со стороны идеологической власти необходима в современных государствах для поддержания диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. Нарушение данной диалектики в пользу стратегической рациональности носителей военной власти или экономической власти ведет к игнорированию интересов населения носителями военной власти или экономической власти (например, в виде консервативной военной хунты в отсталых государствах).

Источники

- Берман Г.Дж. 2008. *Вера и закон: примирение права и религии*. М.: МШПИ. 464 с.
- Хабермас Ю. 2016. *Структурные изменения публичной сферы*. М.: Весь мир. 344 с.
- An Anatomy of Power... 2005. *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann* / eds. J.A. Hall, R. Schroeder. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.
- Habermas J. 1995. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, Band I. 545 s.
- Hintze O. 1975. *The historical essays of Otto Hintze*. New York: Oxford university press, 520 p.

Глушкова Светлана

Влияние образовательного потенциала правозащитных медиаресурсов на развитие динамичного диалога общества и власти¹

Глушкова

Светлана Игоревна –

заведующая кафедрой

прав человека

Гуманитарного университета,

доктор политических наук,

председатель Свердловского

РО РАПН (г. Екатеринбург)

Для связи с автором:

glsvig@yandex.ru

Для цитирования:

Глушкова С.И. Влияние

образовательного потенциала

правозащитных медиаресурсов

на развитие динамичного диалога

общества и власти //

Публичная политика. 2022.

Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-

8351_2022_6_2_108

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813/22 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

Glushakova Svetlana

Impact of educational potential human rights media resources on the development of a dynamic dialogue between society and government

Glushakova Svetlana I. –

*Doctor of Political Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of
Human Rights, Humanities University
(Yekaterinburg)*

*To contact the author:
glsvig@yandex.ru*

На развитие динамичного диалога общества и власти, несомненно, с каждым годом оказывают все большее влияние правозащитные медиаресурсы. Они содержат значительный образовательный потенциал и способствуют повышению уровня правовой культуры, формированию культуры прав человека, антикоррупционной культуры.

Чтобы интересы и предпочтения всех социальных, профессиональных групп были учтены во внутренней политике государства, в диалоге должны участвовать представители власти и гражданского общества, а также академического сообщества, профсоюзных организаций и профессиональных объединений, сообщества педагогов и преподавателей образовательных организаций и учреждений, субъекты общественного контроля (общественные палаты муниципальных образований, общественные советы при органах государственной власти и др.).

Важными ориентирами при формировании и наполнении правозащитных медиаресурсов должны быть актуальные вопросы и проблемы соблюдения, обеспечения и защиты прав человека и гражданина, просвещения и образования в области прав человека, развития правовой культуры и культуры прав человека, антикоррупционной культуры.

Отношение к правам человека предполагает различные акценты и приоритеты, мнения и подходы, которые часто обусловлены уровнем диалога власти и общества. Результаты отражаются в том или ином государстве в наполнении определенным контентом правозащитных медиаресурсов, направленных на повышение уровня правовой и антикоррупционной культуры граждан, либо на определенное сдерживание такого роста, либо на ограничение уровня правовой культуры границами четко заданной повестки дня / стратегии развития, региональной или страновой / государственной повестки дня / стратегии развития.

На восприятие прав человека в обществе и государстве, как важного приоритета правовой политики или как инструмента лишь выборочного применения, в современном мире во многом влияет то, насколько и как они представлены в медиасфере той или иной страны, в том числе в диалоге представителей органов государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества, которые создают и продвигают свои аккаунты в социальных сетях («ВКонтакте»), и то, как их деятельность отражена в общем медиaprостранстве РФ и отдельных субъектов РФ.

Изучая современные исследования по правам человека, надо отметить новые дискурсы развития прав человека в современной теории и практике: правочеловеческий, правопросветительский, правозащитный.

Динамичное развитие этих дискурсов можно увидеть в распространении и продвижении различных образовательных медиаресурсов по правам человека, защите прав и свобод человека и гражданина.

Достаточно быстрое развитие медиапространства и наполнение его правозащитными ресурсами власти и общества, цифровизация учебного процесса в образовательных организациях и учреждениях, развитие цифрового инструментария и мощная цифровизация всей медиасферы – все это способствует процессу неизбежной трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру.

Регулярная работа по осмыслению правозащитных практик в России и отдельных регионах, поощрению и продвижению правозащитных медиаресурсов постоянно ведется российским омбудсменом Т.Н. Москальковой. Полезные и востребованные многими такие медиаресурсы, как «Правозащитная карта России», «Библиотека Уполномоченного по правам человека в РФ», «Правозащитная мастерская», имеющиеся на сайте российского Уполномоченного, – это фундаментальные просветительские медиаресурсы, необходимые российским и региональным правозащитникам, школьной и студенческой молодежи, сообществу педагогов и преподавателей и многим другим.

На сайтах российских и региональных уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей достаточно активно представлены правозащитные медиаресурсы, которые влияют на выстраивание динамичного и продуктивного диалога власти и общества.

Важно поддерживать и распространять наиболее эффективные практики по разработке и развитию правозащитных медиаресурсов, которые направлены на совершенствование образовательного потенциала медиасферы по таким основным направлениям, как гуманитарное просвещение, гуманитарная дипломатия, развитие правовой культуры (в том числе культуры прав человека) и антикоррупционной культуры, правозащитные и гуманитарные практики.

Захарова Анна

ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ В СУБЪЕКТАХ РФ

Захарова

Анна Евгеньевна –

юрист, выпускница аспирантуры
НИУ «Высшая школа экономики»
(г. Москва)

Для связи с автором:
anezakharova@mail.ru

Для цитирования:

Захарова А.Е. Институт
конституционных
и уставных судов
в субъектах РФ //
Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_112

Zakharova Anna

The institution of constitutional and statutory courts in the subjects of the Russian Federation

Zakharova Anna E. –

*Lawyer, PhD graduate
of the Higher School of Economics,
Moscow*

*To contact the author:
anezakharova@mail.ru*

Стремление изменить условия осуществления конституционного нормоконтроля занимает особое положение в политической повестке современной России. Поправки в Конституцию РФ 2020 г. значительно изменили порядок функционирования федерального органа конституционного контроля – Конституционного Суда РФ, а также повлекли кардинальные изменения в деятельности конституционных и уставных судов субъектов РФ – их упразднение до 1 января 2023 г. с предоставлением субъектам РФ права создать конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Такое активное реформирование и высокий публичный резонанс показывают, что институты конституционного нормоконтроля переживают период трансформации не только правовых, но и политических основ своей деятельности. Вопросы развития конституционного нормоконтроля становятся объектами обсуждения среди элит, СМИ, представителей академической среды и гражданского общества.

Осуществляемые кардинальные изменения свидетельствуют о возникновении состояния неопределенности, которое в то же время можно считать окном возможностей, точкой перелома. Централизованная ликвидация конституционных и уставных судов в регионах не становится решением проблемы, она ставит новые вопросы перед социальными науками, основными из которых являются:

- Почему конституционные и уставные суды были централизованно упразднены?
- Почему суды были созданы не во всех регионах, а в тех, в которых действовали, имели разные результаты?
- Как это связано с реализацией Конституции?
- Каковы перспективы новой модели конституционного нормоконтроля?

Чтобы создать эффективную модель будущего, необходимо детально проанализировать прошлый опыт – восстановить и осмыслить цепь предшествовавших событий, понять, что сработало, что нет и почему не сработало так, как изначально задумывалось.

Обратимся к главному правовому акту в стране – Конституции. Как указывал В.Е. Чиркин, следует разделять юридическую и фактическую конституции. Юридическая конституция – правовой документ, имеющий высшую юридическую силу, фактическая конституция – «реально существующие основы общественно-политического строя, действительное положение личности в той или иной стране» [Чиркин 1997: 27]. Чиркин указывает на важность надлежащей реализации положений Конституции: «...на бумаге можно

написать любой текст конституции. Но если этот текст не будет соответствовать социально-политическим условиям, он останется мертвой буквой» [там же: 29].

Рассмотрим механизм реализации конституционных норм в виде схемы. Изначальной точкой в схеме выступает конституция как текст правового акта. Чтобы перейти в конечную точку – конституция-«реальность», – необходимо пройти через стадию реализации конституционных норм. На этой стадии ключевыми участниками выступают проводники – органы конституционного нормоконтроля. В РФ такими проводниками являются Конституционный Суд РФ и до 1 января 2023 г. – конституционные и уставные суды в субъектах РФ. При этом общим фоновым пространством для данной схемы выступают правовой и политический режимы.

Понимая множественность подходов к содержанию правового и политического режимов, автор в целях настоящего доклада использует следующие. Под правовым режимом понимается «специфика юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств и способов» [Алексеев 2004: 131], политический режим определяется как «совокупность различных видов отношений между властью и обществом» [Категории... 2002: 155].

Сосредоточимся на анализе взаимодействия органов конституционного нормоконтроля с правовым и политическим режимами.

Взаимосвязи между органами конституционного нормоконтроля и правовым режимом представляются довольно очевидными. Основной задачей органов конституционного нормоконтроля является обеспечение соблюдения субъектами конституции. Возвращаясь к представленной выше схеме, это означает, что деятельность органов конституционного нормоконтроля нацелена на обеспечение соответствия фактической конституции (практики реализации конституции) ее тексту как правового акта. Следовательно, органы конституционного нормоконтроля в своей деятельности влияют на правовую систему с целью обеспечения ее соответствия конституции.

Важно отметить, что конституция является особым правовым актом, она имеет высшую юридическую силу и занимает системообразующую роль в правовой системе. Исходя из этих особенностей, конституция по своей природе состоит из конституционных принципов, которые являются регуляторами общественных отношений и составляют «право конституции», [Ливеровский 2019: 70–82]. Органы конституционного нормоконтроля при толковании конституции, разрешении спора о соответствии нормы правового акта конституции анализируют системное воздействие конституционных принципов, создают по итогу правовую позицию, которая представляет собой баланс принципов – меру воздействия конституционных принципов на

конкретные общественные отношения [Ливеровский 2018: 229–247]. При этом такой баланс со временем может отличаться. Причиной изменений могут стать как правовые, так и политические условия.

Рассмотрим подробнее, как органы конституционного нормоконтроля взаимодействуют с политическим режимом. Это взаимодействие является двухсторонним. С одной стороны, уровень политической конкуренции влияет на «характер интерпретации конституционных норм и их фактического применения» [Рогов 2020: 8–9]. С другой стороны, решения органов конституционного нормоконтроля влияют на политическую сферу государственной и общественной жизни [Бондарь 2014: 53], оказывают воздействие на легитимацию политического режима [Лукиянова 2018: 44].

Чтобы деятельность органов конституционного нормоконтроля была не имитационной, а эффективной, важно анализировать ее системно, с позиций как правового, так и политического. Выявить сбой в работе системы можно за счет специального междисциплинарного инструментария.

Такой политико-правовой инструментарий был разработан и применен для изучения деятельности конституционных и уставных судов в регионах РФ. Инструментарий представляет собой симбиоз методов сбора и анализа данных, применяемых в политологии и юриспруденции. Автором были использованы следующие методы, характерные для политологических исследований: глубинное полуструктурированное интервью с экспертами, контент-анализ публикаций СМИ, среди правовых методов автор использовал контент-анализ нормативных правовых актов и судебных решений.

По итогам получились оригинальные и новые выводы, неизвестные ранее в рамках узкодисциплинарных исследований.

Вышеизложенное доказывает двойственную политико-правовую природу таких институтов, как органы конституционного нормоконтроля, и тем самым обосновывает важность и необходимость развития междисциплинарного подхода для их изучения.

Источники

Алексеев С.С. 2004. *Теория государства и права*. М.: Норма. 283 с.

Бондарь Н.С. 2014. *Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия*. Серия: Библиотечка судебного конституционализма. Вып. 5. М.: Юнити-Дана. 198 с.

Категории... 2002. *Категории политической науки*. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; РОССПЭН. 656 с.

Ливеровский А.А. 2018. Развитие понятийного аппарата конституционного права. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 229–247.

Ливеровский А.А. 2019. Рациональная модель конституционного регулирования. – *Lex russica*. № 1. С. 70–82.

Лукиянова Е.А. 2018. *Авторитаризм и демократия* / Елена Лукиянова, Илья Шаблинский. М.: Мысль; Бизнес и мысль. 349 с.

Рогов К. 2020. *Деконструкция Конституции: Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе*. Серия: Либеральная миссия – Экспертиза. Вып. 8 / под ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная миссия». С. 6–16.

Чиркин В.Е. 1997. *Конституционное право зарубежных стран*. М.: «Юристъ». 568 с.

Игнатьева Ольга

Права человека, демократия и конституционализм: взгляд западных ученых

Игнатьева

Ольга Анатольевна –

кандидат социологических наук,
доцент кафедры политического
управления СПбГУ

Для связи с автором:
o.a.ignatyeva@spbu.ru

Для цитирования:

Игнатьева О.А. Права
человека, демократия
и конституционализм:
взгляд западных ученых //
Публичная политика. 2022.
Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-
8351_2022_6_2_118

Ignatieva Olga

Human rights, democracy and constitutionalism: the view of Western scholars

Ignatieva Olga A. –

*Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of
Political Administration, St. Petersburg
State University*

*To contact the author:
o.a.ignatyeva@spbu.ru*

Вопросы о соблюдении прав человека внутри государства, право вмешательства других государств и международных организаций во внутренние дела государства остаются открытыми и вызывают споры и конфликты как на региональном, так и на международном уровне. Канадский историк и политолог М. Игнатъевф, который также участвовал в международной комиссии по расследованию военных преступлений в Югославии [The Kosovo Report... 2000], обращается к данной проблеме еще в 2001 г. в своей работе «Права человека как политика и идолопоклонничество». Он утверждает, что проблемы нарушения прав этнических меньшинств в многонациональных странах лучше решать в рамках государства, усиливая его конституционные основания. Этот подход работает в случае, если государство демократическое. Однако если права этнических меньшинств нарушаются в авторитарных государствах, то сепаратизм вполне оправдан. И все-таки исследователь приходит к выводу, что любая страна, в которой есть правительство, лучше, чем страна, в которой его нет. Роль международных правозащитных организаций, таких как ОБСЕ, нельзя недооценивать, именно они позволяют сохранить суверенитет государства, защищая права меньшинств, проживающих в нем. Не менее важна концепция Г. Эванса «Обязанность защищать» (R2P), которая допускает право вторжения других государств на территорию суверенного государства в случае угрозы геноцида или его реальности. Целью данного доклада является знакомство и постановка дискуссионных вопросов по правам человека и конституционализма в западном научном дискурсе.

В рамках данного доклада будут рассмотрены проблемы сепаратизма, конституционализма, роли международных организаций в защите национальных меньшинств, а также концепция R2P (обязанность защищать).

По мнению М. Игнатъевф, к борьбе национальных меньшинств за самоопределение можно относиться по-разному. Если страна демократическая, то такие претензии должны решаться в рамках конституционализма и сохранения государственного суверенитета, как это, например, происходит с французской провинцией Квебек в Канаде. Однако если государство авторитарное и систематически нарушает права национальных меньшинств, то сепаратистские тенденции можно считать обоснованными, как это показывают случаи Шри-Ланки и Руанды.

Надежной защитой против нарушения прав человека могут быть конституционализм и привлечение к данной проблеме международных организаций типа ООН и ОБСЕ. Конституционализм позволяет ослабить доминирование титульной нации и учесть интересы национальных меньшинств в государственном устройстве в отношении их культурного и языкового наследия. Независимое гражданское общество является необходимой экономической основой для многоэтнического плюрализма, а также для

конституционализма. Также нельзя недооценивать роль международных организаций в защите прав национальных меньшинств. Так, ОБСЕ осуществляет мониторинг и рассматривает обращения этносов, не имеющих своей государственности. По мнению канадского ученого, нужно в любом случае стремиться к решению вопросов о защите прав национальных меньшинств внутри государства, так как «свободы граждан лучше защищены их собственными институтами, чем благонамеренным вмешательством посторонних» [Ignatieff 2001: 36]

Деятельность международной комиссии, сформированной при правительстве Канады в 2000 г., имела еще более далеко идущие последствия. Комиссия пришла к выводу, что не надо дожидаться геноцида населения, а нужно действовать, если есть какая-то угроза. Так появилось понятие обязанности защищать (R2P), которое, по сути, легализовало право превентивного военного вмешательства, которым и воспользовались США уже в 2003 г. в ходе войны в Ираке [Evans 2008: 38–39]. В результате сложился прецедент, который позволил утверждать странам коллективного Запада необходимость внесения изменений в Устав ООН, чтобы легализовать данное право сильных стран вмешиваться в дела других государств, когда речь идет о массовом нарушении прав человека.

Страны НАТО вмешиваются не для захвата территории, а для установления мира и стабильности, а затем они уходят. Мандат НАТО заключается в восстановлении самоопределения, а не в его уничтожении. Однако, обосновавшись в долгосрочных протекторатах в Боснии, Косово, Восточном Тиморе, страны НАТО ведут себя как имперская полиция с имперскими обязательствами.

С конца 1990-х гг. появилось три критерия для военного вмешательства [Ignatieff 2001: 40]:

1. Нарушение прав человека должно быть грубым, систематическим и повсеместным.
2. Нарушение прав человека должно представлять угрозу международному миру и безопасности в окружающем регионе.
3. Военное вмешательство должно иметь реальный шанс положить конец нарушениям.

И дополнительный критерий, применяемый на практике: рассматриваемый регион должен представлять жизненно важный интерес по культурным, стратегическим и геополитическим причинам для одной из могущественных стран мира, а другая могущественная страна не должна возражать против использования силы.

Таким образом, защита прав человека, особенно когда это касается их массовых нарушений в отношении национальных меньшинств, которые

не имеют своей государственности и своих органов власти, является задачей сложной с точки зрения ее решения в рамках международного права. Канадский ученый М. Игнатьефф настаивает на том, что решение данных вопросов в рамках конституционализма – желательный подход, хотя допускаются и варианты силового вмешательства других стран в разрешение конфликта, если ситуация в стране приобрела форму массового геноцида.

Источники

Evans G. 2008. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All*. Washington DC: Brookings Institution Press. 349 p.

Ignatieff M. 2001. *Human Rights as Politics and Idolatry*. Princeton: Princeton University Press. 187 p.

The Kosovo Report... 2000. *The Kosovo Report. The independent International Commission on Kosovo*. Oxford: Oxford University Press. 372 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

Томин Леонид

Коллективное мышление Воображаемой партии. Рецензия на книгу «Тиккун» «Кибернетическая гипотеза» (М.: Гилея, 2022)

Томин

Леонид Владимирович –
кандидат политических наук,
доцент кафедры политического
управления
Санкт-Петербургского государ-
ственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Для цитирования:

Томин Л.В. Коллективное мышление Воображаемой партии. Рецензия на книгу «Тиккун» «Кибернетическая гипотеза» (М.: Гилея, 2022) // Публичная политика. 2022. Т. 6. № 2. Doi: 10.31856/2541-8351_2022_6_2_123

Аннотация

Рецензия на книгу французского коллектива «Тиккун» «Кибернетическая гипотеза», в которой исследуется трансформация модуса функционирования власти во второй половине XX в. Авторы на основе концепций Ж. Делеза, М. Фуко и Г. Дебора предлагают оригинальный вариант контристики, где неолиберализм и «цифровая экономика» вписаны в общую логику перехода от либеральной модели управления к кибернетической.

Ключевые слова: «Тиккун», кибернетика, неолиберализм, Ж. Делез, Г. Дебор.

Tomin Leonid

Collective thinking of the Imaginary Party. Book Review: Tiqqun. The Cybernetic Hypothesis. (M.: Hylea, 2022)

Tomin Leonid V. –

*Associate professor,
Department of political governance
Saint Petersburg University.*

To contact the author:

leopolit@yandex.ru

Abstract

A review of the book by the French group Tiqqun “The Cybernetic Hypothesis”, which examines the transformation of the mode of functioning of power in the second half of the 20th century. Based on the concepts of G. Deleuze, M. Foucault and G. Debord, the authors offer an original version of counter-history, where neoliberalism and the “digital economy” are inscribed in the general logic of the transition from a liberal model of governance to a cybernetic one.

Keywords: Tiqqun, cybernetics, neoliberalism, G. Deleuze, G. Debord.

*Либерализм отныне – лишь остаточное обоснование,
алиби для преступления,
ежедневно совершаемого кибернетикой.
«Тиккун». «Кибернетическая гипотеза»*

Введение

В последнее десятилетие многие ученые и политики задаются вопросом: почему, несмотря на глобальный финансовый кризис 2008 г. и усиление негативных социально-экономических эффектов неолиберализма, его гегемония сохранилась на уровне идеологии и практической политики? [Mirowski 2013: 4–25]. Возможно, для понимания ситуации необходимо изменить концептуальную рамку размышлений, выйдя за пределы проблематики «кризиса неолиберализма»? Основой альтернативного нарратива могут послужить теории «надзорного капитализма» (Ш. Зубофф) или «капитализма платформ» (Н. Срничека), описывающие трансформацию экономики и управления в условиях бизнес-модели, основанной на сборе и монетизации данных.

Французский коллектив «Тиккун» два десятилетия назад предложил интересный вариант контристории второй половины XX в. В его центре гипотеза о трансформации логики функционирования власти, переходе от либеральной модели управления к кибернетической. В рецензии мы постараемся продемонстрировать, что так называемая «кибернетическая гипотеза» лучше, чем популярные сегодня теории «надзорного капитализма» и «капитализма платформ», объясняет основной вектор происходящих изменений.

«Тиккун» сформировался в 1998 г. в результате объединения усилий участников студенческих забастовок в Сорбонне и Высшей нормальной школе. В «оккупированных» студентами аудиториях формировались стихийные коллективные форумы, где обсуждались проблемы современного общества. «Тиккун» просуществовал всего три года, за это время было издано два номера одноименного журнала (№ 1 – февраль 1999 г.; № 2 – сентябрь 2001 г.), позже отдельные публикации из него вышли в виде книг [Тиккун 2022б: 13–16].

«Тиккун» функционировал как горизонтальная структура – машина коллективного мышления и письма, общий дискурсивный поток, где выделение индивидуального авторства лишено смысла. Все опубликованные тексты подписаны именем коллектива, нам известны только имена участников (Жюльен Б., Фульвия К., Реми Р., Лоран Ж. и т. д.). Авторский коллектив в течение трех лет претерпел ряд изменений, несколько человек покинули журнал и группу после выпуска первого номера. Весь корпус текстов коллектива можно разделить на два периода, исходя из частичной трансформации проблематики и круга авторов работ, на которые они опирались.

Экономика как черная магия

Первый период отмечен влиянием теорий и организационных практик сюрреализма и ситуационизма, концепций Г. Лукача, В. Беньямина, М. Хайдеггера, Дж. Агамбена, Х. Арендт и М. Мосса. Среди перечисленных направлений и фигур примечательно обращение к традиции «романтического марксизма» (термин М. Леви), во Франции приверженцы структурализма и постструктурализма долгие годы старались максимально далеко уйти от гуманистической проблематики отчуждения человеческой сущности.

«Тиккун» начинается с деконструкции антропологической модели, находящейся в основании различных концепций формирования рыночных отношений и капиталистической экономики. Зонтичное понятие «утилитаризм» в трудах французского коллектива обозначает теории, анализирующие действия индивида через призму экономической рациональности и принципа максимизации полезности. Радикальные утилитаристы превращают «человека экономического» (*homo economicus*) в трансисторическую модель субъекта, проецируют ее в прошлое вплоть до древности. В подобных метафизических построениях происходит натурализация рыночного поведения, когда в глубинах истории обнаруживают неолиберальную модель субъекта-предпринимателя.

Многие представители современной критической теории остались в плену утилитаризма, пример – бодрийеровский анализ политической экономии знака и потребительной стоимости [Тиккун 2022а: 15–16]. Избавиться от утилитаризма можно при условии тотального отказа от проблематики полезности. «Тиккун» предлагает для этого использовать исследования М. Мосса об устройстве экономики дара, построенной на взаимном непосредственном обмене материальными благами. Современный индивид в капиталистической экономике, по мнению французского коллектива, продолжает действовать, руководствуясь аналогичной символической логикой.

Они полагают, что «в противовес весьма распространенным на Западе идеям, которые отстаивали Аристотель и Маркс, в первобытном мире сюртук на сюртук все-таки обмениваются. Теперь, когда нам понятен всеобъемлющий характер Дара, нет ничего странного в том, что и труд тоже подчинен Дару: причем от производителя к другому индивиду физически передается не только продукт труда, но и – что более символично – сам труд является собой предмет гордости для производителя и прежде всего знаковый элемент Публичности. В итоге можно даже сказать, что труд – это форма обмена, то есть выражение Дара. И Дар как фигура Публичности также предстает в виде сочетания труда и обмена. А если еще прибавить, что материальный дефицит в жизни первобытного общества по большому счету отсутствует, то можно в пух и прах разнести привычную теорию, согласно которой человек якобы всегда трудился только для того, чтобы добыть себе пропитание,

а в первобытном обществе трудиться приходилось якобы упорнее, чем в любом другом, из-за гипотетического несоответствия количества «средств производства» столь же гипотетическим «потребностям» [там же: 22–23].

В. Беньямин считал капитализм воплощением религиозного культа в наиболее чистой форме, его универсализм основан на отсутствии особой теологии и догматики. В рамках капиталистической экономики поведение индивидов выглядит утилитарным, в реальности оно подчинено символической логике и представляет собой последовательность культовых действий. Для утилитариста деньги – это средство платежа и обращения или мера стоимости, В. Беньямин описывает их метафизические свойства и предлагает сравнить купюры с иконографией святых [Беньямин 2010: 22–23]. «Тиккун» отождествляет устройство машинерии капитализма с черной магией, соединяя марксистский анализ влияния товарной формы на социальные отношения с открытой антропологами логикой символического обмена.

«Два товара априори и по-настоящему равнозначны. И лишь во вторую очередь, на поверхности, они кажутся своеобразными. Товар всегда должен казаться своеобразным, в этом вся его мана. Только тогда он становится желанным; иными словами, заключенная в нем идея обмена как условия равнозначности приобретает публичное выражение и, следовательно, может участвовать в магическом ритуале потребления. Сперва этот ритуал утверждает абсолютную меновую равнозначность товара, а затем абсолютная потребительная равнозначность деспотично и резко обрекает всех Блумов, купивших этот товар, на обеднение. Видимое своеобразие оказывается рыночным, то есть лишенным каких бы то ни было отличий. И нет больше маны» [Тиккун 2022а: 43–44].

Субъективность эпохи Спектакля

«Тиккун» развивает идею основателя ситуационизма Г. Дебора о том, что современная «эпоха Спектакля» – это финальная стадия процесса отчуждения сущности человека, время «абсолютизма равнозначности». Рынок, поглотив общество, заменил социальные связи товарными отношениями. С первого периода важное место в трудах французского коллектива отводилось изучению трансформаций управленческого диспозитива, играющего основную роль в процессах субъективации индивидов. Сначала они называли тип субъективности, сформированный идеологическими аппаратами в ответ на угрозу революции после Первой мировой войны, – Девушкой [Тиккун 2014: 12].

Данное понятие не определяет гендер или возраст, Девушкой может быть кто угодно, главное, что характеризует данный тип субъективности – полное растворение в логике капитала («кульминационная точка антропоморфизации капитала»). В фигуре Девушки соединены субъект и объект капитализма,

она одновременно является потребителем и товаром. Она следует тенденциям моды, сравнивает себя с другими, подобно одному из товаров на рынке, и воспринимает свое тело и социальные связи как капитал.

В последующих работах на первый план выходит другой тип субъективности – Блум, названный в честь героя романа Д. Джойса «Улисс». Фигура Блума – результат теоретического синтеза; помимо концепции отчужденной человеческой сущности, взятой из гуманистического марксизма, здесь используются элементы философии М. Хайдеггера – понятие Люди (*Das Man*), обозначающее модус неподлинного безликого существования человека в массовом социуме [Тиккун 2022б: 26].

Блум – это «видимость личности», «индивид без индивидуальности», являющийся итоговым продуктом процесса разрушения классического субъекта буржуазной эпохи. У него нет субстанциальных установок – это остаток субъективности, «итог вторжения товара во все сферы человеческих взаимоотношений» [там же: 31–40]. Фигура Блума имеет социологическое измерение – это одинокий пролетарий, существующий в период, когда традиционные организации рабочего класса (левые партии, профсоюзы) находятся в глубоком кризисе. Он является полной противоположностью теории Г. Лукача о пролетариате как мессианском коллективном субъекте истории [там же: 10].

Формирование субъективности Блума связано с опытом существования в современном мегаполисе, «Тиккун» развивает идеи В. Беньямина о фланере и трансформации чувственности в эпоху модерна. Мегаполис – эпицентр Спектакля, где господствует универсальная товарная форма, место максимального отчуждения и «утрата историчности» [там же: 41–42].

Превращение Блума в активный политический субъект возможно через осознание своего положения тотальной отчужденности в рамках Спектакля. «Через самосознание Блум становится врагом Спектакля, поскольку в этой социальной модели он начинает видеть то, что лишает его бытия. Следовательно, он принимает императив сообщества, признает необходимость освободить общее пространство от власти рынка» [там же: 110].

Самостоятельно преодолеть отчуждение Блум не способен, для этого необходим акт коллективной реапроприации городского пространства и пересоздание социальной ткани общества вне тирании рынка. «Блум, уничтожающий в себе Блума и возвращающий себе в рамках сообщества собственную внешность и Публичность, возвращает их себе в первоначальном виде, а значит, расстояние, однажды отделившее его от них, не исчезло: оно навечно останется в его сознании. Он воспринимает свою сущность как нечто находящееся вне его самого, задействованное в сообществе и фактически нарушающее его целостность» [там же: 118–119].

В предисловии к российскому изданию трудов коллектива один из участников в качестве примера политического действия Блумов назвал движение «желтых жилетов». Это один из возможных вариантов обретения самосознания от первоначально стихийного протеста против роста цен на бензин, через формирование сообщества на местных собраниях и ассамблеях до нового типа политического субъекта, стоящего в оппозиции неолиберальному курсу Э. Макрона. Этот новый субъект продолжает существовать как непартийная и внепарламентская сила, которую власти не смогли кооптировать в традиционные формы respectable политического процесса.

Кибернетическая власть

Во второй период существования благодаря новому участнику (Лорану Ж.) фокус размышлений коллектива сместился в сторону концептуального осмысления войны как широкого философского понятия в русле философии Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Из круга авторов первого периода важнейшая роль осталась за Г. Дебором, сохранилось влияние Дж. Агамбена и В. Беньямина. Работой, обозначившей проблематику второго периода, можно считать «Отчет об одном из имперских механизмов для общества продвижения криминологии», где впервые намечена так называемая «кибернетическая гипотеза».

«Отчет» построен как полевое исследование торгового центра Bluewater, находящегося недалеко от Лондона. Его архитектура и внутреннее устройство на уровне «политического бессознательного» отражают структурные противоречия неолиберализма и трансформацию технологий управления. Bluewater расположен вне городского пространства в отличие от универсальных магазинов середины XIX в., описанных В. Беньямином. Эта закрытая зона комфорта и потребления может существовать только как отдельное утопическое не-место, поскольку неолиберализм, усилив классовую власть элит, разрушил иллюзию гомогенного эгалитарного социального пространства [Тиккун 2022а: 95].

Архитектурный план и система безопасности Bluewater – иллюстрация нового диспозитива власти, пространство тотальной прозрачности, оснащенное системой камер наблюдения. «Один из фронтов кибернетики состоял в том, чтобы сделать системы слежки и надзора замкнутыми, так чтобы за надзирателями или следящими тоже надзирали и/или следили, что по мере социализации контроля стало визитной карточкой «информационного общества» [Тиккун 2022в: 60].

«Тиккун» в работах второго периода развивает концепцию власти, изложенную Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в работе «Тысяча плато». Функционирование капитализма по сравнению с предыдущими формациями

основано на непосредственном моделировании и производстве определенных типов субъективности. На уровне микрополитики он действует по двойной логике субъективации/десубъективации, структуры социального подчинения осуществляют первое, а механизмы «машинного порабощения» – второе. «Мы различаем машинное порабощение и социальное подчинение как два отдельных концепта. Порабощение существует, когда сами люди являются составными деталями машины, которую они komponуют между собой и с другими вещами (животные, инструменты) под контролем и руководством высшего единства. Но есть подчинение, когда высшее единство конституирует человека как субъекта, который относится к объекту, ставшему внешним, так что этот объект сам может быть животным, инструментом или даже машиной – тогда человек уже является не компонентой машины, а рабочим, потребителем» [Делёз, Гваттари 2010: 776].

Кибернетическую гипотезу необходимо рассматривать как развитие тезиса Ж. Делёза о трансформации модуса функционирования власти – перехода от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля» [Делёз 2004: 226–227]. Теория «дисциплинарного общества» разработана М. Фуко для описания управленческого диспозитива, сложившегося в период с конца XVIII до середины XIX в. Система власти в данном диспозитиве функционирует на основе нескольких ключевых элементов.

Во-первых, система локализации и контроля перемещения индивидов в жилых кварталах, возникшая в период эпидемий, но впоследствии ставшая одним из механизмов повседневного управления [Фуко 2015: 240]. Во-вторых, специальные институты, дисциплинирующие тела, формирующие и воспроизводящие послушные («нормальные») типы субъективности (школа, завод, армейская казарма) или исключаящие «опасные классы» (тюрьма, сумасшедший дом) [там же: 166–170].

«Тиккун» соединяет концепцию «общества контроля» с гоббсовской идеей войны как скрытого и постоянно вытесняемого основания социального порядка. В курсе лекций «Нужно защищать общество» 1975/1976 г. М. Фуко расширяет понятие войны и утверждает, что «политика – это война, продолженная другими средствами», технологии мобилизации ресурсов и колонизации территорий переносятся для целей поддержания порядка и контроля собственным населением [Фуко 2005]. «Тиккун» говорит об актуальности данного тезиса и сегодня, современное государство создает иллюзию гражданского мира, однако неолиберальная политика является продолжением гражданской войны другими средствами [Тиккун 2022д: 47].

Либеральная модель управления развивалась в XVIII и XIX вв. на основе публичной сферы и полиции, Первая мировая война и подъем революционных движений положили ей конец. На протяжении большей части XX в.

формируется Империя, в рамках которой «полиция становится Биовластью, а Публичность превращается в Спектакль» [там же: 82]. В своих работах «Тиккун» предлагает один из вариантов написания контр истории XX в. В нем переопределяется смысл ключевых событий: например, переход от кейнсианства к неолиберализму утрачивает значение парадигмального сдвига. Он включен в качестве одного из моментов в нарратив формирования кибернетической модели управления.

Кибернетическая власть функционирует на основе управления потоками информации, для этого в социальную ткань общества необходимо интегрировать сеть сбора и доставки данных. Вместо общества формируется социотехнологическая сборка (ассамбляж), процесс субъективации индивидов теперь неотделим от техносферы. Ж. Делёз и Ф. Гваттари отмечали, что подобная модель власти основана на «рекуррентных и обратимых “человекомашинных системах”, которые замещают прежние нерекуррентные и необратимые», отношение «между человеком и машиной осуществляется в терминах внутренней взаимной коммуникации, а не в терминах использования или действия» [Делёз, Гваттари 2010: 778].

Всеобщая подключенность создает технологическую основу для ситуации «тотальной прозрачности». В кибернетической модели управления для власти одной из важнейших задач становится обуздание неопределенности. Кибернетика второго порядка описала модель управления, где дихотомия «иерархия – сеть» становится нерелевантной, поскольку в ней власть функционирует как рекурсивная горизонтальная сеть [Томин 2021: 24–26]

«В 1953 г., в разгар развития кибернетической гипотезы в естественных науках в свет выходит работа “Нервы управления”, где Карл Дойч, американский профессор общественных наук, всерьез рассматривает политические возможности кибернетики. Он предлагает отбросить старые концепции суверенитета власти, которые слишком долго составляли ядро политики. Управлять – отныне значит изобрести рациональный способ координации информационных потоков и потоков решений, бегущих по телу общества. Этому, говорит он, способствуют три условия: установка достаточного количества датчиков, чтобы не упустить никакой производимой “субъектами” информации; группировка информации через поиск корреляций и объединение; умение находиться поблизости всякого живого сообщества» [Тиккун 2022в: 19–20].

Ф. Миrowski детально изучил влияние военных исследований и кибернетики на развитие неоклассической экономической теории (теория игр) [Mirowski 2002]. Индивид, согласно подобным концепциям, ведет себя как калькулирующий автомат, с неизменной системой предпочтений, рационально выбирающий стратегию поведения. Для «Тиккун» эти теории не

нейтральное научное описание, а принцип построения новой модели управления и технологий производства субъективности. Кибернетическая логика поглощает государство и рынок, полностью вытесняя остаточные либеральные элементы. «Тиккун» зафиксировал вышеперечисленные изменения почти на два десятилетия раньше, чем Ш. Зубофф выдвинула теорию «надзорно-го капитализма».

Рожденный эпохой Просвещения, находящийся в основании классического либерализма принцип автономного рационального индивида в последние годы ставится под сомнение. Наиболее показательный пример – «теория подталкивания» (наджинг) Р. Талера и К. Санстейна, претендующая на статус новой надпартийной философии управления (либертарианский патернализм). Государство совместно с частным сектором формирует в различных сферах так называемую «архитектуру выбора» – систему воздействия на выбор индивида, основанную в том числе на использовании когнитивных искажений. Идеологи либертарианского патернализма утверждают, что «подталкивание» не ограничивает свободу выбора, а помогает делать правильный выбор в интересах самого человека или содействует установлению оптимального варианта выбора «по умолчанию» в сферах, где это необходимо.

Модель рационального субъекта, кантианский принцип автономии были ядром либеральной философии, они лежали в основе идеи минимизации государственного вмешательства. А. Хачатуров справедливо отмечает, что основы поведенческой экономики представляют собой радикальный разрыв с традицией классического либерализма. «Современное понимание свободы, присущее поведенческим экономистам, имеет больше общего с нейронауками. По аналогии с подсознательными импульсами головного мозга, которые человек не может предотвратить, но может попытаться заблокировать, психологический субъект наделяется «правом вето» против решений, предлагаемых архитекторами выбора, но не интенциональностью или автономией в кантианском смысле слова. Это значит, что государство может легитимно вмешиваться в процесс принятия решений для предотвращения «провалов субъекта». Таким образом, непознаваемость экономических процессов – константа для предыдущих форм либеральной правительности – перестает быть необходимым условием управления экономикой. Функция природы человека по сравнению с «хитиновым покровом» либерализма меняется на 180 градусов: то, что раньше защищало от интервенций государства, теперь может использоваться для их легитимации» [Хачатуров 2020: 50].

Примером реализации кибернетической модели управления является «умный город» – социотехнологический ассамбляж, новый тип пространства, управляемый рекурсивными алгоритмическими механизмами, функционирующими на основе обработки данных. М. Кривы описывает «умный город»

как кибернетическую систему, где управление индивидами осуществляется «через реконфигурацию информационной и физической инфраструктуры» где власть «подталкивает» индивидов совершать (или не совершать) различные действия через «стимулы, производящие рефлекторные реакции, а не интерпретацию и рефлексию» [Krivy 2016: 16].

Воображаемая партия против Империи

Кибернетическая власть стремится к уничтожению политики, единственная сила, способная бросить ей вызов, – Воображаемая партия. Это не политическая организация, а негативное множество Блумов, не имеющих класса [Тиккун 2022г: 8]. Воображаемая партия отрицает принцип политической презентации, она «ни в коем случае не претендует на то, чтобы получить свою легитимность от Народа, от Общественного мнения, от церкви, от Нации, от Рабочего класса, пусть даже и опосредованно» [там же: 50].

Для сопротивления модели власти, основанной на «тирании прозрачности», сначала необходимо создать «вакуоли не-коммуникации» (термин Ж. Делёза). «Создать зону непрозрачности, где можно вращаться и свободно экспериментировать, не проводя информационные потоки Империи, – значит создавать «анонимные единичности», воссоздавать условия для возможного опыта – опыта, который не подомнет под себя тотчас же двоичная машина, назначающая ему смысл» [Тиккун 2022в: 145].

Воображаемая партия не авангард, стремящийся к захвату власти; ее цель – спровоцировать паралич и имплозию властных механизмов. Сопротивление «тирании прозрачности» не означает бегства от цивилизации, оппозиция кибернетической власти должна использовать существующие технологии. Тактика сопротивления Воображаемой партии может носить характер актов «замедления потоков товаров и людей, предугадывающий центральную характеристику кибернетического капитализма, поскольку он – движение к движению, воля к власти, общее ускорение» [там же: 132]. Разрушение «имперских механизмов» в теории «Тиккун» можно сравнить с эффектом резонанса, которым иногда объясняют случаи неожиданного разрушения мостов. Революционный взрыв произойдет, когда внутренние колебания системы совпадут с направленным действием активистов Воображаемой партии.

Источники

Беньямин В. 2010. *Учение о подобии: медиаэстетические произведения*. М.: Изд. центр РГГУ. 288 с.

Делёз Ж. *Переговоры*. 2004. СПб.: Наука. 235 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург, М.: У-Фактория, Астрель. 895 с.

- Тиккун. 2014. *Теория девушки*. М.: Гилея. 132 с.
- Тиккун. 2022а. *Об экономике как черной магии*. М.: Гилея. 104 с.
- Тиккун. 2022б. *Теория Блума*. М.: Гилея. 128 с.
- Тиккун. 2022в. *Кибернетическая гипотеза*. М.: Гилея. 158 с.
- Тиккун. 2022г. *Тезисы о Воображаемой партии*. М.: Гилея. 76 с.
- Тиккун. 2022д. *Введение в гражданскую войну*. М.: Гилея. 152 с.
- Томин Л.В. 2021. Кибернетическая модель управления: субъективации индивидов в социотехнологической среде «умного города». – *Публичная политика*. Т. 5. № 2. С. 17–28.
- Фуко М. 2005. *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука. 312 с.
- Фуко М. 2015. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс. 416 с.
- Хачатуров А.Д. 2020. Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики. – *Экономическая социология*. Т. 21. № 2. С. 39–61.
- Krivy M. 2016. Towards a critique of cybernetic urbanism: the smart city and the society of control. – *Planning theory*. Vol. 17. № 1. P. 8–30.
- Mirowski P. 2013. *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*. London; New York: Verso Books. 496 p.
- Mirowski P. 2002. *Machine Dreams: Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 672 p.

Михаил Юрьевич Мизулин: «Мы не имеем права на поверхностные суждения. У нас нет времени для этого»

*Как исчисляется время в России, текст действует лучше проекта или наоборот, почему политология невозможна без рисков, из-за чего политкорректность – это ржавчина, где рождается право, в чем трагедия общества, насколько оправдывает себя уголовный процесс? Обо всем этом и о многом другом мы побеседовали с **Михаилом Юрьевичем Мизулиным**, кандидатом философских наук, доцентом факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, правообладателем государственного патента «Государственный форум имени Ярослава Мудрого», экспертом конкурсных и аттестационных комиссий органов государственной власти Российской Федерации.*

Дарья: Какой собственный проект (или должность) для Вас наиболее значим и почему?

Михаил Юрьевич: Отмечу несколько моментов. Во-первых, я понимаю, что политическое знание всегда, а особенно сейчас, строится как проектное знание. До появления интернета можно было говорить о том, что способом формирования политического знания может быть текст или публикация. У меня так и получалось. В 1987 году я написал статью о том, сколько у нас «комсомолов»: один или два? Мои рассуждения и утверждения строились на диалектическом методе разрешения противоречий. Текст содержал вывод о том, что есть идеократический комсомол, государственно-бюрократическим образом встроенный в аппарат КПСС, и есть массовый, но молодежной политики нет. Исходя из этого строилась гипотеза формирования молодежной политики как политики, построенной на базовых ценностях молодежи в сферах образования, труда, спорта, службы в вооруженных силах, семейно-брачных отношений и молодежной культуры. Собственно, благодаря этой публикации и состоялось мое формирование как автора. Создавалась уникальная творческая ситуация, при которой можно было нести политическое знание через текст, как делают до сих пор многие авторы. В настоящее время этого

недостаточно. Политическое знание сейчас формируется не только и не столько текстами, сколько через политические проекты.

Я бы выделил как минимум три таких проекта из пары десятков, которые я выполнял как руководитель, участник и автор.

Первый мы с коллегами по научному цеху делали на рубеже 1983–1985-х годов, когда после защиты диссертации в области философии у меня были хорошие связи в философском обществе Академии наук СССР. Москвичи из молодежной секции философского общества мне тогда рассказали, как делать публикации для молодых авторов, к числу которых я тогда и принадлежал. Чтобы вы понимали, для аспирантов опубликоваться тогда было действительно большой проблемой, потому что существовали цензура и строгая иерархия, что, конечно, хотелось преодолеть. Мне подсказали, что это возможно, если я как председатель Совета молодых ученых (а я, тогда как раз и занимал эту должность в Ярославском государственном университете имени П.Г. Демидова) смогу согласовать формат издания тезисов университетской конференции с проректором по науке и потом сходиться в обком партии со словами: «Мы желаем издавать тезисы к научным конференциям».

Я выполнил эту процедуру, и в итоге мы начали проводить конференции, в которых участвовали аспиранты по всем номенклатурным специальностям университета в области естественных и гуманитарных наук. К моменту конференции выходили сборники статей, и по итогам этих мероприятий как минимум сто аспирантов на базе этих публикаций защитили кандидатские диссертации. Это был прорыв. При этом интересно было наблюдать за возрастной профессурой, потому что доктора наук в возрасте начали писать в наши сборники свои тексты. Мы их принимали, но только при условии, что они станут вторыми после аспирантов и авторское право будет первично за аспирантами. Даже профессора с большим научным стажем работы на это соглашались.

Второй проект – реализованный в 2001–2003 годах всероссийский проект – мониторинг уголовно-процессуального кодекса, который проводился парламентариями и учеными-экспертами при согласии с администрацией президента РФ. Драйвером проекта выступала заслуженный юрист Российской Федерации Елена Борисовна Мизулина. В 30 научно-практических конференциях в 55 субъектах России приняли участие порядка 10 000 судей и правоприменителей. Я сам не занимался юриспруденцией, но с группой математиков и социологов мы вели очень важную работу, связанную с перспективами реформы отечественного правосудия. А реформа была колоссальная, потому что это был уход от инквизиционного советского уголовного процесса и переход к классическим международным принципам уголовного судопроизводства. Даже соавтор проекта, а сейчас уже Уполномоченный по правам

человека Российской Федерации, Татьяна Николаевна Москалькова тогда говорила, что данный проект заслуживает государственной премии.

Третье – это, конечно, оформление и идея патента государственного форума имени Ярослава Мудрого и перевоплощение его в форум политический в честь тысячелетия Ярославля.

Об этих проектах существует достаточно много литературы и при желании с ней можно ознакомиться.

Д.: А если продолжить про форум в Ярославле? В одном из своих интервью Вы сказали, что тогда одобрение властей сделало Вас очень счастливым. Насколько это важно для деятельности политолога?

М. Ю.: Тут есть две важные вещи. Надо очень хорошо понимать, что политические проекты в Российской Федерации, равно как и мировые политические проекты, всегда могут состояться как политические проекты только либо при глобальном риске их авторов, либо при согласовании с властями. И ничего плохого нет, если, например, ты согласишься этот проект с властями, потому что своими действиями ты задаешь власти другую матрицу или другой тренд поведения, другое видение. Сейчас я, например, готов закладывать новый политический тренд в рамках политологии права без согласования с властями, понимая, что власти как таковой это не касается, а касается многих действующих ее институтов. В случае же с Ярославлем связь была непосредственная, потому что в рамках форума мы рассуждали над вопросом о том, что такое государство. И я, соответственно, пошел по пути согласования, причем это было не только мое решение. Этому действию предшествовал экспертный семинар в Ростове Великом, участниками которого были профессора Л.В. Сморгунов, В.С. Комаровский, О.Ф. Шабров, Л.Н. Тимофеева и многие другие известные ученые. Мы решили, что рационально предложить идею губернатору, через него президенту России, и в итоге получили поддержку. Все состоялось. Как говорится: «Звезды сошлись!»

Можно ли делать это без согласования с властями? Я убежден, что да. Я, кстати говоря, почти всегда так делал. Важно понять, что тему сегодняшнего политического мира надо обсуждать предельно серьезно.

Д.: Если ты в России идешь не по пути власти, то рискуешь. В других странах так же?

М. Ю.: Когда находишься в ситуации осмысления политического мира, ты должен понимать, что предельно чист, то есть со стороны власти к тебе нет никаких претензий. С другой стороны, важно понимать, что сдерживать себя в бессмысленных согласованиях и не рисковать нельзя, иначе нет смысла заниматься научной работой. Политическая идея возникает как озарение. Далее

следует фаза ее представления в политический мир, ее оформление, трансляция и удержание перед оппонентами и продвижение в практику со сторонниками. В результате создается ситуация, которая показывает принципиальное различие о том, как думают о политике люди, которые находятся в ней, и те, которые находятся в мышлении о ней. Поэтому, если не находиться в ситуации дерзновения, откровения, поиска истины, нет смысла пребывать в политической науке.

Д.: А современная политкорректность корректна?

М. Ю.: Это ржавчина, в известном смысле рудимент прошлого. Это нежное политическое изобретение. Оно ни в коем случае не должно ограничивать современную политическую мысль и практику ее реализации.

Д.: Вы писали, что «в России многое непонятно». А насколько давно непонятно?

М. Ю.: Всегда. Россияне – это своеобразный политический космополит. Он почему-то думает про все мировые системы, про ситуации жизни в Африке, в Азии и так далее. Никто не думает так в других странах. Не то что Россия считает себя выше всех остальных, нет. Просто так получилось. У России очень сложные взаимоотношения с пространством и временем. Кстати говоря, Петр Яковлевич Чаадаев даже писал, что у нас крайне непонятное чувство времени: все находится в каком-то строительстве, все вещи переносятся из одного места в другое, поэтому здесь «Царь-пушка не стреляет, а Царь-колокол не звенит». И европейцам в принципе непонятно, в каком времени мы живем. Классический европеец всегда находится во времени «здесь и сейчас» и обсуждает именно ситуацию, видимую «здесь и сейчас». Мы же обсуждаем все, что угодно. Посмотрите пропагандистские каналы: там обсуждается абсолютно всё. Однако не обсуждаются глубинные основания происходящего. Это, как правило, делают отдельные мыслители, далеко не всегда представленные в информационном и публичном пространстве.

Д.: А политическое время в России медленнее, чем реальное или, например, любое другое?

М. Ю.: Нет, оно просто не определено или не доопределено. Например, в контексте политологии права у нас нет устойчивых, раз и навсегда данных границ уголовного процесса. В университете уголовному процессу нас учил выдающийся юрист, профессор Я.О. Мотовиловкер, выпускник Йеллонского и Варшавского университетов. И вот он объяснял, что, например, в Польше понятно, когда и какая стадия уголовного процесса начинается и когда заканчивается. А у нас они в принципе не заканчиваются, но при этом как-то начинаются.

Именно «как-то так», по неким ощущениям происходит. У нас тотальная абсолютизация роли уголовного дела и процедуры его возбуждения, потому что буквально по каждому факту оно возбуждается, словно следователь и дознаватель понимают все сложно устроенные явления общественной жизни. У нас нет европейской практики работы со временем. Проблема пространства и времени для нас – это сложный вопрос. Олицетворением его является мультик «Ежик в тумане». Одно из следствий этого процесса – непонимание дисциплины организации общественной жизни, роль личной и персональной дисциплины как выполнение своих ролей и обязанностей в рамках статики и динамики временного пространства. В этом смысле вся надежда на Ваше, Дарья, поколение.

Д.: Если продолжать развивать мысль об уголовном судопроизводстве, то Россия, которая идет к созданию международного уголовного суда, имеет на это право или это не ее прерогатива?

М. Ю.: Это очень сложный вопрос. Европа и США действительно начинают квалифицировать многие события, происходящие в результате украинороссийского конфликта, как уголовно преследуемые и формируют общественное мнение для принятия решения о создании нового уголовного суда с международным участием. Думаю, что и нам надо этим заниматься. В каком объеме, в каком масштабе и как – это уже вопросы второго порядка. Для начала нужен некий «продюсерский центр» вокруг данного вопроса. Мы обязаны точно понимать правовые формы политического действия.

Д.: В теме своего доклада, представленного на Всероссийской конференции РАПН 3 декабря в ИНИОН РАН, Вы формулируете вопрос: «К каким правовым формам следует стремиться политикам для разрешения напряжений/конфликтов/противостояний, включая военные, при становлении парадигмы многополярного политического мира?» А можно ли сейчас сконструировать какую-либо форму, которой бы хотелось достичь, с перспективой на ее реализацию?

М. Ю.: Моя основная задумка в том, что правовая форма является ориентиром политических действий и существует первоначально в проекции, а затем в правотворческой и правоприменительной деятельности. Многие аналитики и политологи процесс политического мышления связывают с некоторым видением будущего. Я же считаю, что можно конкретизировать этот горизонт мышления и представить его рамочный предел в виде определенной правовой формы.

И сейчас мы можем говорить о ряде правовых форм. Во-первых, неплохо будет вспомнить марксистскую формулу о том, что по мере развития исторического процесса право отмирает. Получается, что одним из возможных

базовых ориентиров современной жизни является состояние неправо­вой жизни человека. Я постулирую это положение потому, что считаю, что право­вые отношения возникают тогда, когда не складываются нормальные челове­ческие отношения. Право – это реакция на ненормальные отношения, и толь­ко в таком случае привлекается правовой институт. Однако почему-то сейчас такая идея забыта. Поэтому первая правовая форма – это то, что называлось в марксизме «отмирание права», или, может быть даже, его утилизация. Это своего рода сжатие действующей юридической инфраструктуры. С моей точ­ки зрения, она сейчас неоправданно расширена. В этом смысле тренд поста­новки политического мышления в правовой форме заключается в том, что она, правовая форма политического действия, должна гасить излишне юри­дизированное право как таковое.

Теперь, понимая, что это дальний горизонт, могу сказать, что есть другие исходные правовые формы, с которыми необходимо работать. Во-первых, это верховенство права. Сложный и многогранный политико-правовой про­цесс и институт. Во-вторых, определение издержек правосудия и в целом пра­воохранительной системы, потому что, например, в Российской Федерации это чрезвычайно дорогостоящая для бюджета страны сфера. Если мы назовем гражданам суммы, которые тратятся на судебную и правоохранительную си­стему, каждый из них задастся вопросом о том, как мы можем это оптимизи­ровать и сократить нерациональные расходы. В-третьих, ускорение судопро­изводства. Но не по логике сталинских репрессий, а по логике Стокгольмского или Лондонского арбитражных судов, где каждый бизнесмен, обращаясь с тем или иным судебным иском, понимает срок рассмотрения его дела. Это, кстати, прямое обращение к нашему вопросу о пространстве и времени.

Д.: Что первично относительно права: само право или фундирую­щий его институт?

М. Ю.: Это неправильный вопрос. Вы его задаете в рамках детерминист­ского мышления о причинно-следственных связях. В политике это не работа­ет, а в политологии всё немного сложнее. Вообще, политология – это условное название о том, что есть люди, политологи, понимающие политику. Но в ка­кой мере они понимают политику и право – очень большой вопрос. И пони­мают ли они сцепку того и другого как реальности, из которой и вытекает мно­жество конструкций: государство, преступность, инквизиция, договор, парла­мент, общественная безопасность, общественная опасность, революция, экс­тремизм и многое другое. Все эти политико-правовые формы пройдены и бо­лее или менее описаны в XX веке. Однако вопрос состоит в том, чтобы «по­слать миру» новый проект, который указывает, что человечество, скорее все­го, ищет новые формы права для политиков. Условно говоря, если цитировать

А.М. Пятигорского, то «XX век – это революции, войны, репрессии, насилие, политическая власть», а мы говорим о том, что может быть какая-либо другая форма политических отношений, которая обозначена вектором правового смысла, ограничивающего произвол, насилие, войны, разбой, экстремизм.

Д.: Этот смысл – самое страшное, что может быть в политике?

М. Ю.: Самое страшное – это самоуверенность политиков. А в политологии самое страшное – ложные знания, как и в любой науке. Ученый отличается от неученого именно тем, что он исследует и говорит о ложности не принадлежащего ему знания. Кстати, в определенный момент мы все-таки должны выйти на этот этап и провести верификацию всех политических текстов на ложные и не ложные. Пока мы этого не сделаем, развиваться в научно-институциональном плане не сможем.

Д.: К вопросу о времени: сколько нужно на реализацию проекта?

М. Ю.: Два года. Всё может заработать за два года, а если не заработает – нужно еще два. Но, по крайней мере, в таком случае будет понятно, в каком качестве проект не сможет заработать в принципе. Нужно дерзать, потому что наука – это всегда подвиг и страсть. Страсть открытий и поиска истины. Тем более гуманитарное знание – это не знание естественно-научное, а всегда проектирование метода и постановка себя в такой метод. И в этом смысле – достижение результата. Истина же открывается не только как состоявшийся проектный результат, но и как истина ошибки несостоявшегося проекта.

Политическое знание всегда действует намного наперед, потому что в реальности ему «особо делать нечего». Но оно действует не только исходя из ошибок политиков или их недостаточного опыта политической работы, а появляется как реакция на события. А событие – это факт, при котором действующие политики потеряли инструменты бытия, то есть они не знают, что делать дальше. Мы же как ученые, политическим мышлением обладающие, говорим: делай первое, второе, третье, четвертое. Инструмент нашей работы – мышление и знание, производимое и воспроизводимое мышлением. Более того, нельзя забывать, что наше знание всегда должно быть прикреплено к политическому субъекту, потому что если этой сцепки нет, то получается некая политическая пропедевтика или просто «введение в знание». Политология не может существовать без объяснения и интерпретации реальной политики.

Политика, с одной стороны, – это такая вечная конструкция для анализа и интерпретации, а с другой – динамично меняющаяся переменная. Например, сейчас, когда мы находимся в ситуации третьей или четвертой технологической революции, где бьются за выживание самостоятельные

системы (финансовые, культурные, экономические, экологические, образовательные, преступные, международные и другие), нам надо доказать свое место в данной платформе. Собственно, почему представители всех этих систем в нас нуждаются? Думаю, что на сегодняшний день мы не можем претендовать на управление всеми системами, как было столетие назад. Нам надо искать точку сопряжения с другими общественными системами, понимая не свою доминирующую роль, а ту роль, которую сосуществующие системы отводят политикам. Задача очень сложная.

Д.: А какие сейчас системы бьются сильнее всего?

М. Ю.: Например, в образовании бьется «попытка образовываться», то есть следовать образу как некоторому духовному идеалу, и факт существования всего российского образования – «под финансовым колпаком». Если у менеджмента всех вузов нет идейного императива, а есть императив заниматься «собственным бюджетированием» или «образовательной прибылью», то о каком образовании вообще может идти речь? Пока Россия не ответит на онтологический вопрос о базовом идеале нашего образования в качестве метафизической сущности, мы не пойдем дальше, потому что все пока «подклеено» на финансовую схему, что, собственно, к образованию не имеет никакого отношения.

Д.: В каких еще сферах, кроме образования, у России нет идей?

М. Ю.: В политическом плане идеи есть, и я их понимаю. Но остро стоит вопрос о технологизации этих идей и практики реализации. Мы знаем «что», но мы не знаем «как». Поэтому у нас постоянно знание перемещается в сферу мистики, и мистификаторы говорят: «А мы знаем как...» Отсюда все трагедии.

Д.: В чем тогда главная трагедия общества сейчас?

М. Ю.: Парадоксально, но в общей массе событий и фактов никакой трагедии нет. Не всё хорошо в нашей жизни, конечно. Во-первых, я не вижу мыслителей, которые адекватно схватывают всю «рамку» общества. В условиях марксистской парадигмы существовало огромное количество форумов, школ и конференций, которые обсуждали и определяли общественное бытие в своем пределе. На рубеже 1990-х годов, конечно, выяснилось, что делали они это слишком догматически, но, по крайней мере, делали. Сейчас я не вижу масштабных институциональных проектов, которые этим занимаются. Нельзя говорить о том, что нет какой-то идеи или суммы идей. Идеи есть, потому что на них построена вся русская культура. Но вопрос только в том, до конца ли с этой идеей авторы будут идти, их разрабатывать и практиковать. Во-вторых, не существует институционального центра, который бы

пропитывал ситуацию мышления и фрагментов деятельности на базе общественных проектов. «Склейки» этого процесса тоже нет, потому что многим не хватает совести, так как, если ты переходишь в ситуацию совести, ситуацию морали и этики, то понимаешь, что от тебя зависит парадигма смыслов. И видимо, повторюсь, это удел Вашего, Дарья, поколения.

Д.: Можем ли мы провести какую-то параллель между современной Россией и ее другим историческим периодом? Не откатываемся ли мы назад?

М. Ю.: Наше поколение выходило из тоталитаризма. Был «жизненный драйв», завязанный на том, что с этим идеологическим тоталитаризмом нужно заканчивать. Нами двигала энергетика свободы и освобождения. Не случайно первый проект, про который я Вам рассказал, напрямую связан с «выходом из-под цензуры». Мы все верили, что, выйдя из-под этого тотального контроля, мы совершим многое и лучшее. Но, видимо, мы поняли «что-то не всё» или «не то» – поняли несколько десятилетий назад. Не так нужно было «верстать» ситуацию дарованной нам свободы. Глубинная диагностика сегодняшней ситуации – это фундаментальный вопрос для того, чтобы политически правильно делать следующие шаги. В частности, эту диагностику нужно делать в рамках правовых форм или политологии права. Мы не имеем права на поверхностные суждения. У нас нет времени для этого. Время же на тотальную диагностику у нас есть только в том случае, если мы понимаем, как ее делать.

Д.: А мы понимаем, как ее делать?

М. Ю.: Думаю, да. Необходимо ставить политическое мышление лицам, претендующим на политическую деятельность, чтобы они понимали правовые формы в качестве вектора собственного развития. Огромная прослойка лиц старшего возраста, не понимая, что такое политическая деятельность, творит непонятные для самих себя и молодого поколения вещи. Получается, что вроде бы неоткуда брать новый взгляд на происходящие события. Поэтому многие сейчас ориентируются «в никуда» или живут иллюзиями из прошлого. Надеюсь, что построение правовых форм политического мышления и деятельности способно вывести нас из этого тупика.

*Беседовала Дарья Калапышина,
студентка 1-го курса ОП «Журналистика» НИУ ВШЭ*

Право и политическая наука: октябрьские дискуссии

20–22 октября 2022 г. в Санкт-Петербурге состоялась Одиннадцатая Международная научная конференция «Октябрьские чтения – 2022». Конференция в этом году была посвящена междисциплинарным исследованиям в области политологии и права и прошла под названием «Право и политическая наука: методы, проблемное поле и области пересечения в изучении политических режимов».

Сама конференция была проведена в стенах Санкт-Петербургского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», а организаторами традиционно выступили Межрегиональный гуманитарно-политологический центр «Стратегия», департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и Российская ассоциация политической науки.

В современной гуманитарной мысли существует очевидный консенсус в отношении перспективности междисциплинарных исследований на стыке юриспруденции и политических наук. Никто не станет отрицать, что для понимания конституционализма, государственности, прав человека, политических институтов и практик важно понимать как правовую рамку их существования, так и общий политический контекст их эволюции и функционирования. Между тем при ближайшем рассмотрении выясняется, что взаимодействие двух подходов – юридического и политологического – далеко от полноценной кооперации и может быть охарактеризовано, скорее, как соперничество и взаимное недоверие, усугубляемые конкуренцией между дисциплинами, диссоветами, профильными ассоциациями и журналами.

В результате можно констатировать сохраняющееся принципиальное различие методологических и профессиональных подходов с позиций юриспруденции и политических наук в понимании природы права, политики и конституционных преобразований, дисфункций и путей их преодоления. Выявить эти различия, проанализировать их и наметить пути сближения двух подходов – задача данной конференции. Возможное название этого поля сближения (по аналогии с социологией права) – политология права.

Одиннадцатые Октябрьские чтения проходили уже после ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, поэтому большинство докладов состоялись офлайн, онлайн выступили только коллеги из Великобритании (профессор Ричард Саква) и из Японии (профессор Азиз Исмаатов)

В рамках открытия **в первый рабочий день конференции 20 октября** участников приветствовали А.Ю. Сунгуров, доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ – СПб и президент Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия», председатель оргкомитета конференции, и А.Н. Медушевский, ординарный профессор НИУ ВШЭ – Москва. Было также зачитано приветствие участникам конференции вице-спикера Законодательного Собрания Санкт-Петербурга М.А. Шишкиной.

Первым выступающим стал А.Н. Медушевский с докладом на тему «Конституционный Суд как правовой и политический институт в российской системе власти: итоги и перспективы развития».

По традиции конференции в первый день проходит Молодежный форум, на котором студенты как «питерской вышки», так и других университетов могут представлять результаты своей академической и исследовательской деятельности. В рамках форума выступили шестнадцать студентов различных курсов из НИУ ВШЭ – СПб, СПбГУ и РГСУ.

По результатам работы Молодежного форума жюри, состоявшее из председателей панелей А.С. Вайсберг, Д.А. Стремоухова и А. Чекаленко выбрали трех лучших докладчиков. Ими оказались студенты СПбГУ Д. Поликарпов и В. Пошивалов, а также студентка НИУ ВШЭ – СПб Е. Сытикова.

Завершился Молодежный форум мастер-классом О.Ю. Малиновой, доктора философских наук, академического руководителя аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ. В рамках работы «мастерской» Ольга Юрьевна рассказала студентам о правилах написания литературных обзоров, их видов и особенностей литературной редакции.

Второй день конференции открылся программным выступлением А.Ю. Сунгурова на тему: «На пути к политологии права: некоторые аспекты научного направления». Это выступление вызвало многочисленные вопросы и комментарии участников конференции. Далее параллельно следовали панельные заседания и круглые столы.

Панель 1.1 «Конституционные и уставные суды» прошла под председательством А.Н. Медушевского. Дискутантом выступил ведущий советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук А.С. Карцов. Были заслушаны и обсуждены три доклада: О.В. Комшуковой «Стратегии легитимации решений Конституционного Суда Российской Федерации», О.В. Герасиной. «Уставный суд Санкт-Петербурга: некоторые итоги работы» и А.Е. Захаровой «Институт конституционных и уставных судов в субъектах РФ». Таким образом, в рамках этой панели обсуждались вопросы соотношения права и политики в решениях Конституционного Суда РФ и конституционных и уставных судов субъектов РФ. Констатировалось, что при общем

понимании взаимосвязи правовых и политических факторов в принятии значимых судебных решений остаются дискуссионными методы исследования этого взаимодействия, а также индикаторы, позволяющие доказательно интерпретировать их соотношение и динамику. Было показано, что такими индикаторами могут служить доктринальные установки, характер аргументации и язык (терминология) решений, что продемонстрировано в обсуждении ряда наиболее политически значимых постановлений КС РФ.

Другая сторона вопроса – изучение политической мотивации конституционных поправок и законодательных реформ, приведших к существенной трансформации полномочий конституционных и уставных судов, в тенденции ведущей к их ликвидации. Проанализирован накопленный опыт работы таких судов, их место в системе региональной политической власти и значение выполняемой ими функции медиатора между институтами гражданского общества и администрации. Хотя место и результаты работы уставных судов различаются по регионам – от чрезвычайно пассивной до очень активной позиции, – их анализ позволяет лучше понять уровень правовой обоснованности решений местных властей и развитие обратных связей между обществом и региональной властью. Особенно важен Уставный суд Санкт-Петербурга, опыт которого был признан чрезвычайно информативным в сравнительной перспективе и важным в будущем.

Общая дискуссия по докладам выявила противоположные подходы к проблеме: одни выступают за размывание граней между юридическими и политическими критериями, полагая, что они могут быть интегрированы в едином подходе к оценке судебных решений, другие, напротив, выступают за их жесткое размежевание, полагая, что их различие определяется самим способом мышления юристов (судей) и политиков. В основе спора – различие представлений о политике: сводится она к механизму власти или, напротив, охватывает широкую сферу социальных отношений, включая вопросы производства правовых норм и оценки их исполнения.

Панель 1.2 «Концепция прав человека: развитие в XXI веке» состоялась под руководством М.Ю. Мизулина (РАНХиГС). В рамках этой панели выступили С.И. Глушкова (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург), О.А. Игнатьева (СПбГУ), А.Н. Машкова (НИУ ВШЭ – СПб). Выступления соответствовали тематике докладов, заявленных в программе.

Дискутант Г.Л. Тульчинский в обобщении сделал вывод, что вся проблематика развития прав человека в конечном счете сводится к формам и состояниям субъектности. В качестве позитивных идей следует выделить утверждение С.И. Глушковой о необходимости фиксации состояния *правовой политики* как формы, обобщающей состояние реализации прав человека. Важным следует считать и мнение, высказанное в ходе работы секции Т.И. Марголиной

о необходимости сосредоточения усилий субъектов правовой политики и всех, кто вовлечен в процесс изучения и координации защиты прав человека, на утверждении политики Мира.

Панель 2.1 «Взаимоотношения общества и власти с позиции политологии и правоведения» состоялась под председательством доцента НИУ ВШЭ – СПб А.В. Семенова.

Она была посвящена роли правовых институтов в регулировании отношений между обществом и властью. В первом докладе доцент НИУ ВШЭ И.И. Осветимская предложила классификацию различных моделей коммуникации между обществом и властью. Полагая идеальной моделью двухстороннюю симметричную коммуникацию, исследовательница на примере российского материала выделила различные варианты отклонения от идеала: одностороннюю, двухстороннюю асимметричную, псевдо- и квазикоммуникацию. Многие искажения возникают в результате нежелания сторон поступиться своими интересами для достижения общих целей. В.Г. Марача (РАНХиГС) в своем объемном докладе затронул проблематику восстановления политико-правового пространства России. Используя методологию Г.П. Щедровицкого и принципы системного анализа, он предложил собственное осмысление ситуации с правовыми институтами и варианты решения ключевых политических проблем. П.И. Костогрызов (УрГЮУ) посвятил свой доклад проблеме государственного суверенитета, указав на различия в подходах к этому феномену в политической и юридической науках. Дискутант А.Е. Захарова (НИУ ВШЭ – Москва) отметила, что объединяет доклады проблематика институционализации общественных интересов и роль правовых механизмов в обеспечении качественного диалога между обществом и властью.

Параллельно проходил *круглый стол 2.2 на тему «Соотношение политики и права в деятельности Уполномоченных по правам человека (УПЧ) в субъектах РФ и Совета по правам человека и развитию гражданского общества (СПЧ) при Президенте РФ»*, который вел А.Ю. Сунгуров. В нем участвовали Н.Л. Евдокимова (советник УПЧ в СПб, член СПЧ), Т.И. Марголина (профессор ПГНИУ, член СПЧ, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае (2005–2017)) и А.Н. Толмачев (в настоящее время – помощник депутата Законодательного Собрания СПб А.В. Шишлова, а ранее в течение десяти лет – советник УПЧ в СПб). В дискуссии также участвовала директор Института права и публичной политики О.Б. Сидорович, которая также имела опыт работы в составе Совета по правам человека. Участники круглого стола констатировали существенно менее демократичный характер деятельности Совета после того, как его возглавил В.А. Фадеев.

В завершение второго дня конференции состоялись два пленарных доклада: первым из них был доклад профессора НИУ ВШЭ – СПб

А.А. Ливеровского на тему «Конституционное происхождение политической интуиции», вторым выступил Азиз Исмаев (университет Нагойи, Япония) с сообщением на тему «Деидеологизация и трансформация судебной власти в постсоциалистический переходный период в Азии».

Третий день конференции, 22 октября 2022 г., открылся большим пленарным докладом профессора Университета Кента (Великобритания) Ричарда Саква на тему «За пределами права международной системы: конец эры?».

Секция 3.1 «Опыт деятельности правозащитных организаций в современной России», проходившая под руководством Ю.А. Кабанова (НИУ ВШЭ – СПб), была посвящена обсуждению политологических и правовых аспектов деятельности российских правозащитных институтов и некоммерческих организаций, занимающихся правозащитной деятельностью. Студентка магистерской программы А.С. Вайсберг поделилась результатами исследования, посвященного деятельности организации «ОВД-Инфо»¹. Исследование базировалось на этнографическом подходе, анализе документов и интервью с участниками и волонтерами организации. Особую роль автор отводит «правовой мобилизации», которая является важной основой создания и функционирования правозащитных организаций.

Второй доклад был представлен Н.Л. Евдокимовой, членом Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Доклад был посвящен обзору правозащитных организаций в России с момента распада СССР до настоящего дня, обстоятельствам их создания, основным целям и направлениям деятельности. Важным аспектом доклада стало обсуждение влияния закона об «иностранных агентах» на функционирование общественных организаций, занимающихся как правозащитной деятельностью, так и благотворительностью и защитой экологии.

Панель 3.2 «Политология и право как важные компоненты гражданского образования» прошла под председательством А.А. Балаяна (НИУ ВШЭ – СПб).

Докладчики довольно детально рассмотрели ключевые проблемы гражданского образования на глобальном и локальном уровнях. На панели четко прослеживалась попытка соотнести этатистский подход к гражданскому образованию, так популярный сейчас в России, и плюралистический, который также имеет богатую историю развития в постсоветский период. Нужно отметить, что проблема взаимодействия гражданского образования «сверху» и «снизу» является крайне актуальной практически для всех постсоветских стран,

¹ Организация признана в РФ иностранным агентом.

поскольку формирование социально-образовательных институтов связано со значительным объемом трудностей и противоречий.

Именно проблемам реализации этатистского подхода к гражданскому образованию на уровне Санкт-Петербурга было посвящено выступление заместителя генерального директора Центра патриотического воспитания «Дзержинец» М.А. Королёвой. Она акцентировала внимание на целом ряде проблем в формировании патриотического образования в городе, начиная от неравномерного распределения соответствующих структур по районам и, как следствие, не всегда достаточному вовлечению молодежи в проекты структур гражданско-патриотического образования, заканчивая зачастую слабым пониманием педагогами школ и самих учащихся целей подобной деятельности со стороны государства. Другой докладчик, директор Санкт-Петербургского института права имени принца П.Г. Ольденбургского, руководитель Центра правового и гражданского образования «Живое право» А.Б. Гутников сделал очень подробный обзор типов гражданского образования и основных проблем, с которыми сталкиваются специалисты в этой области. Было подчеркнуто, что гражданское образование – это зонтичное понятие, включающее в себя множество элементов как иерархических, так и сетевых. При разговоре о проблемах Санкт-Петербурга было отмечено, что существует определенный ценностный лаг между педагогами, учащимися и экспертами в вопросе видения целей и результатов гражданского образования. В заключительном докладе А.Ю. Сунгуров подчеркнул необходимость выработки интегративного подхода к гражданскому образованию в современной России, для чего важно сформировать единую ценностную парадигму и гибкость в подходах к реализации тех или иных задач, которые ставятся перед структурами, осуществляющими гражданское образование. Сложность этому нередко придает мощный антагонизм между «горизонтальным» и «вертикальным» уровнями гражданского участия, а также идеологизированность представителей органов власти, экспертного сообщества, общественных организаций и образовательных учреждений. Чтобы выйти из подобной ситуации, нужно искать точки соприкосновения и пытаться смотреть на одну проблему с непривычных ранее ракурсов, чтобы понять и принять точку зрения своего оппонента. Это и есть первый шаг к диалогу и возможной будущей совместной работе. Для достижения этой цели проводятся различные тренинги, игры и иные мероприятия, которые позволяют искать компромиссы между представителями гражданского общества и властью. В целом можно отметить, что каждое выступление вызывало у собравшихся оживленную дискуссию и множество вопросов.

После перерыва состоялась *панель 4.1 на тему «Институт выборов с позиции политической науки и права»*, ведущим которой был руководитель департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – СПб

А.Н. Щербак, дискуссионным – доцент этого же департамента А.В. Семенов. Первым состоялось выступление профессора СПбГУ Н.В. Гришина на тему «Электоральные институты в фокусе изучения политических и юридических наук», в котором подчеркивалась насущная необходимость серьезного анализа российских электоральных институтов как единой системы. Следующим выступал известный российский эксперт в области избирательного законодательства, кандидат юридических наук А.Е. Любарев, который подчеркнул необходимость совместного использования социологических и политологических знаний для совершенствования избирательного законодательства. Е.Н. Порошин, соавтор профессора Е.А. Лукьяновой их совместной книги «Выборы строгого режима», представил два взгляда на одну проблему, говоря о необходимости сочетания юридического и политологического подходов в исследовании российской избирательной системы и ее трансформации. Завершило эту очень интересную панель выступление ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН Р.В. Евстифеева на тему «Между вмешательством и помешательством: иностранное влияние на национальные выборы как политико-правовая проблема».

В третий день конференции состоялся также *круглый стол 4.2. на тему «Электронное взаимодействие власти и общества в условиях развития цифровых экосистем: правовые и институциональные проблемы»*. Отличительной чертой круглого стола является широкий спектр слушателей и докладчиков из разных исследовательских институций и прикладных экспертов. В этом году среди участников были представители НИУ ВШЭ, ИТМО, СПбГУ и МГЮА.

Первый доклад, посвященный правовым аспектам регулирования цифровизации, был представлен доктором юридических наук, главным научным сотрудником Института государства и права РАН В.Б. Наумовым. В ходе обширного выступления им были раскрыты основные аспекты вопросов защиты личной информации, кибербезопасности, а также государственно-частного партнерства при построении цифровых систем. Эту тему применительно к развитию Экосистемы городских сервисов Санкт-Петербурга продолжил в своем докладе начальник юридического управления Университета ИТМО Д.С. Денисов. Завершающим докладом стало выступление кандидата политических наук А.А. Балаяна, обозначившего особенности внедрения городских цифровых площадок и их влияния на взаимоотношения власти и общества. В целом круглый стол характеризовался явно выраженной междисциплинарностью, что было отмечено в ходе общей дискуссии участниками мероприятия.

В заключение круглого стола модератор А.В. Чугунов (Центр технологий электронного правительства ИДУ Университета ИТМО) обозначил перспективы комплексных междисциплинарных научных исследований специфики

развития Экосистемы городских сервисов «Цифровой Петербург» как специфического канала взаимодействия власти и общества.

Завершила программу конференции *панель 5.1 «На пути к политологии права»*, на которую собрались все участники конференции (ведущий – А.Ю. Сунгуров). В рамках этой панели выступил доцент РАНХиГС М.Ю. Мизулин с сообщением на тему «Национальная доктрина права & универсальность прав человека». Далее последовало совместное сообщение исследовательского тандема из Тверского госуниверситета С.В. Рассадина и Н.Н. Козловой, посвященное античным корням политологии и права, на тему «Справедливость: от *δικαιοσύνη* к *iustitia* – концептуальный узел». Выпускница аспирантуры НИУ ВШЭ А.Е. Захарова сделала сообщение на тему «Право и политическая наука: предпосылки и перспективы междисциплинарных исследований». Завершило эту панель выступление доцента Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), кандидата юридических наук С.А. Денисова на тему «Конституционная политология как наука о конституционализации политической системы».

В рамках заключительной дискуссии было высказано предложение преобразовать исследовательские комитеты «Право и политика» и «Права человека» Российской ассоциации политической науки в один исследовательский комитет «Политология права и права человека», а также посвятить теме конференции очередной выпуск журнала «Публичная политика». Доцент НИУ ВШЭ – СПб А.В. Семенов анонсировал тему Октябрьских чтений – 2023, которые должны состояться 21–23 октября 2023 г. Тема Двенадцатых Октябрьских чтений – «Города как пространства оспаривания».

*Отчет подготовлен председателями панелей и круглых столов,
под ред. А.Ю. Сунгурова*

Информация о конференции была представлена на сайте НИУ ВШЭ – СПб <https://spb.hse.ru/ba/political/news/788422207.html>.

Фотоотчет о конференции см.: <https://disk.yandex.ru/d/Vjk20RA1PewCdw> (фото за 21.10.2022) и <https://disk.yandex.ru/d/1Zh9jCxe2s4C8w> (фото за 22.10.2022).

Правила оформления текстов в журнале «Публичная политика»

1. Рукописи, присылаемые в редакцию журнала «Публичная политика», должны быть оригинальными научными исследованиями. Тексты, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных статей и монографий или иных научных работ, к печати не принимаются.

2. В начале статьи указываются на русском и английском языках ее название, фамилия, имя и отчество автора, место работы, занимаемая должность, ученая степень, город, страна, e-mail, пишутся аннотация (не более 200 знаков) и ключевые слова.

3. Тексты статей представляются на русском или английском языке объемом от 0,7 до 1 п.л. без пробелов (для обзоров и рецензий от 0,2 до 0,5 п.л. тыс. знаков), включая сведения об авторе, аннотацию, ключевые понятия, список литературы, references. Текст должен быть в формате Word 2003–2021, кегль 14 “Times New Roman”, интервал 1,0. Поля страницы обычные: верхнее и нижнее по 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см.

4. Ссылки на литературу оформляются по чикагской системе – в квадратных скобках (например, [Лейпхарт 1997: 277], [Huntington 1996: 5]), в конце статьи – список научных источников в алфавитном порядке (сначала российские, затем зарубежные). Ссылки на законодательные акты, публицистику или статистические данные нужно оформлять постранично в виде сносок. Для нормативных актов указываются начальная и последняя редакции. При ссылках на несколько работ одного автора за один год нужно в тексте и литературе к году приписать буквы (а, б, в... – в русскоязычной части списка; a, b, c... – в иноязычной части). При ссылке на источники, размещенные в сети Интернет, дается их библиографическое описание (при наличии опубликованного варианта), указываются название и адрес сайта, а также в круглых скобках дата обращения.

В списке литературы:

– при оформлении книг указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название книги, место издания, издательство, общее количество страниц;

– при оформлении научных статей указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название статьи и журнала, том и номер, страницы

расположения статьи, электронный адрес и дата обращения, если речь идет об интернет-публикации;

– название периодического издания, монографии, сборника или главы книги выделяется курсивом.

Примеры:

1. При описании книг:

На русском: Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 300 с.

2. Книга коллектива авторов:

На русском: *Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке* / под ред. Е.А. Ларина. 2012. М.: Наука. 767 с.

3. Переводная книга:

На русском: Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН. 320 с.

4. Статья из периодического издания:

На русском: Капустин Б.Г. 2003. К понятию политического насилия. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 6–26.

5. Кроме статьи, в редакцию высылаются отдельным файлом следующие данные:

- 1) Ф.И.О. (указывается полностью);
- 2) должность и место работы или учебы, ученая степень;
- 3) почтовый адрес с индексом;
- 4) адрес электронной почты и контактный телефон.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Public Policy

ISSN 2541-8351

9 772541 835007

2 2 0 0 2

>